

12+

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 1/2024

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 1 / 2024

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2024

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки : электронный научный журнал / главный редактор : Б.А. Крузе ; редколлегия выпуска : Л.Л. Баландина (ответственный редактор выпуска), Н.В. Коптева, О.С. Самбикина ; учредитель и издатель : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2024. – Выпуск 1. – ISSN 2308-717X. – URL: <http://www.vestnik1.pspu.ru>. – Текст (визуальный) : электронный.

Предлагаемый выпуск «Вестника ПГГПУ» (серия «Психологические и педагогические науки») посвящен психологическим исследованиям, проводимым преподавателями, аспирантами, магистрантами и студентами кафедры педагогики и психологии ПГГПУ, кафедр общей и клинической психологии, психологии развития ПГНИУ. Теоретико-эмпирические исследования сгруппированы по разделам психологии: общая психология и психология личности, психология развития и возрастная психология, социальная психология, клиническая психология, практическая психология в образовании.

Издание адресовано ученым в области психологии, аспирантам, магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется предложенной проблематикой.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЕСТНИКА ПГГПУ:

Б.А. КРУЗЕ – д-р пед. наук, профессор ПГГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «Психологические и педагогические науки»:

С.И. ШУМИНСКАЯ – канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ

Л.А. КОСОЛАПОВА – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой педагогики ПГНИУ

Н.А. ГАНГНУС – канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА (Психология):

Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред. вып.)

Н.В. КОПТЕВА – д-р психол. наук, проф. кафедры практической психологии ПГГПУ

О.С. САМБИКИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры теоретической и прикладной психологии ПГГПУ

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись Роскомнадзора серии ЭЛ № ФС 77-78183 от 27.03.2020 г.

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 270-04/2014 от 28.04.2014 г.

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre), ему присвоен международный стандартный сериальный номер ISSN 2308-717X

Сайт журнала Вестник ПГГПУ. Серия № 1 «Психологические и педагогические науки»:

URL: <http://www.vestnik1.pspu.ru>

Префикс DOI: 10.24412/2308-717X

Электронная почта журнала: lbalandina2017@yandex.ru – Баландиной Людмиле Леонидовне

Тел. (342) 215-18-76, доб. 419, 435

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Евтух Т.В., Котова С.А.</i> ВЫРАЖЕННОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ	5
<i>Попова Т.А., Лаукарт О.Ф.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ	12
<i>Харламова Т.М., Алимова А.А.</i> СВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МЧС	22
<i>Харламова Т.М., Харисова В.Т.</i> СПОСОБНОСТИ К ЭМПАТИИ У ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ЧЕРТАМИ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ	36
<i>Чебыкина Т.С.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ «ТЕМНЫХ» И БАЗОВЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ	48

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Баландина Л.Л., Барковская Д.В.</i> РАЗЛИЧИЯ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СВЯЗИ С УРОВНЕМ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	61
<i>Блинова А.Ю., Продовикова А.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	72
<i>Краснов А.В., Лапшина В.О.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ВИДОВ ОДИНОЧЕСТВА И ТИПА РЕФЛЕКСИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	86
<i>Сентемова Е.Ю.</i> ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИЗУЧЕНИЮ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ, В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ В МИРЕ	97

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Мишкевич А.М., Попова Т.А., Плетнёва К.В.</i> ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ВЫБОРА СТИЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТЕ.....	108
---	-----

РАЗДЕЛ 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Графова О.О.</i> ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	115
<i>Продовикова А.Г., Галиуллина А.Р.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ.....	129

РАЗДЕЛ 5. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

<i>Русин А.В., Жданова С.Ю.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЗАПРОСОВ ПЕРВОКУРСНИКОВ НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ	141
---	-----

РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.07

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-5-11

Евтух Татьяна Викторовна

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
evtukh-tv@ranepa.ru

Котова Светлана Александровна

кандидат философских наук, доцент
kotova-sa@ranepa.ru

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия
614990, Пермь, Комсомольский проспект, 61*

ВЫРАЖЕННОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Tatiana V. Evtukh

Ph. D., Associate Professor, Head of Department
evtukh-tv@ranepa.ru

Svetlana A. Kotova

Ph. D., Associate Professor
kotova-sa@ranepa.ru

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
61, Komsomolsky Prospekt, Perm, 614990, Russia*

THE SEVERITY AND INTERRELATION OF INDICATORS OF VIRTUAL IDENTITY AND VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF SOCIO-HUMANITARIAN FIELDS OF STUDY

Аннотация. Рассматриваются выраженность и взаимосвязь показателей виртуальной идентичности и ценностных ориентаций студентов социально-гуманитарных направлений подготовки. Актуальность исследования обуслов-

лена растущей значимостью виртуальной среды в жизни молодежи и ее влиянием на формирование идентичности и ценностных приоритетов. В рамках работы проведен эмпирический анализ, который позволил выявить особенности выраженности виртуальной идентичности и ее корреляцию с основными ценностными ориентациями, такими как «приятное времяпрепровождение, отдых» и «признание и уважение людей и влияние на окружающих». Результаты исследования демонстрируют, что высокая степень интеграции в виртуальные сообщества напрямую связана с изменениями в ценностных установках, что подчеркивает необходимость учета этих факторов в образовательных процессах. Выводы могут быть полезны для практиков в сфере образования, а также для дальнейших исследований в области психологии и социологии молодежи.

Ключевые слова: ценности, виртуальная личность, виртуальная идентичность, ценностные ориентации.

Abstract. The article examines the relationship and severity of indicators of virtual identity and value orientations of students of socio-humanitarian fields of study. The relevance of the research is due to the growing importance of the virtual environment in the lives of young people and its influence on the formation of identity and value priorities. As part of the work, an empirical analysis was carried out, including a survey of students, which revealed the features of the expression of virtual identity and its correlation with basic value orientations, such as personal development, social relations and professional preferences. The results of the study demonstrate that a high degree of integration into virtual communities is directly related to changes in value attitudes, which emphasizes the need to take these factors into account in educational processes. The findings may be useful for practitioners in the field of education, as well as for further research in the field of psychology and sociology of youth.

Key words: values, virtual personality, virtual identity, value orientations.

Появившись в середине XX в. (в работах Э. Эриксона), термин «идентичность» претерпел множество попыток операционализации и имеет историю осмысления в разных дисциплинарных областях. В работах зарубежных и отечественных исследователей анализу подвергаются компоненты, уровни, виды, статусы, факторы формирования и измерения идентичности. Предпринимаются попытки построения комплексной системной модели идентичности [5].

Современные реалии информационного общества приводят к необходимости более пристального рассмотрения вопросов влияния виртуального пространства на совокупность представлений человека о себе, изменения его цен-

ностно-смысловой сферы. Таким образом, встает вопрос о рассмотрении специфики показателей виртуальной идентичности молодежи и их сопоставления с доминирующими ценностными ориентациями.

Гипотезы исследования

1. Существует специфика выраженности виртуальной идентичности и ценностных ориентаций студентов социально-гуманитарных направлений подготовки.

2. Показатели виртуальной идентичности неоднозначно связаны с ценностными ориентациями личности.

Процедура и методики исследования

Выборка

В сентябре 2024 г. на базе Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) было проведено исследование студентов 1-го и 2-го курсов социально-гуманитарных направлений подготовки: «Государственное и муниципальное управление», «Экономика», «Менеджмент», «Юриспруденция». Выборка испытуемых составила 72 человека.

Сбор данных по диагностике проводился в смешанном режиме: аудиторно-бланковым способом и в дистанционном формате с помощью интернет-ресурса Yandex Forms.

Методики исследования

Использованы следующие методики исследования: тест «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» (ВИПСС) [3] и опросник «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (автор – С.С. Бубнова) [1].

Тест «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» (ВИПСС) включает три шкалы: «Склонность к кибераддикции», «Принятие субкультуры», «Виртуальный образ», сумма баллов по которым составляет интегральный показатель виртуальной идентичности. Количество набранных баллов по каждой шкале переводится в стандартную 10-балльную шкалу стенов и далее позволяет определить уровень выраженности.

Опросник «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» направлен на изучение реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности, включает 66 вопросов, на которые испытуемому необходимо ответить да или нет. В результате подсчета баллов получаем степень выраженности следующих ценностей: приятное времяпре-

провождение, отдых; высокое материальное благосостояние; поиск и наслаждение прекрасным; помощь и милосердие к другим людям; любовь; познание нового в мире, природе, человеке; высокий социальный статус и управление людьми; признание и уважение людей и влияние на окружающих; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; общение; здоровье.

Описание результатов

Результаты исследования методики ВИПСС показывают, что по шкале «Виртуальный образ» (отражает комплексное представление личности о физических и психологических свойствах, демонстрируемых в виртуальном пространстве, а также возможности и преимущества коммуникации в социальных сетях) 37 % обучающихся считают, что Интернет позволяет им выразить себя, при этом 36,1 % студентов время от времени указывают неверные данные о своей личности в Интернете, в том числе при регистрации в социальных сетях, а 30,5 % отметили, что в социальных сетях производят впечатление успешного и привлекательного человека.

По шкале «Принятие субкультуры», которая характеризует степень одобрения личностью специфических норм, принятых в виртуальных сообществах, интересными являются следующие факты: 14,3 % проявляют конфликтное поведение в социальных сетях, не идентифицируя свою реальную личность, при этом могут настаивать на своей правоте, даже когда в ней не уверены; 13 % считают нормой оскорбления и нецензурную брань в Интернете; 18,9 % считают, что в Интернете необязательно соблюдать правила русского языка.

По шкале «Склонность к кибераддикции», которая отражает уровень значимости социальных сетей для личности, а также иллюстрирует возникновение аддиктивных тенденций при чрезмерном использовании социальных сетей, тревожным фактом является то, что 86,1 % студентов отмечают, что заходят в социальные сети без намерений с кем-либо пообщаться; 69,4 % листают новостную ленту «просто так», при этом 21,9 % студентов предпочитают пребывание в сети близкому общению с партнером. Привлекательность общения в социальных сетях связывается с возможностью донесения своих мыслей до большого количества людей у 31,9 % студентов, большей возможностью признания достоинств человека в виртуальной среде, по сравнению с реальной (21,1 %), возможностью избавиться от скуки и изменить настроение (21,7 %). Примерно 30 % студентов отмечают, что не замечают увеличения времени, проводимого ими в виртуальной среде.

Среднее значение интегрального показателя по методике ВИПСС – 109,56 баллов – свидетельствует о слабо выраженной виртуальной идентичности участников исследования, при этом средние значения показателей по шка-

лам «Склонность к кибераддикции и «Виртуальный образ» остаются в зоне низких значений, а по шкале «Принятие субкультуры» – на среднем уровне. В целом становится очевидным, что только очень немногим испытуемым данной выборки в определенной мере присущи типичные черты и тенденции, описанные другими исследователями: склонность к праздности времяпрепровождения и демонстрации полевого поведения, созданию приукрашенного образа себя, толерантности к искажению персональной информации и тенденции к проявлению киберагрессии, нормированию агрессии, употреблению нецензурной лексики, грубости в общении.

Анализ результатов по методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова) показывает, что доминирующими ценностными ориентациями обучающихся нашей выборки являются: признание и уважение людей и влияние на окружающих; помощь и милосердие к другим людям; здоровье; приятное времяпрепровождение, отдых; причем ориентация на признание и уважение людей и влияние на окружающих более значима для юношей, а остальные – для девушек.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Проведенное эмпирическое исследование позволило установить, что большее количество испытуемых имеют низкий показатель выраженности виртуальной идентичности. Согласно интерпретации теста, им свойственно целенаправленное и осознанное использование социальных сетей для решения конкретных задач: коммуникации, поиска информации, самопрезентации; характерно сочетание критического отношения к информации в социальных сетях и возможностей, предоставляемых ими; отношение к нормам субкультуры формируется на основе соответствия ценностным установкам личности; создаваемый виртуальный образ отражает реальные свойства пользователя. Отмечается целенаправленность времяпрепровождения в социальных сетях и построение аутентичного образа.

Все это, вероятно, может свидетельствовать о большей зрелости личности испытуемых и, возможно, обусловлено системой доминирующих ценностей.

Полученные нами результаты по доминирующим ценностным ориентациям студентов сопоставимы с фактами С.В. Гладченковой, И.Н. Проскурниной, изучавших ценностные ориентации студентов Брянского государственного инженерно-технологического университета [2], за исключением того, что ценностная ориентация «здоровье» является в нашей выборке испытуемых достаточно значимой, в то время как у обозначенных выше авторов не занимала лидирующие позиции. Следует отметить, что на выраженную ценность здоровья для современной молодежи тем не менее указывают результаты масштабного опроса среди молодых людей Поволжья и Крыма [4].

Результаты корреляционного анализа Спирмена показали наличие достоверных связей интегрального показателя виртуальной идентичности и следующих ценностных ориентаций студентов: приятное времяпрепровождение, отдых ($0,312; p \leq 0,05$), признание и уважение людей и влияние на окружающих ($-0,324; p \leq 0,05$).

Таким образом, данные корреляционного анализа подтверждают предположение о связи выраженности виртуальной идентичности с ценностными ориентациями студентов.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Существует специфика выраженности виртуальной идентичности и ценностных ориентаций студентов социально-гуманитарных направлений подготовки. Больше количество студентов данной направленности имеют низкий показатель выраженности виртуальной идентичности: им свойственно целенаправленное и осознанное использование социальных сетей для решения конкретных задач; сочетание критического отношения к информации в социальных сетях и возможностей, предоставляемых ими; отношение к нормам субкультуры формируется на основе соответствия ценностным установкам личности; создаваемый виртуальный образ отражает реальные свойства пользователя, отмечается целенаправленность времяпрепровождения в социальных сетях и построение аутентичного образа.

2. Показатели виртуальной идентичности неоднозначно связаны с несколькими ценностными ориентациями личности: приятное времяпрепровождение, отдых ($0,312; p \leq 0,05$), признание и уважение людей и влияние на окружающих ($-0,324; p \leq 0,05$).

Список литературы

1. Бубнова С.С. Методика диагностики ценностных ориентаций личности. – М. : Ин-т молодежи, 1995.

2. Гладченкова С.В., Проскурнина И.Н. Жизненные ценности современной молодежи: к постановке проблемы // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. – Брянск, 2024. – С. 129–134.

3. Погорелов Д.Н. Психологическое содержание и диагностика виртуальной идентичности пользователей социальных сетей [Электронный ресурс] : учеб. пособие. – Челябинск : ЧИППКРО, 2022. – URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologicheskaya-struktura-i-osobennosti-virtualnoi-identichnosti-polzovatelei-sotsialnykh> (дата обращения: 20.11.2024).

4. Рожкова Л.В. Контуры базовых ценностей российской молодежи // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.К. Ростовской. – М., 2019. – С. 207–211.

5. Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – Т. 1, № 21. – ISSN 2222-0836.

УДК 159.923

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-12-21

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития

permtan@yandex.ru

orcid.org/0000-0002-6204-3220

Лаукарт Оксана Фёдоровна

магистрант III курса философско-социологического факультета

направления «Психология»

oxana0209@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский

университет, Пермь, Россия

614990, Пермь, Букирева, 15

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ

Tatyana A. Popova

Ph. D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology

permtan@yandex.ru

Oksana F. Laukart

3st Year Master's Student of the Faculty of Philosophy
and Sociology of the Direction "Psychology"

oxana0209@mail.ru

Perm State National Research University

15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia

THE RELATIONSHIP OF PERSONALITY TRAITS, PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND JOB SATISFACTION

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования черт личности, психологического благополучия и удовлетворенности работой. Обнаружена положительная взаимосвязь показателей благополучия и удовлетворенности трудовой деятельностью испытуемых с их личностными чертами и их аспектами (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту).

В то же время выявлена отрицательная связь между показателями психологического благополучия, удовлетворенности работой и такой чертой, как негативная эмоциональность. Предположительно, личностные черты могут служить предикторами психологического благополучия и удовлетворенности личности выполняемой ею профессиональной деятельностью.

Ключевые слова: черты личности, аспекты личности, предикторы, психологическое благополучие, удовлетворенность работой, экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, открытость опыту, негативная эмоциональность.

Abstract. The article presents an analysis of the results of the study of personality traits and psychological well-being and job satisfaction. A positive correlation was found between the indicators of well-being and job satisfaction of the subjects with their personal traits and their aspects (extraversion, benevolence, conscientiousness and openness to experience). At the same time, a negative relationship was revealed between indicators of psychological well-being and job satisfaction and such a trait as negative emotionality. Presumably, personality traits can serve as predictors of psychological well-being and satisfaction with a person's professional activities.

Key words: personality traits, personality aspects, predictors, psychological well-being, job satisfaction, extraversion, benevolence, conscientiousness, openness to experience, negative emotionality.

В настоящее время проблема психологического благополучия становится все более актуальной, особенно в ситуации неопределенности ближайшего будущего [2, 14]. Интерес к проблеме психологического благополучия со стороны исследователей во многом обусловлен тенденциями, происходящими в современном обществе [1, 2, 3, 9, 10, 13, 15].

Психологическое благополучие, сформулированное Н.Э. Брэдбёрном (N. Bradburn, 1969), определяется как динамический баланс между накопленными положительными и отрицательными эмоциональными переживаниями на протяжении жизни человека. Дальнейшие исследования связаны с именем основоположника позитивной психологии М. Селигмана (M. Seligman, 2006), которые позднее продолжились в рамках субъективного (гедонистического) и психологического (эвдемонического) (А.Е. Созонтов, 2006) благополучия [5, 11, 12].

В клинической психологии психологическое благополучие часто связывают с такими конструкциями, как психическое здоровье, психологическое здоровье, внутренние представления о здоровье, удовлетворенность жизнью, личное благополучие и эмоциональное благополучие. С точки зрения гуманистической, позитивной психологии и психологии развития психологическое благополучие воспринимается как реализация человеческого потенциала (К. Рифф, 1995), который включает автономию, компетентность, личностный рост, пози-

тивные отношения, жизненные цели и самопринятие [6, 7, 11]. Элементы психологического благополучия часто включаются в более широкую структуру личностного потенциала, связывая его стабильность с такими факторами, как устойчивость и позитивное мышление (Argyle, 2003).

Удовлетворенность в различных сферах жизни считается наиболее значимым показателем субъективного благополучия, одной из главных сфер является удовлетворенность трудом [16].

В то время как концепция психологического благополучия продолжает приобретать ясность, его связь с личностными характеристиками остается малоизученной. Предикторами психологического благополучия и удовлетворенности человека работой могут служить личностные черты. Однако исследований удовлетворенности работой и психологического благополучия с опорой на модель Большой пятерки явно недостаточно [16].

В данном исследовании применяется адаптированная Big Five Inventory – 2 (BFI-2), представленная Сото и Джоном (2017), которая оценивает пять основных измерений личности вместе с тремя конкретными гранями (аспектами, фасетами) для каждого измерения [4]. С этих позиций данное исследование является актуальным и востребованным.

Цель исследования заключается в изучении взаимосвязи между чертами личности (на выборке сотрудников Сбербанка), показателями их психологического благополучия и удовлетворенности работой.

Объект исследования: черты личности, психологическое благополучие и удовлетворенность работой.

Предмет исследования: особенности интеркорреляций черт личности, показателей психологического благополучия и удовлетворенности работой.

Задачи исследования:

1. Изучить черты личности, особенности удовлетворенности работой и психологического благополучия сотрудников ПАО «Сбербанк».
2. Изучить характер взаимосвязей показателей черт личности и психологического благополучия сотрудников.
3. Изучить характер взаимосвязей показателей черт личности и удовлетворенности сотрудников работой.
4. Выявить особенности интеркорреляций показателей психологического благополучия и удовлетворенности работой.

Исходя из цели и задач исследования, мы сформулировали следующие **гипотезы**.

1. Существует взаимосвязь черт личности (экстраверсия, открытость опыту, ответственность и доброжелательность) с показателями психологического благополучия и удовлетворенности работой.

2. Характер взаимосвязи между различными чертами личности, показателями психологического благополучия и удовлетворенности работой имеет свою специфику.

Для реализации цели и поставленных задач в исследовании использовались следующие психодиагностические методики:

1) русскоязычная версия Big-5 (А.Ю. Калугин, С.А. Щебетенко, А.М. Мишкевич) вопросника BFI-2 (Soto & John, 2017) [4];

2) Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной, 2011) [8];

3) Опросник удовлетворенности работой (Job Satisfaction Survey; JSS), разработанный Спектором (1985).

Исследование проводилось в 2023–2024 гг. на выборке специалистов Сбербанка. В исследовании приняли участие 60 человек (средний возраст – 39 лет).

Полученные данные были обработаны с использованием пакета программы Jasp. В исследовании использовались следующие статистические методы обработки данных: описательные статистики, проверка нормальности распределения по p -критерию Shapiro – Wilk, корреляционный анализ по t -критерию Спирмена.

Основные результаты исследования

Для проверки гипотезы о существовании взаимосвязей показателей черт личности, психологического благополучия и удовлетворенности работой применялся корреляционный анализ Спирмена.

Рассмотрим более подробно характер взаимосвязи показателей психологического благополучия и черт личности (табл. 1, рис. 1).

В табл. 1 представлены значимые коэффициенты корреляций показателей черт личности и психологического благополучия сотрудников ПАО «Сбербанк».

Таблица 1

Корреляции показателей черт личности и психологического благополучия

Черты личности	Психологическое благополучие	
Экстраверсия	0,50	***
Добросовестность	0,45	***
Открытость опыту	0,50	***
Негативная эмоциональность	-0,51	***
Доброжелательность	0,37	**

Примечание: ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Рис. 1. Корреляции показателей черт личности и психологического благополучия

На основании корреляционного анализа Спирмена выявлена связь различных черт и аспектов личности с показателем психологического благополучия (включая склонность к общительности, ответственности и открытости новым идеям, формированию позитивной картины мира и удовлетворенности жизнью в целом).

Как видим, результаты, представленные в табл. 1 и на рис. 1, свидетельствуют о том, что суммарный показатель психологического благополучия положительно коррелирует с личностными чертами и аспектами личности: экстраверсией и ее аспектами ($r = 0,50; p < 0,001$), открытостью опыту и ее аспектами ($r = 0,50, p < 0,001$), добросовестностью и ее аспектами ($r = 0,45; p < 0,001$), доброжелательностью и ее аспектами ($r = 0,37; p < 0,01$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что люди с выраженными чертами экстраверсии, добросовестности, доброжелательности и открытости опыту наиболее психологически благополучны, что подтверждает исследование Н.Ю. Литвиновой [12]. Черта экстраверсии располагает к общению, взаимодействию с другими людьми, которые могут оказывать социальную поддержку и поддерживать психологическое благополучие личности, повышать жизненный тонус и чувство наполненности жизни. Черта добросовестности предполагает психологическое благополучие в силу удовлетворенности от сделанного, выполненного, достигнутого. Доброжелательность, очевидно, способствует более гибкому налаживанию коммуникаций и получению максимально

положительного обратного отклика, что может формировать ощущение благополучия личности. Доброта, терпеливость, уступчивость в отношениях с окружающими повышают вероятность позитивного восприятия своей жизни.

В то же время обнаружена отрицательная корреляция показателей психологического благополучия с чертой (аспектом) негативной эмоциональности ($r = -0,51; p < 0,001$). Очевидно, что тревожность, ранимость людей с высокой эмоциональностью могут влиять на ощущение личностного неблагополучия.

Данные взаимосвязи указывают на то, что развитие личностных черт экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, открытости опыту способствуют повышению общего уровня благополучия, формированию жизнестойкости, готовности активно действовать в сложной ситуации, принимать на себя риски и их последствия, контролировать происходящее, тогда как высокая негативная эмоциональность может снижать общий уровень благополучия.

Таким образом, сотрудники Сбербанка с выраженными чертами экстраверсии, добросовестности и открытости опыту чувствуют себя более психологически благополучными.

Полученные нами результаты частично соответствуют данным исследований того, что черты экстраверсии и открытости опыту являются предикторами психологического благополучия [4].

Рассмотрим далее результаты корреляционного анализа показателей черт личности и удовлетворенности работой. Для анализа взаимосвязи особенностей удовлетворенности работой и черт личности «Большая пятерка» обратимся к табл. 2 и рис. 2, где представлены значимые коэффициенты корреляций показателей черт личности и удовлетворенности работой сотрудников Сбербанка.

Результаты, представленные в табл. 2 и на рис. 2, свидетельствуют о том, что показатель удовлетворенности работой положительно коррелирует с такими чертами личности, как открытость опыту ($r = 0,43; p < 0,001$) и доброжелательность ($r = 0,43; p < 0,001$).

Таблица 2

Корреляции показателей черт личности и удовлетворенности работой

Черты личности	Удовлетворенность работой	
Экстраверсия	0,27	*
Добросовестность	0,32	*
Открытость опыту	0,43	***
Негативная эмоциональность	-0,43	***
Доброжелательность	0,43	***

Примечание: * $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Рис. 2. Корреляции показателей черт личности и удовлетворенности работой

Вероятно, люди, открытые новому опыту, новой деятельности, новым проектам, более удовлетворены ею и более субъективно благополучны. Работа в Сбербанке предполагает владение большим объемом информации, быстро меняющимися тенденциями в экономике, поведении людей, подходами к сервисному обслуживанию. Соответственно, людям, позитивно воспринимающим перемены, легче адаптироваться к окружающей действительности, чувствовать себя субъективно благополучными. Сотрудники, проявляющие доброжелательность к окружающим, создающие доброжелательную рабочую атмосферу, более удовлетворены работой. Эта связь подчеркивает важность вышеуказанных характеристик личности в повышении общей удовлетворенности работой [2].

Выявлена положительная корреляция между чертой экстраверсии и удовлетворенностью работой ($r = 0,27^*$; $p < 0,05$). Экстраверты более общительны и активны, более позитивно воспринимают коммуникацию с клиентами банка, более удовлетворены результатами деятельности.

Выявлена положительная корреляция между добросовестностью и удовлетворенностью работой ($r = 0,32^*$; $p < 0,05$). Чем более добросовестны сотрудники, тем более они довольны результатами собственного труда. Показатель удовлетворенности работой положительно коррелирует с такими чертами личности, как открытость опыту ($r = 0,43$; $p < 0,001$), доброжелательность ($r = 0,51$; $p < 0,001$) и добросовестность ($r = 0,42$; $p < 0,001$).

Отрицательно коррелирует с удовлетворенностью работой такая черта, как негативная эмоциональность ($r = -0,43$; $p < 0,001$), которая может влиять на удовлетворенность работой в целом и, вероятно, на микроклимат и взаимодействие с коллегами и клиентами.

Все же необходимо учесть, что полученные результаты могут быть обусловлены конкретным контекстом исследуемой области, а именно банковской сферой, где выполнение профессиональных обязанностей напрямую связано с взаимодействием с клиентами.

Далее рассмотрим характер взаимосвязи показателей психологического благополучия сотрудников и удовлетворенности работой (табл. 3, рис. 3).

Таблица 3

Корреляции показателей психологического благополучия и удовлетворенности работой

Черта личности	Удовлетворенность работой	
Психологическое благополучие	0,32	*

Как видно из табл. 3 и рис. 3, присутствует взаимосвязь между показателями психологического благополучия и удовлетворенности работой (0,32*). Исследования, посвященные удовлетворенности работой сотрудников разных сфер деятельности, выявили, что удовлетворенность может положительно влиять на проявления активности личности [11], обуславливать лояльность сотрудников к организации, сказываться на эмоциональном благополучии [12] и психологическом здоровье [7], а неудовлетворенность – способствовать обеспокоенности и депрессии, что частично подтверждается полученными нами результатами.

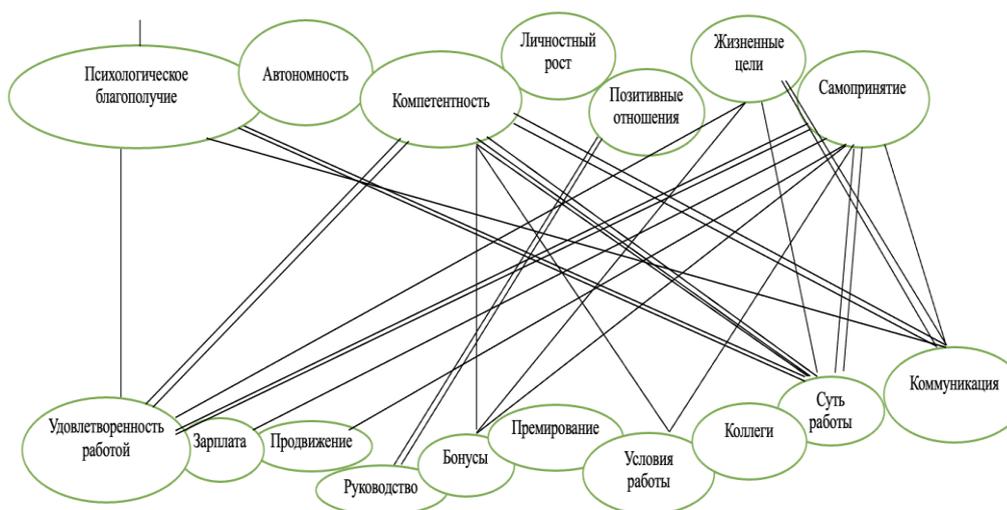

Рис. 3. Корреляции показателей субъективного благополучия и удовлетворенности работой

Выводы

На основании полученных данных мы обнаружили, что черта личности «экстраверсия» и ее аспекты положительно коррелируют с показателем психологического благополучия; при этом благополучие взаимосвязано с такими аспектами экстраверсии, как общительность и настойчивость, а общительность коррелирует с показателем удовлетворенности работой, открытостью опыту и ее аспектами, добросовестностью и ее аспектами. Доброжелательность и ее аспекты положительно взаимосвязаны с показателями психологического благополучия и удовлетворенности работой.

В то же время черта «негативная эмоциональность» отрицательно коррелирует с показателями психологического благополучия и удовлетворенности работой, кроме аспекта тревожности, которая не взаимосвязана с психологическим благополучием, но, наряду с депрессивностью, коррелирует отрицательно с показателями удовлетворенности работой.

Таким образом, полученные результаты подтвердили выдвинутые нами гипотезы, на основании которых мы можем предположить, что личностные черты взаимосвязаны с показателями субъективного благополучия и могут выполнять функции предикторов.

Список литературы

1. Асадуллин М.Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 6А. – С. 228–240.
2. Белехова Г.В. Удовлетворенность работой в крупных городах и районах в условиях кризисных процессов. 2020–2022 гг. // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 79–98.
3. Борисов Г.И. Подходы к изучению психологического благополучия // Психология образования: современный вектор развития. – Екатеринбург, 2020. – С. 157–174.
4. Витко Ю.С., Калугин А.Ю., Щebetенко С.А. Многообразие структур черт личности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2022. – № 1 (6). – С. 183–193.
5. Ворожейкин С.А. Теоретические подходы к изучению феномена субъективного благополучия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2022. – Т. 11, № 4 (44). – С. 316–327.
6. Данилова М.А., Панина Н.Т. Теоретическое осмысление феномена «психологическое благополучие» // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 60-7. – С. 20–25.

7. Дубровина И.В. Психологическое благополучие личности как феномен // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. – С. 166–175.
8. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 2. – С. 82–93.
9. Казарцева К.Ю. Проблема психологического благополучия личности в психологии // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 12. – С. 679–684.
10. Лебедева М.В., Вербина Г.Г. Субъективное и психологическое благополучие как категории современной психологии // International Journal of Medicine and Psychology. – 2021. – Т. 4, № 5. – С. 48–52.
11. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1 (155). – С. 14–37.
12. Литвинова Н.Ю. Взаимосвязь эмоционального, субъективного и психологического в структуре феномена благополучия личности // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 3 (94). – С. 50–53.
13. Малышев К.Б., Малышева О.А. Психологическое благополучие личности // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2021. – Т. 2, № 8. – С. 50–62.
14. Мороз Т.С., Агапов В.С., Кучина Т.И. Особенности психологического благополучия личности в ситуации неопределенности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций. – Екатеринбург, 2019. – С. 106–109.
15. Музыка А.С. Диспозициональная модель личности «Большая пятерка»: универсальный, локальный и кумулятивный подходы // Наука и общество: проблемы современных исследований. – Омск, 2022. – С. 95–100.
16. Петрушихина Е.Б. Личностные черты как фактор удовлетворенности работой [Электронный ресурс] // Современные технологии управления. – 2023. – № 9 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-cherty-kak-faktor-udovletvorennosti-rabotoy> (дата обращения: 16.08.2024).

УДК 159.9.072.4

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-22-35

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и клинической психологии
okpsychology@mail.ru

Алимова Анастасия Александровна

студентка V курса специальности «Клиническая психология»,
профиль «Психологическое обеспечение в чрезвычайных
и экстремальных ситуациях»
okpsychology@mail.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

**СВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МЧС**

Tatiana M. Kharlamova

Ph. D., Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology
okpsychology@mail.ru

Anastasiya A. Alimova

Post-Baccalaureate (Year 5) Student Majoring in Clinical Psychology,
Degree Track in Psychological Support in Emergency and Extreme Situations
okpsychology@mail.ru

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

**RELATIONSHIP BETWEEN TOLERANCE FOR UNCERTAINTY
AND COPING STRATEGIES IN FUTURE EMERCOM SPECIALISTS**

Аннотация. Представлены результаты исследования связи толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у будущих специалистов МЧС разного пола, обучающихся в гражданском колледже по направлениям «Пожарная без-

опасность» и «Защита в чрезвычайных ситуациях». Установлено, что для мужской выборки более характерно поведение, направленное на конструктивное разрешение проблем, предполагающее анализ ситуации, учет прошлого опыта и планирование собственных действий, а для женской выборки – избегание, позволяющее снизить эмоциональное напряжение, но препятствующее решению проблем. Значимых различий по показателям толерантности к неопределенности в исследуемых выборках не обнаружено. Показано также, что чем более выражена интолерантность к неопределенности, тем более респонденты мужского пола стремятся прояснить проблему и задействовать все имеющиеся ресурсы для поиска ее решений, а респонденты женского пола стремятся рационализировать проблему за счет усиления самоконтроля; чем более у будущих специалистов МЧС выражена межличностная интолерантность к неопределенности, тем более мужчины стараются снизить значимость создавшейся ситуации, женщины – актуализировать самоконтроль, а все респонденты – избежать неоднозначности в межличностном взаимодействии. Установлено также, что чем более респонденты женского пола толерантны к неопределенности, тем активнее они используют стратегию разрешения проблем, тем скорее осознают свою ответственность за их возникновение и тем сильнее противостоят трудностям. Результаты исследования могут быть полезны штатным психологам МЧС и преподавателям соответствующих образовательных учреждений.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, копинг-стратегии, будущие специалисты МЧС.

Abstract. The study presents the results of research on the relationship between tolerance for uncertainty and coping strategies among future EMERCOM specialists of different genders, who are studying in a civilian college in the fields of Fire Safety and Emergency Protection. Male respondents were found to be more likely to engage in behavior aimed at constructive problem-solving, which involves analyzing the situation, considering past experiences, and planning their actions. Female respondents showed a tendency to use avoidance strategies, which helps reduce emotional tension but hinders problem-solving. No significant differences were observed in the levels of tolerance for uncertainty between the studied groups. The study also showed that the more pronounced the intolerance for uncertainty was, the more male respondents attempted to clarify the problem and utilize all available resources to find solutions, while female respondents tended to rationalize the problem by increasing self-control. For the interpersonal intolerance for uncertainty, the more pronounced it was, the more men tried to downplay the significance of the situation, while women focused on enhancing self-control, and all respondents attempted to avoid ambiguity in interpersonal interactions.

Key words: tolerance for uncertainty, coping strategies, future EMERCOM specialists.

Формирование профессионально важных качеств специалистов МЧС начинается еще на этапе обучения в высших и средних образовательных учреждениях. Помимо физической подготовленности будущих спасателей и диагностики их профессиональных навыков, штатные психологи традиционно обращают внимание на психологические особенности кандидатов (И.В. Белашева, И.Н. Польшакова, М.Л. Есяян, 2018; и др.). На сегодняшний день изучением данных характеристик занимаются многие отечественные ученые и практики, которые отмечают высокую значимость для сотрудников МЧС готовности к риску, альтруизма (В.А. Пономаренко, 2007); стрессоустойчивости, общительности, уверенности в себе, активности (В.Ю. Рыбников, А.А. Дубинский, В.Г. Булыгина, 2017); адекватной самооценки, оптимизма, склонности к контролю [5] и т.д. В свою очередь Н.Д. Семенова (2019) обнаружила влияние толерантности к неопределенности и копинг-стратегий на успешное выполнение личным составом МЧС профессиональных обязанностей [9]. Различия у мужчин и женщин по уровню толерантности к неопределенности были выявлены в исследованиях А.Ф. Минуллиной и Э.И. Муртазиной (2014), Т.А. Бергис (2015), Н.В. Горловой (2020), а по копинг-стратегиям – в работах Я.С. Сунцовой (2014), Ю.А. Афанасьевой (2019) и др. [1, 2, 3, 7, 10]. Анализ работ по интересующим нас феноменам показал, что основной интерес ученых сводится к курсантам высших учебных заведений и действующим спасателям МЧС, хотя учащиеся гражданских средних специальных образовательных учреждений также составляют кадровый потенциал данного ведомства.

Таким образом, толерантность к неопределенности и копинг-стратегии активно исследуются в психологической науке и практике, но их связь на выборках будущих специалистов МЧС разного пола, обучающихся в гражданском колледже, остается недостаточно изученной. В нашей работе мы попытались дополнить существующее знание новыми фактами.

Гипотезы исследования

1. Мы предполагаем, что существуют различия в степени выраженности показателей толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у будущих специалистов МЧС мужского и женского пола.

2. В исследуемых выборках будут обнаружены отличия в структуре связей толерантности, интолерантности, межличностной интолерантности к неопределенности с копинг-стратегиями.

Процедура и методики исследования

Выборка

В исследовании приняли участие 66 человек, из них 30 респондентов женского пола (45,5 %) и 36 респондентов мужского пола (54,5 %). Выборка ограничена студентами соответствующего гражданского колледжа с 1-го по 4-й курс обучения по направлениям «Пожарная безопасность» (32 чел. – 48,5 %) и «Защита в чрезвычайных ситуациях» (34 чел. – 51,5 %). Сбор данных по диагностике толерантности к неопределенности и копинг-стратегий проводился в дистанционном формате с помощью интернет-ресурса Google Forms.

Методики исследования

«Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой, позволяющий измерить толерантность, интолерантность и межличностную интолерантность к неопределенности [4]. По мнению автора, данные показатели зависят не только от черт личности, но и от содержания деятельности, ситуационных факторов и профессионального образования респондентов. *Толерантность к неопределенности* определяется Корниловой как генерализованное личностное свойство, означающее стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений; *интолерантность к неопределенности* – как стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, предположение о главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей; *межличностная интолерантность к неопределенности* – как стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. Апробация методики и проверка валидности подтвердили ее надежность и внутреннюю согласованность, что делает «Новый опросник толерантности к неопределенности» результативным диагностическим инструментом. В итоговой версии опросник состоит из 33 пунктов, группируемых в 3 шкалы таким образом, что шкалы не имеют общих пунктов. Ответы формируются по 7-балльной шкале Ликкерта («полностью не согласен» – 1 балл, «полностью согласен» – 7 баллов), большинство ответов учитывается в прямом значении. Обработка заключается в простом суммировании набранных баллов.

«Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана, позволяющий измерить поведение человека в трудных жизненных ситуациях [11]. По мнению автора, доминирующие копинг-стратегии обусловлены личностными чертами респонден-

тов и могут быть сгруппированы в 3 шкалы: *стратегия разрешения проблем* предполагает их целенаправленный анализ, учет объективных условий, своего прошлого опыта и всех имеющихся ресурсов; *стратегия поиска социальной поддержки* проявляется в обращении за помощью к окружающим (семье и значимым другим, более компетентным, на его взгляд, людям и т.д.), взаимодействии с ними; *стратегия избегания проблем* заключается в стремлении уйти от негативных переживаний, связанных с возникновением трудной ситуации посредством фантазирования, отрицания, отвлечения и т.д. Решение проблем в этом случае откладывается, а напряжение со временем растет. Опросник также прошел проверку на надежность и внутреннюю согласованность. Обработка результатов диагностики проводится в соответствии с ключом.

Опросник «Стратегии совладающего поведения» (ССП) – Ways of Coping Questionnaire (WCQ), адаптированный и стандартизированный в лаборатории клинической психологии НИПНИ им. Бехтерева под руководством Л.И. Вассермана, позволяющий исследовать особенности поведения в проблемных ситуациях, выявлять характерные способы преодоления стресса у разных контингентов испытуемых. 50 пунктов опросника объединены в восемь шкал, соответствующих основным видам копинг-стратегий, выделенных авторами: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство – избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка. Ответы формируются по 4-балльной шкале (никогда, редко, иногда, часто). Обработка результатов диагностики проводится в соответствии с ключом [6].

Методы математической статистики

Полученные данные обработаны следующими методами математической статистики: для проверки внутренней согласованности шкал примененных методик использовался коэффициент Альфа Кронбаха; для проверки данных на соответствие закону нормального распределения – критерий Шапиро – Уилка, критерий Колмогорова– Смирнова, «асимметрия» и «эксцесс»; для выявления различий в степени выраженности показателей толерантности к неопределенности, интолерантности к неопределенности, межличностной интолерантности к неопределенности и выбираемым копинг-стратегиям в мужской и женской выборках использовался *T*-критерий Стьюдента (при нормальном распределении) и *U*-критерий Манна – Уитни (при ненормальном); для выявления характера взаимосвязей между исследуемыми показателями в случаях с нормальным распределением применялся корреляционный анализ Пирсона, с ненормальным – Спирмена.

При обработке первичных данных использовались программы Microsoft Excel и Jasp.

Описание результатов

Результаты проверки внутренней согласованности шкал примененных методик

При проверке «Нового опросника толерантности к неопределенности» была выявлена хорошая согласованность всех шкал методики (0,702), что подтверждает результаты ее апробации (0,70) Т.В. Корниловой при разработке данного диагностического инструментария [4].

Однако если рассматривать каждую шкалу отдельно, то для шкалы «Толерантность к неопределенности» внутренняя согласованность недостаточная (0,486), для шкалы «Интолерантность к неопределенности» – хорошая (0,749), для шкалы «Межличностная интолерантность к неопределенности» – сомнительная (0,616) (табл. 1).

Таблица 1

Результаты проверки внутренней согласованности шкал методики «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой по коэффициенту Альфа Кронбаха

Общие показатели для трех шкал	
Оценка	Альфа Кронбаха
Точечная оценка	0,702
Нижняя граница 95 % CI	0,585
Верхняя граница 95 % CI	0,793
Показатели для шкалы «Толерантность к неопределенности»	
Оценка	Альфа Кронбаха
Точечная оценка	0,486
Нижняя граница 95 % CI	0,272
Верхняя граница 95 % CI	0,648
Показатели для шкалы «Интолерантность к неопределенности»	
Оценка	Альфа Кронбаха
Точечная оценка	0,749
Нижняя граница 95 % CI	0,645
Верхняя граница 95 % CI	0,827
Показатели для шкалы «Межличностная интолерантность к неопределенности»	
Оценка	Альфа Кронбаха
Точечная оценка	0,616
Нижняя граница 95 % CI	0,454
Верхняя граница 95 % CI	0,738

При проверке опросника «Индикатор копинг-стратегий» была выявлена хорошая внутренняя согласованность как всех шкал методики (0,863), так и каждой шкалы в отдельности: «Разрешение проблем» – 0,871; «Поиск соци-

альной поддержки» – 0,820; «Избегание проблем» – 0,721. Следует отметить, что данные по шкалам ниже тех показателей, которые были получены Амирханом при апробации методики (для решения проблем – 0,894; для поиска социальной поддержки – 0,928; для избегания проблем – 0,839), но в целом согласуются с ними [11].

При проверке опросника «Стратегии совладающего поведения» Л.И. Вассермана была выявлена хорошая внутренняя согласованность всех шкал методики (0,893) и отдельно – шкалы «Планирование решения проблемы» (0,800). Большинство значений внутренней согласованности других шкал можно отнести к сомнительным, находящимся на нижней границе ($> 0,6$), а по шкалам «Конфронтация» (0,466), «Дистанцирование» (0,399), «Самоконтроль» (0,537) и «Положительная переоценка» (0,525) – к низким.

Результаты проверки данных на соответствие закону нормального распределения

Установлено, что закону нормального распределения не соответствуют в методике Корниловой шкалы «Толерантность к неопределенности» (мужская выборка) и «Межличностная интолерантность к неопределенности» (мужская выборка), в методике Амирхана – «Разрешение проблем» (обе выборки), «Поиск социальной поддержки» (обе выборки) и «Избегание проблем» (женская выборка), в опроснике Вассермана – шкалы «Самоконтроль» (обе выборки), «Поиск социальной поддержки» (мужская выборка), «Принятие ответственности» (обе выборки), «Бегство – избегание» (мужская выборка), «Планирование решения проблемы» (мужская выборка) и «Положительная переоценка» (мужская выборка). Соответственно, к этим шкалам будут применены непараметрические методы (U -критерий Манна – Уитни и коэффициент корреляции Спирмена), а к остальным шкалам – параметрические (T -критерий Стьюдента и коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты сравнительного анализа степени выраженности исследуемых показателей

Сравнительный анализ не выявил статистически значимых различий в степени выраженности показателей методики Корниловой, но позволил установить, что испытуемые мужской и женской выборок обладают достаточно высоким уровнем интолерантности к неопределенности и средним уровнем толерантности к неопределенности и межличностной интолерантности к неопределенности (табл. 2).

Полученные данные в определенной степени согласуются с результатами исследования В.В. Савенко [8], которое посвящено курсантам МЧС, обучающимся в высшем учебном заведении: уровень интолерантности к неопределен-

ности совпадает с тем, который характерен для их первого курса. В то же время уровень толерантности к неопределенности у обучающихся в колледже соответствует показателям у курсантов вуза МЧС 3–4-х курсов, что можно объяснить учебно-профессиональной подготовкой к непредсказуемым, катастрофическим ситуациям.

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа показателей методики
«Новый опросник толерантности к неопределенности»
Т.В. Корниловой у респондентов мужского и женского пола**

Показатели	Критерий	Значение критерия	Степень свободы	Значимость
Толерантность к неопределенности	<i>U</i> -кр. Манна – Уитни	399,5	–	0,071
Интолерантность к неопределенности	<i>T</i> -кр. Стьюдента	1,871	64	0,066
Межличностная интолерантность к неопределенности	<i>U</i> -кр. Манна – Уитни	471	–	0,377

Сравнительный анализ показателей копинг-стратегий, выделенных Амирханом, позволил обнаружить статистически значимые различия по шкалам «Разрешение проблем» ($p = 0,019$) и «Избегание проблем» ($p = 0,049$): мужская выборка имеет более высокие значения по первому показателю, а женская – по второму (табл. 3).

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа показателей методики «Индикатор копинг-стратегий» Амирхана у респондентов мужского и женского пола

Показатели	Критерий	Значение критерия	Степень свободы	Значимость
Разрешение проблем	<i>U</i> -кр. Манна – Уитни	720,5	–	0,019
Поиск социальной поддержки	<i>U</i> -кр. Манна – Уитни	506	–	0,663
Избегание проблем	<i>U</i> -кр. Манна – Уитни	387,5	–	0,049

Статистически значимые различия по копинг-стратегии, направленной на решение проблем, подтверждаются и результатами обследования по методике Вассермана: в мужской выборке в большей степени, чем в женской, выражен показатель «Планирование решения проблемы» ($p = 0,011$) (табл. 4).

Полученные данные согласуются с результатами исследования Ю.А. Афанасьевой, установившей, что в стрессовой ситуации мужчины чаще, чем женщины, выбирают копинг планирования действий по решению проблем [1].

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа показателей методики «Стратегии совладающего поведения» Л.И. Вассермана у респондентов мужского и женского пола

Показатели	Критерий	Значение критерия	Степень свободы	Значимость
Конфронтация	T-кр. Стьюдента	1,209	64	0,231
Дистанцирование	T-кр. Стьюдента	-0,674	64	0,503
Самоконтроль	U-кр. Манна – Уитни	595,5	–	0,476
Принятие ответственности	U-кр. Манна – Уитни	658	–	0,126
Бегство – избегание	U-кр. Манна – Уитни	434	–	0,173
Планирование решения проблемы	U-кр. Манна – Уитни	736	–	0,011
Положительная переоценка	U-кр. Манна – Уитни	605,5	–	0,399
Поиск социальной поддержки	U-кр. Манна – Уитни	514	–	0,740

Результаты сравнительного анализа структуры связей исследуемых показателей

Сравнительный анализ структуры связей показателей толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности с показателями копинг-стратегий в мужской и женской выборках будущих специалистов МЧС показал наличие следующих достоверных корреляций (табл. 5–6).

Таблица 5

Корреляционный анализ показателей толерантности к неопределенности, интолерантности к неопределенности, межличностной интолерантности к неопределенности и копинг-стратегий в выборке мужчин

Положительные корреляции			
Название шкалы	Толерантность к неопределенности	Интолерантность к неопределенности	Межличностная интолерантность к неопределенности
Разрешение проблем, по Амирхану	-0,201	0,318*	-0,082
Избегание проблем, по Амирхану	-0,097	-0,038	0,350*

Окончание табл. 5

Название шкалы	Толерантность к неопределенности	Интолерантность к неопределенности	Межличностная интолерантность к неопределенности
Дистанцирование, по Вассерману	0,233	0,216	0,283*
Бегство – избегание, по Вассерману	0,211	-0,127	0,361*
Планирование решения проблем, по Вассерману	-0,148	0,294*	0,001

Примечание: * $p \leq 0,05$.

Как видно из табл. 5, в выборке мужчин интолерантность к неопределенности имеет положительную связь с копингами, ориентированными на конструктивное решение проблем, а межличностная интолерантность к неопределенности – с копингами избегания проблем, дистанцирования от связанных с ними негативных переживаний. И чем выше у будущих специалистов МЧС мужского пола уровень интолерантности, тем более выражены связанные с ней копинг-стратегии.

В женской выборке (табл. 6) толерантность к неопределенности положительно коррелирует с копингами разрешения проблем, принятия ответственности и конфронтацией; интолерантность к неопределенности – с самоконтролем; межличностная интолерантность к неопределенности – с избеганием проблем и самоконтролем. Соответственно, и в данной выборке, чем выше уровень толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности, тем более выражены и связанные с ними копинг-стратегии.

Таблица 6

Корреляционный анализ показателей толерантности к неопределенности, интолерантности к неопределенности, межличностной интолерантности к неопределенности и копинг-стратегий в выборке женщин

Положительные корреляции			
Название шкалы	Толерантность к неопределенности	Интолерантность к неопределенности	Межличностная интолерантность к неопределенности
Разрешение проблем, по Амирхану	0,310*	0,206	0,186
Избегание проблем, по Амирхану	-0,017	0,189	0,370*
Конфронтация, по Вассерману	0,361*	0,246	0,206

Окончание табл. 6

Название шкалы	Толерантность к неопределенности	Интолерантность к неопределенности	Межличностная интолерантность к неопределенности
Самоконтроль, по Вассерману	0,160	0,348*	0,347*
Принятие ответственности, по Вассерману	0,402*	0,073	0,185

Примечание: * $p \leq 0,05$.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Проведенное эмпирическое исследование позволило установить, что будущие специалисты МЧС мужского и женского пола обладают одинаковыми уровнями толерантности, интолерантности, межличностной интолерантности к неопределенности, что указывает на схожий личностный и профессиональный потенциал. При этом все респонденты в большей степени сфокусированы на главенствующей роли документов, регулирующих их деятельность, на необходимости соблюдать нормы и правила, что согласуется с направлениями их обучения («Пожарная безопасность», «Защита в чрезвычайных ситуациях»). Предположение о существовании различий по данным показателям не подтвердилось.

В ходе сравнения копингов была выявлена иная тенденция: для мужской выборки более характерно поведение, направленное на конструктивное разрешение проблем, предполагающее анализ ситуации, учет прошлого опыта и планирование собственных действий, а для женской выборки – избегание проблем. Данная стратегия поведения дихотомична (позволяет снизить эмоциональное напряжение, но не приводит к решению проблемы) и ее адекватность ситуации зависит от личностного ресурса человека. Полученные данные подтверждают предположение о существовании различий в степени выраженности показателей копинг-стратегий у будущих специалистов МЧС мужского и женского пола.

Сравнительный анализ взаимосвязей исследуемых показателей позволяет утверждать, что при столкновении с неопределенной ситуацией респонденты мужского пола стремятся прояснить ее с учетом объективных условий и своего прошлого опыта, стараются задействовать все имеющиеся ресурсы для поиска возможных решений. В свою очередь, респонденты женского пола пытаются преодолеть неопределенные ситуации за счет усиления самоконтроля, предполагающего рациональный подход к неоднозначной проблеме, требовательность к себе, подавление импульсивного поведения. Если же неопределенность возникает во взаимоотношениях с другими людьми, то испытывающие диском-

форт мужчины стараются снизить значимость создавшейся ситуации, эмоционально отстраниться от нее, используя интеллектуальные приемы рационализации, переключения внимания, отстранения, а женщины вновь актуализируют самоконтроль. Общей для обеих выборок является стратегия избегания проблем, направленная на сохранение ресурсов личности и часто указывающая на недостаточное развитие навыков активного решения межличностных разногласий. Следует отметить также, что показатель межличностной интолерантности к неопределенности для мужской выборки является системообразующим (имеет наибольшее количество связей). Для женской выборки это показатель толерантности к неопределенности, и чем более выражено это свойство личности, проявляющееся в открытости новому и готовности решать сложные задачи, тем активнее респондентами женского пола используется стратегия разрешения проблем, тем скорее приходит осознание ответственности за ее возникновение и тем сильнее противостояние трудностям. Данные корреляционного анализа подтверждают предположение о существовании различий в структуре связей толерантности, интолерантности, межличностной интолерантности к неопределенности с копинг-стратегиями в исследуемых выборках.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Будущие специалисты МЧС мужского и женского пола обладают одинаковым уровнем толерантности, интолерантности, межличностной интолерантности к неопределенности с акцентом на потребности в упорядоченности деятельности, ее соответствии нормам и правилам, что указывает на схожий личностный и профессиональный потенциал респондентов разного пола.

2. Для мужской выборки более характерно поведение, направленное на конструктивное разрешение проблем, предполагающее анализ ситуации, учет прошлого опыта и планирование собственных действий, а для женской выборки – избегание проблем, позволяющее снизить эмоциональное напряжение, но препятствующее активному решению проблемы. Выбор копинг-стратегии, по мнению Амирхана, обусловлен ресурсным потенциалом личности и в обоих случаях может быть адекватным ситуации.

3. Характер связей показателя интолерантности к неопределенности позволяет утверждать, что чем более неоднозначна проблема, тем более у респондентов мужского пола выражено стремление прояснить ее и задействовать все имеющиеся ресурсы для поиска возможных решений, а у респондентов женского пола – стремление рационализировать проблему за счет усиления самоконтроля. Соответственно, чем более у будущих специалистов МЧС выражена межличностная интолерантность к неопределенности, тем более мужчины ста-

раются снизить значимость создавшейся ситуации, эмоционально отстраниться от нее посредством рационализации, переключения внимания и отстранения, а женщины вновь актуализируют самоконтроль, позволяющий повысить самообладание и снизить вероятность импульсивных действий в отношении других людей. Установлено также, что респонденты обеих выборок, испытывая дискомфорт в ситуации межличностного взаимодействия, выбирают стратегию ее избегания, что может свидетельствовать о недостаточной сформированности навыков решения подобных проблем.

4. Показатель толерантности к неопределенности связан с копинг-стратегиями только в женской выборке. Данный факт позволяет утверждать, что чем более обозначенные респонденты открыты новому и готовы решать сложные задачи, тем активнее используют стратегию разрешения проблем, тем скорее осознают свою ответственность за их возникновение и тем сильнее противостоят трудностям.

5. Системообразующим (имеет наибольшее количество связей) для мужской выборки является показатель «Межличностная интолерантность к неопределенности». Для женской выборки – показатели «Толерантность к неопределенности» и «Самоконтроль». Выявленные различия можно объяснить полом респондентов.

Результаты исследования могут быть полезны штатным психологам МЧС при профессиональном отборе спасателей, так как изученные феномены входят в набор личностных характеристик, влияющих на успешность выполнения служебной деятельности. Также полученные данные могут помочь педагогам в разработке программы развития толерантности к неопределенности и профессионально важных копингов для подготовки будущих специалистов к условиям деятельности в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы

1. Афанасьева Ю.А. Психологическая специфика копинг-поведения мужчин и женщин // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 6–10.
2. Бергис Т.А. Готовность личности к переменам и толерантность к неопределенности на этапе ранней взрослости // *Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология*. – 2015. – № 4 (23). – С. 38–42.
3. Горлова Н.В. Толерантность к неопределенности как индивидуально-личностная предпосылка процесса самоопределения в подростковом возрасте, ранней и поздней юности // *Психологические исследования*. – 2020. – Т. 13, № 70. – С. 1–20.
4. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // *Психологический журнал*. – 2010. – Т. 31, № 1. – С. 74–86.

5. Кочетков М.В. Профессионально важные качества, обеспечивающие надежность деятельности специалистов экстремального профиля // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. – 2016. – № 2–3 (2627). – С. 11–14.

6. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями : пособие для врачей и мед. психологов / Л.И. Вассерман [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. психоневрол. ин-та им. В.М. Бехтерева, 2009. – 39 с.

7. Минуллина А.Ф., Муртазина Э.И. Исследование характеристик эмоционального интеллекта и показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (30). – С. 125–131.

8. Савенко В.В. Модель развития принятия решения курсантов в условиях вуза ГПС МЧС России // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 2. – С. 1–9.

9. Семенова Н.Д. Личностно-регулятивные свойства как предикторы профессиональной эффективности пожарных личного состава МЧС России // Материалы 71-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019. – С. 313–316.

10. Сунцова Я.С. Особенности психологических защит и копинг-стратегий мужчин и женщин // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2014. – № 3. – С. 50–60.

11. Amirkhan J.H. A Factor Analytically Derived Measure of Coping: The Coping Strategy Indicator // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 59, No 5. – P. 1066–1074.

УДК 159.9.07

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-36-47

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и клинической психологии
okpsychology@mail.ru

Харисова Виктория Тахировна

студентка V курса специальности «Клиническая психология»,
профиль «Психологическое обеспечение в чрезвычайных
и экстремальных ситуациях»
okpsychology@mail.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

**СПОСОБНОСТИ К ЭМПАТИИ У ЛИЦ
С ВЫРАЖЕННЫМИ ЧЕРТАМИ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ**

Tatiana M. Kharlamova

Ph. D., Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology
okpsychology@mail.ru

Victoria T. Kharisova

Post-Baccalaureate (Year 5) Student Majoring in Clinical Psychology,
Degree Track in Psychological Support in Emergency
and Extreme Situations
okpsychology@mail.ru

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

**EMPATHY ABILITIES IN INDIVIDUALS
WITH PROMINENT DARK TRIAD TRAITS**

Аннотация. Представлены результаты исследования способностей к эмпатии у лиц с выраженными чертами Темной триады. Установлено, что макиавеллисты не способны создавать атмосферу открытости, доверительности и эмпатически чувствовать другого человека. «Нарциссы» способны понять, что

чувствует или думает другой человек, способны осознанно принимать и учитывать точку зрения других людей, могут поставить себя на место своего партнера, но делают это в эгоистических целях. Психопатические личности испытывают сложности в эмпатическом понимании чувств и эмоций другого человека, сопереживании ему. Показано также, что существенный вклад в когнитивную эмпатию вносят нарциссизм и психопатия, в децентрацию (компонент когнитивной эмпатии) – макиавеллизм и нарциссизм, в показатель идентификации в эмпатии – нарциссизм и психопатия. Результаты исследования могут быть полезны практикующим психологам при разработке эффективных стратегий улучшения межличностного взаимодействия людей с выраженными чертами Темной триады.

Ключевые слова: эмпатия, Темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия.

Abstract. We present the results of a study on empathy abilities in individuals with prominent Dark Triad traits. Machiavellians show an inability to create an atmosphere of openness, trust, or empathy toward other people. Narcissists demonstrate an ability to understand what another person feels or thinks, could consciously accept and consider others' perspectives, and could put themselves in their partner's place, but they did so for selfish reasons. Psychopathic individuals find it difficult to empathically understand the feelings and emotions of others and to sympathize with them. Narcissism and psychopathy also make a significant contribution to cognitive empathy, while Machiavellianism and narcissism contribute to decentration (a component of cognitive empathy), and narcissism and psychopathy contribute to the empathy identification index. Results of this research may be useful to practicing psychologists who are developing effective strategies for improving interpersonal interaction in people with prominent Dark Triad traits.

Key words: empathy, Dark Triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy.

Введение

Научный интерес к проблеме связи эмпатии с чертами Темной триады (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия) традиционен для психологической науки и смежных дисциплин, что объясняется ее фундаментальным значением для социального взаимодействия. На современном этапе изучения данной проблемы исследовательские акценты делаются на социально-когнитивных характеристиках темных черт, в том числе связи психопатии и макиавеллизма с когнитивной и аффективной эмпатией (Дж. Маллинс-Нельсон, Р. Салекин, А. Лейстикко, 2006; С. Аль Айн, А. Карре и др., 2013) [5, 6], на связи черт Темной триады с индивидуальными различиями в эмпатии (П. Джонасон, Ч. Кролл, 2015) [3], на способности, но не склонности лиц с темными чертами личности к сопереживанию (Р. Кајониус, Т. Вјоркман, 2020) [10], на проявлении темных

черт характера в присутствии эмпатии (N. Heym, F. Kibowski, C. Bloxson и др., 2021) [13], на связи Темной триады с эмпатией и совестью (Н.Н. Мозговая, М.В. Науменко, 2022), на особенностях темной стороны эмпатии «нарциссов» (E. Giacomo, E. Andreini, O. Lorusso и др., 2023) [14], на теоретических обзорах работ по темной эмпатии (И.С. Брижан, 2024) и т.д. Полученные в обозначенных выше и других исследованиях данные разнятся, но в основном предполагается, что черты Темной триады не связаны с общей эмпатией. Нарциссизм в некоторых случаях связан с когнитивной эмпатией, психопатия чаще всего не связана ни с когнитивной, ни с аффективной эмпатией, данные по макиавеллизму неоднозначны. Дискуссионный характер проблемы очевиден, что делает ее актуальной, требующей дополнительных исследований. Новизна нашей работы заключается в уточнении противоречивых эмпирических данных о связи способностей к эмпатии с выраженными чертами Темной триады и дополнении их новыми.

Гипотезы исследования

1. Мы предполагаем, что существует взаимосвязь черт Темной триады с компонентами эмпатических способностей, а именно: макиавеллизм и нарциссизм связаны с когнитивной эмпатией, психопатия – с когнитивной и аффективной эмпатией.

2. Черты Темной триады вносят вклад в способности к эмпатии.

Процедура и методики исследования

Выборка

Интернет-тестирование проводилось в период с февраля по апрель 2024 г. методом «снежного кома» на базе ресурса <https://onlinetestpad.com>. В исследовании приняли участие студенты и выпускники вузов г. Перми. Отбор респондентов проводился по степени выраженности показателей Темной триады. В итоговую выборку вошли 39 женщин и 22 мужчины (61 человек) в возрасте от 18 до 33 лет.

Методики исследования

«Короткий опросник Темной триады» (Short-Dark Triad) D.L. Paulhus, K.M. Williams (адаптация М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой), позволяющий измерить три психологические черты – *макиавеллизм* (связан с манипулятивными тактиками и стратегическим мышлением), *неклинический нарциссизм* (характеризуется потребностью в демонстрации собственной значимости и признании ее другими) и *неклиническую психопатию* (проявляется

в игнорировании чувств и эмоций других людей) [4]. Опросник содержит 27 утверждений, по 9 на каждую из черт Темной триады. Респонденту необходимо ответить на утверждения опросника, используя 5-балльную шкалу Ликерта. Обработка результатов диагностики проводится в соответствии с ключом. Диапазон баллов для каждой черты Темной триады колеблется от 9 до 45 баллов (с 9 до 16 – низкие баллы; с 17 до 37 – средние; с 38 до 45 – высокие).

Опросник когнитивной и аффективной эмпатии (ЭКА) R. Reniers и др. (адаптация А.И. Белоусовой, М.Я. Гейвандовой) [1], позволяющий измерить компоненты обозначенных шкал. *Когнитивная эмпатия* включает в себя 2 субшкалы: «Децентрация» (оценивает способность индивида понимать, принимать и учитывать точку зрения других людей, их позицию и взгляды) и «Подстройка» (позволяет оценить возможность индивида поставить себя на место другого человека, представив, что он чувствует). *Аффективная эмпатия* объединяет 3 субшкалы: «Эмоциональная заразительность» (оценивает, насколько человек легко «заражается» чувствами и эмоциями других людей и зеркально отражает их), «Проксимальная чувствительность» (позволяет оценить эмоциональную реакцию человека в момент его наблюдения за настроением и чувствами людей из ближайшего окружения), «Периферическая чувствительность» (оценивает эмоциональную реакцию в момент наблюдения за людьми, с которыми нет непосредственной связи). При ответах в опроснике используется 4-балльная шкала Ликерта. Обработка результатов диагностики проводится в соответствии с ключом. Диапазон баллов по шкале «Когнитивная эмпатия» находится в пределах от 19 до 76 (с 19 до 30 – низкое значение; с 31 до 64 – среднее значение; с 65 до 76 – высокое значение), а для шкалы «Аффективная эмпатия» – от 12 до 48 (с 12 до 19 – низкие значения; с 20 до 40 – средние; с 41 до 48 – высокие).

«Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко, предназначенная для оценки умения сопереживать другому человеку, понимать его мысли и чувства [7]. Шкалы методики (6): «*Рациональный канал эмпатии*» (характеризует направленность внимания, восприятия и мышления человека на понимание сущности любого другого человека, на его состояние, проблемы и поведение); «*Эмоциональный канал эмпатии*» (фиксирует способность эмпатирующего входить в эмоциональный резонанс с окружающими – сопереживать, соучаствовать); «*Интуитивный канал эмпатии*» (позволяет человеку предвидеть поведение партнеров, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании); «*Установки, способствующие или препятствующие эмпатии*» (эффективность эмпатии снижается, если человек старается избегать личных контактов, считает неуместным проявлять любопытство к другой личности, убедил себя спокойно относиться к переживаниям и проблемам окружающих); «*Проникающая спо-*

способность в эмпатии» (расценивается автором методики как важное коммуникативное свойство, позволяющее человеку создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности); *«Идентификация в эмпатии»* (умение понять другого на основе сопереживания, постановки себя на место партнера). Обработка результатов диагностики проводится в соответствии с ключом. Диапазон баллов по каждой шкале находится в промежутке от 0 до 6. Значения суммарного показателя эмпатии варьируются от 0 до 36 баллов (с 0 до 7 – низкий уровень; с 8 до 28 – средний; от 29 до 36 – высокий). Ряд исследователей обращают внимание на отсутствие информации о психометрических характеристиках данной методики, а также на неоднозначность теоретических конструктов, на которые опирался автор при создании опросника.

Методы математической статистики

При обработке первичных данных были применены следующие методы математической статистики: для проверки данных на соответствие закону нормального распределения – критерий Шапиро – Уилка; для выявления значимых взаимосвязей между показателями Темной триады и эмпатии – корреляционный анализ Пирсона и Спирмена; для оценки вклада черт Темной триады в эмпатические способности – линейный регрессионный анализ. Расчет производился с использованием программ Microsoft Excel и Jasp.

Описание результатов

Результаты проверки данных на соответствие закону нормального распределения

Для проверки данных на соответствие закону нормального распределения был использован критерий Шапиро – Уилка (табл. 1).

Таблица 1

Результаты проверки нормальности распределения показателей Темной триады и эмпатии

Показатели	Критерий Шапиро – Уилка	Уровень значимости (<i>p</i>)
Макиавеллизм (ТТ)	0,969	0,120
Нарциссизм (ТТ)	0,976	0,286
Психопатия (ТТ)	0,970	0,133
Когнитивная эмпатия (ЭКА)	0,969	0,120
Децентрация (ЭКА)	0,941	0,006
Подстройка (ЭКА)	0,953	0,019

Окончание табл. 1

Показатели	Критерий Шапиро – Уилка	Уровень значимости (p)
Аффективная эмпатия (ЭКА)	0,980	0,415
Эмоциональная заразительность (ЭКА)	0,977	0,316
Проксимальная чувствительность (ЭКА)	0,969	0,130
Периферическая чувствительность (ЭКА)	0,965	0,078
Рациональный канал эмпатии (УЭС)	0,906	0,001
Эмоциональный канал эмпатии (УЭС)	0,917	0,001
Интуитивный канал эмпатии (УЭС)	0,927	0,001
Установки (УЭС)	0,928	0,002
Проникающая способность (УЭС)	0,935	0,003
Идентификация (УЭС)	0,936	0,003
Суммарный показатель эмпатии (УЭС)	0,983	0,566

Примечание: ТТ – короткий опросник Темной триады; ЭКА – опросник когнитивной и аффективной эмпатии; ЭКА. УЭС – методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

Установлено, что закону нормального распределения соответствуют показатели «Макиавеллизм», «Нарциссизм», «Психопатия», «Когнитивная эмпатия», «Аффективная эмпатия», «Эмоциональная заразительность», «Проксимальная чувствительность», «Периферическая чувствительность», «Суммарный показатель эмпатии» ($p > 0,05$) и к ним будет применен параметрический корреляционный анализ по Пирсону. В свою очередь показатели «Децентрация», «Подстройка», «Рациональный канал эмпатии», «Эмоциональный канал эмпатии», «Интуитивный канал эмпатии», «Установки», «Проникающая способность», «Идентификация» не соответствуют нормальному распределению ($p < 0,05$), следовательно, к ним будет применен непараметрический метод математической статистики – корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты корреляционного анализа взаимосвязей показателей Темной триады и эмпатии

Корреляционный анализ позволил установить наличие 9 статистически значимых взаимосвязей между исследуемыми показателями (табл. 2).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей Темной триады и эмпатии

Пары корреляций	Коэффициент корреляции
Макиавеллизм (ТТ) – Проникающая способность в эмпатии (УЭС)	-0,243*
Нарциссизм (ТТ) – Когнитивная эмпатия (ЭКА)	0,327*
Нарциссизм (ТТ) – Децентрация (ЭКА)	0,510***
Нарциссизм (ТТ) – Идентификация (УЭС)	0,258*

Окончание табл. 2

Пары корреляций	Коэффициент корреляции
Психопатия (ТТ) – Подстройка (ЭКА)	-0,314*
Психопатия (ТТ) – Проксимальная чувствительность (ЭКА)	-0,253*
Психопатия (ТТ) – Периферическая чувствительность (ЭКА)	-0,332**
Психопатия (ТТ) – Проникающая способность в эмпатии (УЭС)	-0,310*
Психопатия (ТТ) – Идентификация (УЭС)	-0,260*

Примечание: ТТ – короткий опросник Темной триады; ЭКА – опросник когнитивной и аффективной эмпатии; ЭКА. УЭС – методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

Как видно из табл. 2, менее всего с эмпатией связан макиавеллизм (одна отрицательная корреляция с показателем проникающей способности). Наличие данной связи позволяет утверждать, что чем более выражена обозначенная черта личности, тем менее респонденты способны к созданию доверительной атмосферы во взаимодействии с другими людьми, что в целом характерно для макиавеллистов. Показатель нарциссизма имеет с эмпатией три положительные корреляции с акцентом на ее когнитивный компонент, что можно объяснить осознанной потребностью в обратной связи от других людей, подкрепляющей чувство значимости «нарциссов». Наибольшее количество связей с эмпатией имеет показатель психопатии (5), и все они отрицательные. Следовательно, чем более у респондентов выражена данная темная черта личности, тем менее выражены эмпатические способности.

Следует отметить также, что у исследуемых показателей восемь связей из девяти являются специфическими. Общей, но с разными знаками, можно считать взаимосвязь показателей нарциссизма и психопатии с показателем идентификации в эмпатии. Наличие данной связи позволяет утверждать, что чем более у респондентов выражен нарциссизм, тем выше их способность к пониманию другого человека, его отношения к себе. Соответственно, чем более выражена психопатия, тем менее проявляется данная способность.

Результаты оценки вклада черт Темной триады в эмпатические способности

Линейный регрессионный анализ позволил обнаружить вклад черт Темной триады в показатели «Когнитивная эмпатия», «Децентрация», «Идентификация в эмпатии» (табл. 3–5).

Таблица 3

**Результаты оценки вклада черт Темной
триады в показатель «Когнитивная эмпатия»**

Когнитивная эмпатия			
$R^2 = 0,165, F = 3,754, p = 0,016$			
Предикторы	S	t	p
Нарциссизм	0,397	3,149	0,003
Психопатия	-0,301	-1,986	0,052

Примечание: R^2 – коэффициент множественной детерминации; F – критерий Фишера; p – уровень значимости.

Как видно из табл. 3, уровень когнитивной эмпатии будет возрастать одновременно с ростом нарциссизма и понижением психопатии. Сочетание данных предикторов в совокупности объясняют порядка 16,5 % ($R^2 = 0,165, p = 0,016$) дисперсии в выраженности уровня показателя «Когнитивная эмпатия».

Таблица 4

**Результаты оценки вклада черт Темной триады
в показатель «Децентрация»**

Децентрация			
$R^2 = 0,302, F = 8,221, p < ,001$			
Предикторы	S	t	p
Макиавеллизм	0,269	1,999	0,050
Нарциссизм	0,548	4,758	< ,001

Примечание: R^2 – коэффициент множественной детерминации; F – критерий Фишера; p – уровень значимости.

Согласно результатам регрессионного анализа, уровень децентрации будет возрастать одновременно с повышением макиавеллизма и нарциссизма (табл. 4). Сочетание данных предикторов в совокупности объясняют порядка 30,2 % ($R^2 = 0,302; p < 0,001$) дисперсии в выраженности уровня показателя «Децентрация».

Как видно из табл. 5, уровень показателя идентификации в эмпатии будет возрастать одновременно с ростом нарциссизма и понижением психопатии. Сочетание данных предикторов в совокупности объясняют порядка 16,4 % ($R^2 = 0,164; p = 0,016$) дисперсии в выраженности уровня показателя «Идентификация в эмпатии».

**Результаты оценки вклада черт Темной триады
в показатель «Идентификация в эмпатии»**

Идентификация в эмпатии			
$R^2 = 0,164, F = 3,733, p = 0,016$			
Предикторы	<i>S</i>	<i>t</i>	<i>p</i>
Нарциссизм	0,331	2,622	0,011
Психопатия	-0,293	-1,932	0,058

Примечание: R^2 – коэффициент множественной детерминации; F – критерий Фишера; p – уровень значимости.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Эмпирическое исследование способности к эмпатии у лиц с выраженными чертами Темной триады показало, что *макиавеллисты* не способны создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности и эмпатически чувствовать другого человека, поскольку безразличны к этическому поведению, что согласуется с точкой зрения И. Брижана (2024) и других авторов. Предположение о связи макиавеллизма с когнитивной эмпатией на нашей выборке не подтвердилось. Ее возможное наличие мы объясняли склонностью макиавеллистов к использованию стратегических манипуляций. Интересно, что в зарубежных исследованиях положительные корреляции между этими показателями как обнаружены (V. Gojković, J. Dostanić, V. Đurić, 2022 [9]), так и не обнаружены (A. Wertag, 2022; и др.).

В свою очередь у нарциссизма выявлены значимые положительные связи с когнитивной эмпатией и ее компонентами. Данный факт позволяет утверждать, что *нарциссы* способны понять, что чувствует или думает другой человек, способны осознанно принимать и учитывать точку зрения других людей, а также могут поставить себя на место своего партнера. Полученные данные подтверждают предположение о связи нарциссизма с когнитивной эмпатией и согласуются с результатами зарубежных исследований, где было установлено, что нарциссизм положительно связан с задачами по распознаванию эмоций, которые предполагаются когнитивной эмпатией, что для нарцисса ориентация на других людей необходима для удовлетворения собственного тщеславия (B. Bonfá-Araujo, A. Lima-Costa и др., 2022) [8], управления впечатлением о себе (Ф. Дериш, 2021) [2], эксплуатации и манипулирования (E. Giacomo, E. Andreini и др., 2023).

Отрицательные корреляции *психопатии* с эмпатическими способностями позволяют утверждать, что чем более у респондентов выражена данная черта Темной триады, тем сложнее им понять чувства и эмоции другого человека, адекватно отреагировать на его настроение, независимо от степени близости,

тем труднее в межличностном общении создать атмосферу психологического комфорта, проявить способность к сопереживанию. Полученные данные подтверждают предположение о связи психопатии с когнитивной и аффективной эмпатией и согласуются с результатами других исследований, где психопатическая личность описывается как испытывающая дефицит сочувствия, любви, раскаяния, стыда и вины (E. Schade, M. Voracek и др., 2021; R. Naor-Ziv, J. Glicksohn и др., 2022) [11, 12]. Люди с высоким уровнем психопатии не заботятся о благополучии других и не воздерживаются от причинения им вреда, не подчиняются моральным нормам, если они не соответствуют их собственным целям или желаниям (И. Брижан, 2024 и др.), что может стать триггером просоциального поведения (A. Wertag, 2022 и др.) [15].

Обнаружен следующий вклад черт Темной триады в эмпатические способности респондентов: *уровень когнитивной эмпатии* будет возрастать одновременно с ростом нарциссизма и понижением психопатии (связь нарциссизма и когнитивного компонента эмпатии обусловлена необходимостью нарциссов получать обратную связь от других людей, а психопатия не предполагает выраженность эмпатических способностей); *уровень децентрации* будет возрастать одновременно с повышением макиавеллизма и нарциссизма (способность поставить себя на место другого человека необходима нарциссам для эгоистического восхищения собственными качествами, а макиавеллистам – для понимания, какие стратегии манипулирования можно использовать в настоящий момент времени с конкретным человеком); *уровень идентификации в эмпатии* будет возрастать одновременно с ростом нарциссизма и понижением психопатии (данная связь обусловлена потребностью нарциссов в эгоистических целях понять отношение к себе со стороны другого человека, поставить себя на его место и дефицитом эмпатии у психопатических личностей).

Полученные данные подтверждают предположение о существовании вклада черт Темной триады в эмпатические способности. Также они согласуются с мнением авторов, указывающих на наличие теоретических и эмпирических противоречий во взглядах на связь способностей к эмпатии с Темной триадой: у лиц с выраженными темными чертами существует дефицит эмпатии; люди с темными чертами способны к эмпатии, но не предрасположены к ней; люди с повышенными темными чертами могут проявлять эмпатию при определенных обстоятельствах и т.д. (A. Wertag, 2022; И. Брижан, 2024 и др.).

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Макиавеллисты не способны создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности и эмпатически чувствовать другого человека, поскольку безразличны к этическому поведению. «Нарциссы» способны понять,

что чувствует или думает другой человек, способны осознанно принимать и учитывать точку зрения других людей, могут поставить себя на место своего партнера, но делают это в эгоистических целях. Психопатические личности испытывают сложности в эмпатическом понимании чувств и эмоций другого человека, сопереживании ему, в адекватном реагировании на настроение других людей, независимо от степени их близости.

2. Существенный вклад в когнитивную эмпатию с противоположными знаками вносят нарциссизм и психопатия, в децентрацию с положительными знаками – макиавеллизм и нарциссизм, в показатель идентификации в эмпатии с противоположными знаками – нарциссизм и психопатия.

Результаты исследования могут быть полезны практикующим психологам для разработки эффективных стратегий улучшения межличностного взаимодействия людей с выраженными чертами Темной триады.

Список литературы

1. Белоусова А.И., Гейвандова М.Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2021. – № 2. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-6-20>

2. Дериш Ф.В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – Вып. 2. – С. 222–235. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-222-235>

3. Джонасон П.К., Кролл Ч. Многомерный взгляд на взаимосвязь между эмпатией и Темной триадой // Журнал индивидуальных различий. – 2015. – № 36 (3). – С. 150–156. – DOI: 10.1027/1614-0001/a000166

4. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – С. 1–12.

5. Каково эмоциональное ядро многомерной макиавеллиевской черты личности? / С. Аль Айн, А. Карре, С. Фантини-Хаувел и др. // Границы психологии. – 2013. – № 4. – С. 454. – DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00454

6. Маллинс-Нельсон Дж.Л., Салекин Р.Т., Лейстикко А.М. Психопатия, эмпатия и способность воспринимать перспективу в выборке сообщества: последствия для успешной концепции психопатии // Международный журнал судебной психиатрии. – 2006. – № 5 (2). – С. 133–149. – DOI: 10.1080/14999013.2006.10471238

7. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко // Практическая психодиагностика : методики и тесты / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара ; Ульяновск : Бахрах-М, 2022. – С. 486–490.

8. Considering sadism in the shadow of the Dark Triad traits: A meta-analytic review of the Dark Tetrad / B. Bonfá-Araujo, A.R. Lima-Costa, N. Hauck-Filho, P.K. Jonason // *Personality and Individual Differences*. – 2022. – Vol. 197. – DOI: 10.1016/j.paid.2022.111767
9. Gojković V., Dostanić J., Đurić V. Structure of Darkness: The Dark Triad, the „Dark” Empathy and the „Dark” Narcissism // *Primenjena psihologija*. – 2022. – Vol. 15, No 2. – P. 237–268. – DOI: 10.19090/pp.v15i2.2380
10. Kajonius P.J., Björkman T. Individuals with dark traits have the ability but not the disposition to empathize // *Personality and Individual Differences*. – 2020. – Vol. 155. – DOI: 10.1016/j.paid.2019.109716
11. Naor-Ziv R., Glicksohn J., Aluja A. Locating the darktriad in a multidimensional personality space // *The Spanish Journal of Psychology*. – 2022. – No 25, Vol. 14. – DOI: 10.1017/SJP.2022.11
12. Schade E.C., Voracek M., Tran U.S. The Nexus of the Dark Triad Personality Traits With Cyberbullying, Empathy, and Emotional Intelligence: A Structural-Equation Modeling Approach // *Front Psychiatry*. – 2021. – Vol. 12. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.659282
13. The Dark Empath: Characterising dark traits in the presence of empathy / N. Heym, F. Kibowski, C.A.J. Bloxsom et al. // *Personality and Individual Differences*. – 2021. – Vol. 169. – DOI: 10.1016/j.paid.2020.110172
14. The dark side of empathy in narcissistic personality disorder / E. Giacomo, E. Andreini, O. Lorusso, M. Clerici // *Front Psychiatry*. – 2023. – No 14. – DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1074558
15. Wertag A. Empathy and Dark Personalities // *Empathy – Advanced Research and Applications*. – London : IntechOpen, 2022. – P. 1–13. – DOI: 10.5772/intechopen.107446

УДК 159.923

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-48-60

Чебыкина Татьяна Степановна

студентка VI курса специальности «Клиническая психология»

chebickina.tanya@yandex.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ «ТЕМНЫХ» И БАЗОВЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Tatyana S. Chebykina

Sixth-Year Student of the Specialty «Clinical Psychology»

chebickina.tanya@yandex.ru

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

THE COMPARATIVE ROLE OF «DARK» AND BASIC PERSONALITY TRAITS IN THE FORMATION OF EMOTIONAL BURNOUT AMONG SPECIALISTS IN SOCIONOMIC PROFESSIONS

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей взаимосвязи «темных» черт личности (черт Темной триады и диспозиционных черт) с эмоциональным выгоранием. Проведено исследование на выборке из 130 специалистов социономических профессий в возрасте от 20 до 60 лет. Выявлено, что психопатия, макиавеллизм и нейротизм являются личностными факторами, усиливающими риск возникновения эмоционального выгорания. Нарциссизм был определен как черта личности, предотвращающая формирование редукции профессиональных достижений. Продемонстрированы связи социально желательных черт и выгорания, где высокие показатели экстраверсии, доброжелательности, добросовестности и открытости опыту снижали риск проявления эмоционального выгорания. Напротив, низкие показатели данных черт ассоциировались с высоким уровнем выгорания.

Ключевые слова: черты личности, эмоциональное выгорание, Темная триада, стресс, профессиональная деятельность.

Благодарности: автор выражает благодарность своему научному руководителю Балевой Милене Валерьевне за помощь в проведении исследования и рекомендации по написанию статьи.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the relationship of «dark» personality traits (traits of the Dark Triad and dispositional traits) with emotional burnout. A study was conducted on a sample of 130 specialists in socio-economic professions aged 20 to 60 years. It was revealed that psychopathy, Machiavellianism and neuroticism are personal factors that increase the risk of emotional burnout. Narcissism has been defined as a personality trait that prevents the formation of a reduction in professional achievements. The links between socially desirable traits and burnout were demonstrated, where high rates of extraversion, benevolence, conscientiousness and openness to experience reduced the risk of emotional burnout. On the contrary, low indicators of these traits were associated with a high level of burnout.

Key words: personality traits, emotional burnout, Dark triad, stress, professional activity.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to his supervisor Milena Valeryevna Boleva for her help in conducting the research and recommendations for writing the article.

Современное общество в условиях быстро меняющегося мира характеризуется ростом психологического стресса. Проблемы, связанные со стрессом и его преодолением, часто связаны с профессиональной деятельностью человека. Продолжительное негативное воздействие стрессовых факторов на психику может провоцировать появление эмоционального выгорания [2, 7, 11, 14, 17].

В настоящее время психологическая наука под выгоранием подразумевает состояние физического, эмоционального и когнитивного истощения, которое в большей степени возникает среди работников социэкономических профессий [8, 12]. Специалисты данной сферы подвержены стрессовым факторам, которые могут проявляться в недостатке времени и психологических перегрузках, специфике организации труда, особенностях взаимодействия с клиентами (пациентами), взаимоотношениях с коллегами и т.д. [9, 11–14, 16].

Однако роль в развитии эмоционального выгорания играют не только внешние организационные факторы, но и личностные психологические характеристики работника. Поэтому изучение личностных черт способствует пониманию того, какие особенности характера могут быть связаны с повышенным риском развития выгорания у конкретного человека.

Рассматривая феномен эмоционального выгорания, многие авторы указывают на то, что эмоциональному выгоранию наиболее подвержены люди с такими выраженными характеристиками, как тревожность, отсутствие эмпатии, нейротизм, агрессивность, интровертированность [1, 9, 11].

Некоторые исследователи изучают особенности связи между выгоранием и чертами личности с помощью определенных концепций личности, при этом большинство используют пятифакторную модель личности «Большая пятерка», авторами которой являются П. Коста и Р. Маккрей. Результаты такого рода

исследований подтверждают значимую связь между чертами Большой пятерки и склонностью к эмоциональному выгоранию. Наиболее тесные положительные связи со всеми компонентами выгорания обнаруживает нейротизм, в то время как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту в большинстве исследований обнаруживают отрицательные связи [2, 17, 31].

По итогам анализа исследований, проведенных за последние два десятилетия, можно отметить возросший интерес к изучению негативных аспектов личности. Современные психологические исследования подчеркивают значимость изучения тех черт личности, которые связаны с дезадаптивностью (утратой способности адекватно реагировать на ситуации без серьезных последствий) или асоциальным поведением (нарушением общепринятых норм и пренебрежением моральными ценностями) [15].

Одно из направлений, посвященных анализу негативных личностных характеристик, рассматривает проявления «темных» черт в виде комплексов, наиболее известный из которых носит название «Темная триада». Данный симптомокомплекс включает в себя три субклинические черты: макиавеллизм, психопатию и нарциссизм. Эти черты характеризуются сниженной эмпатией и описывают социально нежелательные формы поведения, такие как доминирование, манипулирование, эксплуатацию, злорадство, циничность [4, 5, 27].

В первую очередь черты Темной триады изучались в рамках организационного поведения, включая эффективность [23], контрпродуктивное поведение на работе [18, 21], неэтичное поведение [19], модели организационного поведения [7], проактивное поведение на рабочем месте [29]. Однако в контексте изучения выгорания данные черты в меньшей степени становились предметом анализа.

В доступных нам источниках удалось обнаружить лишь несколько работ, посвященных изучению взаимосвязи «темных» черт личности и эмоционального выгорания, преобладающая часть которых принадлежит в основном зарубежным авторам. По данным исследований, психопатия оказалась связана с высокими показателями стресса на работе, негативными аффективными переживаниями и эмоциональным выгоранием [13, 24, 28]. Люди с выраженной психопатией могут особенно остро реагировать на стрессовые события, которые потенциально провоцируют фрустрацию – состояние, когда индивид, сталкиваясь с определенными трудностями, не может достичь своих целей и удовлетворить потребности [25].

В ряде исследований также отмечалась связь макиавеллизма с особенностями выгорания. Была обнаружена закономерность, где с возрастанием уровня выгорания увеличивались показатели макиавеллизма [13, 16, 28]. Это может быть обусловлено тем, что люди с высокими показателями данной черты имели

высокий уровень стресса [29], низкую удовлетворенность работой и в меньшей степени использовали адаптивные стратегии совладания [24].

Результаты исследований связи выгорания и нарциссизма оказались наиболее противоречивыми. С одной стороны, было обнаружено, что высокий уровень нарциссизма предсказывает два компонента профессионального выгорания: эмоциональное истощение и деперсонализацию [22, 30]. С другой стороны, выявлено, что нарциссизм отрицательно коррелирует с реакциями на стресс [29] и положительно коррелирует с ориентированным на решение на задачи типом совладания [20]. Рассматривая разные аспекты нарциссизма, в частности, его грандиозную и уязвимую стороны, исследователи утверждают, что люди, которые имеют высокий уровень грандиозного нарциссизма, имеют более низкий уровень воспринимаемого стресса и, следовательно, с меньшей вероятностью рассматривают свою жизнь как стрессовую [26]. Поэтому можно предположить, что люди с выраженным грандиозным нарциссизмом в меньшей степени подвержены эмоциональному выгоранию.

Цель настоящего исследования заключалась в исследовании взаимосвязей «темных» черт личности и эмоционального выгорания у представителей социально-экономических профессий. Дополнительно оценивались связи выгорания с базовыми (диспозиционными) личностными чертами.

В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Черты Темной триады обнаруживают взаимосвязи с эмоциональным выгоранием: психопатия и макиавеллизм положительно связаны с эмоциональным выгоранием; нарциссизм отрицательно связан с эмоциональным выгоранием.

2. Диспозиционные черты личности обнаруживают взаимосвязи с эмоциональным выгоранием: нейротизм положительно связан с эмоциональным выгоранием; экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту отрицательно связаны с эмоциональным выгоранием.

Методы

В исследовании приняли участие 130 специалистов социально-экономических профессий (врачи, социальные работники, педагоги) из них 84,6 % женщин и 15,4 % мужчин. Возрастной диапазон участников варьировался от 20 до 60 лет ($M = 35,76 \pm 11,33$). Сбор данных осуществлялся онлайн с использованием платформы Google Forms. В качестве диагностических методик были использованы Короткий опросник «Темная триада» Д. Полхуса, К. Уильямса в адаптации М.С. Егоровой и др. [6], Опросник выгорания К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой и др. [3], опросник «Большая пятерка» О. Джона и К. Сото в адаптации Калугина и др. [10].

Обработка и анализ данных проводились в программе Jasp 0.18.1.0 с использованием методов описательной статистики и корреляционного анализа. С помощью описательной статистики и критерия Шапиро – Уилка определялся характер распределения данных. Корреляционный анализ (по Пирсону – для шкал с нормальным распределением, по Спирмену – для шкал с распределением, отличающимся от нормального) использовался для выявления значимых взаимосвязей личностных черт и компонентов эмоционального выгорания. В качестве дополнительного метода использовался регрессионный анализ, с помощью которого производилась оценка степени вклада личностных черт в общий показатель эмоционального выгорания.

Результаты и их обсуждение

Проверка нормальности распределения данных проводилась с помощью критерия Шапиро – Уилка. По результатам анализа показатели восьми шкал, включая «Добросовестность», «Доброжелательность», «Нейротизм», «Открытость опыту», «Макиавеллизм», «Нарциссизм», «Общий показатель Темной триады», «Общий показатель выгорания», имели значения p больше 0,05, что свидетельствовало об их нормальном распределении. Корреляционный анализ по данным шкалам осуществлялся с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Показатели пяти шкал, включая «Экстраверсию», «Психопатию», «Эмоциональное истощение», «Деперсонализацию» и «Редукцию персональных достижений», имели значения p меньше 0,05, что свидетельствовало о распределении, отличающемся от нормального. Следовательно, корреляционный анализ по этим шкалам осуществлялся с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

При проведении корреляционного анализа были выявлены значимые связи черт Темной триады и эмоционального выгорания (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязи черт Темной триады (ТТ) и компонентов эмоционального выгорания (ЭВ)

Показатели	Психопатия	Макиавеллизм	Нарциссизм	Общий показатель ТТ
Общий показатель ЭВ	0,20*	0,34***	-0,01	0,20*
Эмоциональное истощение	0,16	0,28**	-0,08	0,16
Деперсонализация	0,34***	0,37***	0,06	0,32***
Редукция персональных достижений	0,07	0,08	-0,19*	-0,01

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Так, макиавеллизм обнаружил значимую положительную связь с общим показателем выгорания ($r = 0,34; p < 0,001$), эмоциональным истощением ($\rho = 0,28; p < 0,01$) и деперсонализацией ($\rho = 0,37; p < 0,001$).

Психопатия обнаружила значимую положительную связь с общим показателем эмоционального выгорания ($\rho = 0,20; p < 0,05$) и деперсонализацией ($\rho = 0,34; p < 0,001$).

Общий показатель черт Темной триады обнаружил положительную связь с общим показателем эмоционального выгорания ($r = 0,20; p < 0,05$) и деперсонализацией ($\rho = 0,32; p < 0,001$).

Полученные результаты анализа свидетельствуют о том, что лица с такими выраженными чертами, как психопатия и макиавеллизм, склонны к эмоциональному выгоранию и демонстрации негативного отношения к субъектам в профессиональной деятельности. Носители данных черт склонны нарушать социальные нормы и правила, что может противоречить требованиям к специалисту, работающему с людьми. В таком случае невозможность приспособиться к социальным условиям и попытки чрезмерного самоконтроля, чтобы не «переходить границы дозволенного», могут легко спровоцировать эмоциональное истощение и выгорание.

Нарциссизм обнаружил отрицательную корреляцию с редуцией персональных достижений ($\rho = -0,19; p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что люди с чувством собственной значимости и превосходства преимущественно высоко оценивают свою профессиональную эффективность и компетентность. Полученные результаты в очередной раз подтверждают, что нарциссической личности свойственно завышать свои способности и достижения. Учитывая то, что в нашем исследовании использовался самооценочный опросник, можно предположить, что преувеличение успехов может являться защитным механизмом, который позволяет скрыть неуверенность и страхи и создать правдоподобную картину благополучия.

При проведении корреляционного анализа диспозиционных черт личности и эмоционального выгорания также были обнаружены значимые связи (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязи диспозиционных черт личности по модели Большой пятерки и компонентов эмоционального выгорания

Показатели	Экстраверсия	Доброжелательность	Добросовестность	Нейротизм	Открытость опыту
Общий показатель ЭВ	-0,57***	-0,38***	-0,34***	0,58***	-0,31***
Эмоциональное истощение	-0,58***	-0,33***	-0,34***	0,63***	-0,21*

Окончание табл. 2

Показатели	Экстраверсия	Доброжелательность	Добросовестность	Нейротизм	Открытость опыту
Деперсонализация	-0,27***	-0,46***	-0,27**	0,32***	-0,13
Редукция персональных достижений	-0,51***	-0,21*	-0,26**	0,35***	-0,33***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Так, экстраверсия отрицательно коррелировала с общим показателем эмоционального выгорания ($r = -0,57$; $p < 0,001$), эмоциональным истощением ($r = -0,58$; $p < 0,001$), деперсонализацией ($r = -0,27$; $p < 0,05$) и редукцией персональных достижений ($r = -0,51$; $p < 0,001$). Люди с более высоким уровнем экстраверсии с большей вероятностью испытывают положительные эмоции. Позитивный настрой на работу, связанную с межличностными связями, которые им свойственно создавать, может уберечь общительных сотрудников от повышенного уровня выгорания.

Доброжелательность отрицательно коррелировала с общим показателем эмоционального выгорания ($r = -0,38$; $p < 0,001$), эмоциональным истощением ($r = -0,33$; $p < 0,001$), деперсонализацией ($r = -0,46$; $p < 0,001$) и редукцией персональных достижений ($r = -0,21$; $p < 0,05$). Такие результаты свидетельствуют о том, что специалисты, склонные к сочувствию, доверию и имеющие уважительное отношение к другим, в меньшей степени подвергаются истощению эмоциональных ресурсов и деформации межличностных отношений на рабочем месте, а также в большей степени ощущают ценность своей профессиональной деятельности и личную успешность в ней.

Добросовестность обнаружила отрицательные корреляции с общим показателем эмоционального выгорания ($r = -0,34$; $p < 0,001$), эмоциональным истощением ($r = -0,34$; $p < 0,001$), деперсонализацией ($r = -0,27$; $p < 0,05$) и редукцией персональных достижений ($r = -0,26$; $p < 0,05$). Иными словами, более ответственные, организованные и дисциплинированные работники в меньшей степени испытывают эмоциональное перенапряжение на рабочем месте, имеют более положительные установки в отношении работы, себя и тех, с кем приходится работать, и чувствуют успешность в профессиональной деятельности. Их упорство в работе и стремление к успеху могут предотвратить развитие эмоционального истощения и редукции персональных достижений, поскольку они вряд ли будут оценивать себя как непродуктивных.

Нейротизм обнаружил положительную корреляцию с общим показателем эмоционального выгорания ($r = 0,58$; $p < 0,001$), эмоциональным истощением ($r = 0,63$; $p < 0,001$), деперсонализацией ($r = 0,32$; $p < 0,001$) и редукцией

персональных достижений ($\rho = 0,35; p < 0,001$). Это значит, что специалисты с эмоциональной неустойчивостью, склонностью к депрессивным и тревожным переживаниям, в большей степени подвергаются истощению эмоциональных ресурсов и деформации отношений с другими людьми на рабочем месте, которая может возникнуть из-за низкой способности контролировать эмоции и фокусировки на негативных аспектах при столкновении со стрессовыми ситуациями. Соответственно, переживание неприятных чувств и эмоций откладывает отпечаток на функционирование в работе и удовлетворенности результатами, которые у сотрудников с выраженным нейротизмом будут низкими.

Открытость опыту обнаружила отрицательные корреляции с общим показателем эмоционального выгорания ($r = -0,31; p < 0,001$), эмоциональным истощением ($\rho = -0,21; p < 0,05$) и редукцией персональных достижений ($\rho = -0,33; p < 0,001$). Результаты свидетельствуют о том, что более креативные и любознательные специалисты в меньшей степени подвергаются истощению эмоциональных ресурсов и в большей степени ощущают ценность своей профессиональной деятельности и личную успешность в ней. Это может быть связано с тем, что люди с выраженной открытостью опыту воспринимают перемены и неудачи не как стрессовые ситуации, а как новые возможности. Такая стратегия преодоления стрессоров на работе может снизить риск возникновения эмоционального выгорания.

В связи с тем, что было обнаружено достаточное количество значимых корреляций, мы решили дополнить наше исследование, подвергнув данные обработке с помощью регрессионного анализа, который позволил оценить степень вкладов личностных черт модели Большой пятерки и черт Темной триады в общий показатель эмоционального выгорания.

Для начала была построена линейная модель, где в качестве зависимой переменной выступал общий показатель эмоционального выгорания, а в качестве независимых – экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту (табл. 3).

Таблица 3

Итоги регрессионного анализа вклада диспозиционных черт модели Большой пятерки в общий показатель эмоционального выгорания

Зависимая переменная	R^2	F	p	Предиктор	β	t	P	Tolerance	VIF
Эмоциональное выгорание	0,51	25,87	< 0,001	Экстраверсия	-0,31	-4,09	< 0,001	0,70	1,47
				Доброжелательность	-0,19	-2,13	0,006	0,84	1,19
				Добросовестность	-0,02	-0,201	0,84	0,75	1,33
				Нейротизм	0,38	5,22	< 0,001	0,75	1,33
				Открытость опыту	-0,12	-1,72	0,1	0,86	1,17

В результате получилась статистически значимая модель ($F = 25,87$; $p < 0,001$), объясняющая взаимосвязи между базовыми чертами личности и эмоциональным выгоранием, в которой вариативность общего показателя эмоционального выгорания, объясняемая с помощью экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма, открытости опыту, составляет 51,1 %, что свидетельствует о достаточной степени детерминации.

Состав модели свидетельствует о том, что статистически значимый вклад в эмоциональное выгорание вносят три базовых личностных черты: высокий нейротизм ($\beta = 0,38$; $p < 0,001$), низкая экстраверсия ($\beta = -0,31$; $p < 0,001$) и низкая доброжелательность ($\beta = -0,19$; $p = 0,06$). Добросовестность и открытость опыту не обнаружили статистически значимых самостоятельных вкладов в зависимую переменную.

Результаты позволяют утверждать, что сочетания низкого уровня экстраверсии, доброжелательности, открытости опыту и высокого нейротизма являются личностными факторами, существенно предрасполагающими к формированию эмоционального выгорания.

Далее была построена линейная модель, где в качестве зависимой переменной выступал показатель эмоционального выгорания, в качестве независимых – психопатия и макиавеллизм (табл. 4). Показатель нарциссизма не включался в модель, поскольку его корреляция с общим показателем эмоционального выгорания оказалась статистически незначимой (табл. 4).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа черт Темной триады и эмоционального выгорания

Зависимая переменная	R^2	F	p	Предиктор	β	t	P	Tolerance	VIF
Эмоциональное выгорание	0,12	8,76	< 0,001	Макиавеллизм	0,32	0,61	< 0,001	0,8	1,26
				Психопатия	0,06	3,40	0,54	0,8	1,36

Было обнаружено, что макиавеллизм вносит значимый самостоятельный вклад и в наибольшей степени определяет дисперсию показателя эмоционального выгорания ($\beta = 0,32$; $p < 0,001$), в то время как психопатия не имеет значимого самостоятельного вклада в зависимую переменную ($\beta = 0,06$; $p = 0,54$).

Следовательно, можно утверждать, что симптомокомплекс «темных» черт не является предиктором эмоционального выгорания, однако макиавеллизм можно рассматривать как его личностный предиктор.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование свидетельствует о наличии взаимосвязей между отдельными «темными» чертами личности и компонентами эмоционального выгорания. Полученные данные демонстрируют, что такие черты, как психопатия и макиавеллизм имеют положительную связь с эмоциональным выгоранием, указывая на то, что люди с выраженностью данных черт в большей степени подвергаются эмоциональному истощению и профессиональной деформации. Вопреки ожиданиям нарциссизм обнаружил отрицательную связь лишь с одним компонентом выгорания, которая свидетельствует о том, что нарциссические личности проявляют устойчивость к редукции персональных достижений и считают себя эффективными на рабочем месте.

Кроме того, было установлено, что экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту – черты, способствующие выстраиванию адекватных, здоровых взаимоотношений и формированию активной жизненной позиции, защищали работников от эмоционального выгорания. Наоборот, низкая выраженность данных черт определяла высокий уровень эмоционального выгорания. Нейротизм, как и ожидалось, выступал фактором, предрасполагающим к выгоранию. Так, специалисты, имеющие высокие показатели по данной черте, в большей степени склонны переживать спектр негативных эмоций, повышая тем самым свою уязвимость и восприимчивость к стрессу, которые в конечном итоге могут спровоцировать выгорание.

В совокупности, с точки зрения личностного профиля, наиболее значимый вклад в дисперсию эмоционального выгорания вносят три базовых личностных черты: нейротизм, низкая экстраверсия и низкая доброжелательность. Симптомокомплекс «темных» черт значительно в меньшей степени способствует формированию эмоционального выгорания, однако макиавеллизм является личностным фактором, который в небольшой степени повышает вероятность его развития.

Список литературы

1. Баксанский О.Е., Сафоничева О.Г. Синдром эмоционального выгорания. Взгляд психолога и невролога (Обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. – 2021. – Т. 28, № 2 – С. 45–57.
2. Баляев С.И., Морозова Н.Н., Ляпина Т.Е. Взаимосвязь уровня эмоционального выгорания и личностных свойств у студентов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 4.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб. : Питер, 2008. – 358 с.

4. Дериш Ф.В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 222–235.
5. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12–19.
6. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.С. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43.
7. Мудрова Е.Б., Гузикова Л.А. Модель организационного поведения у студентов-менеджеров: черты «Темной триады» // Управленец. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 57–69.
8. Неруш Т.Г., Поварёнков Ю.П. Современное состояние и перспективы изучения проблемы профессионального выгорания в рамках системогенетического подхода // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2. – С. 201–207.
9. Очирова Л.И., Мудрова И.В. Личностные особенности медицинских работников и синдром эмоционального выгорания // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 1. – С. 227–232.
10. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory – 2 / А.Ю. Калугин, С.А. Щebetенко, А.М. Мишкевич и др. // Психология. Журнал ВШЭ. – 2021. – № 1. – С. 7–33.
11. Пшеницына М.Б., Голубев В.В. Особенности профессионального выгорания личности педагогов (на примере сравнения учителей и воспитателей районного и областного центров) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – № 1. – С. 103–106.
12. Ронгинская Т.И. Специфика синдрома выгорания в профессиях с высоким уровнем стресса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – № 2. – С. 107–121.
13. Рябова Т.В., Холодова О.Е. Связь психологических особенностей и синдрома профессионального выгорания у сотрудников фармацевтических компаний // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2022. – № 1. – С. 85–98.
14. Скрипкина Т.П., Херсонский И.И. Особенности эмоционального выгорания у медицинского персонала // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 11.
15. «Темные» черты личности в структуре личностных свойств / М.С. Егорова, О.В. Паршикова, М.С. Ситникова и др. // Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии : материалы междунар. юбилейн. конф. к 120-летию со дня рождения Б.М. Теплова / под ред. М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. – [Б. м.], 2017. – С. 311–315.

16. Усманова Э.З., Райков А.В., Махмуджанова М.Д. Взаимосвязь между профессиональным выгоранием, социально-психологическими установками и качествами Темной триады у медиков с различным профессиональным стажем // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 4. – С. 68–84.
17. Худалова М.З. Связь эмоционального выгорания и индивидуально-типологических особенностей личности // АНИ: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 413–417.
18. A meta-analysis of the Dark Triad and work behavior: a social exchange perspective / E.H.Jr. O'Boyle, D.R. Forsyth, G.C. Banks, M.A. McDaniel // Journal of Applied Psychology. – 2012. – Vol. 97. – P. 557–579.
19. Amernic J.H., Craig R.J. Accounting as a facilitator of extreme narcissism // Journal of Business Ethics. – 2010. – Vol. 96. – P. 79–93.
20. Birkas B., Gacs B., Csatho A. Keep calm and don't worry: different Dark Triad traits predict distinct coping preferences // Personality and Individual Differences. – 2016. – Vol. 88. – P. 134–138.
21. Cohen A. Are they among us? A conceptual framework of the relationship between the Dark Triad personality and counterproductive work behaviors (CWBs) // Human Resource Management Review. – 2016. – Vol. 26. – P. 69–85.
22. Empirical evidence for a relationship between narcissistic personality traits and job burnout / K. Schwarzkopf, D. Straus, H. Porschke et al. // Burnout Research. – 2016. – Vol. 3. – P. 25–33.
23. Furnham A., Trickey G., Hyde G. Bright aspects to dark side traits: dark side traits associated with work success // Personality and Individual Differences. – 2012. – Vol. 52. – P. 908–913.
24. Jonason P.K., Wee S., Li N.P. Competition, autonomy, and prestige: mechanisms through which the Dark Triad predict job satisfaction // Personality and Individual Differences. – 2015. – Vol. 72. – P. 112–116.
25. Noser A.E., Zeigler-Hill V., Besser A. Stress and affective experiences: the importance of dark personality features // Journal of Research in Personality. – 2014. – Vol. 53. – P. 158–164.
26. Papageorgiou K. The positive effect of narcissism on depressive symptoms through mental toughness: Narcissism may be a dark trait but it does help with seeing the world less grey // European Psychiatry. – 2018. – Vol. 55.
27. Paulhus D.L. Toward a taxonomy of dark personalities // Current Directions in Psychological Science. – 2014. – Vol. 23. – P. 421–426.
28. Prusik M., Szulawski M. The Relationship Between the Dark Triad Personality Traits, Motivation at Work, and Burnout Among HR Recruitment Workers // Frontiers in Psychology. – 2019. – Vol. 10.

29. Richardson E.N., Boag S. Offensive defenses: the mind beneath the mask of the Dark Triad traits // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – Vol. 92. – P. 148–152.

30. Roczniowska M., Bakker A.B. Who seeks job resources, and who avoids job demands? The link between dark personality traits and job crafting // *The Journal of Psychology*. – 2016. – Vol. 150. – P. 1026–1045.

31. The relationship between the big five personality factors and burnout: A study among volunteer counselors / A.B. Bakker, K.I. van Der Zee, K.A. Lewig, M.F. Dollard // *The Journal of Social Psychology*. – 2006. – Vol. 146. – P. 31–150.

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.8

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-61-71

Баландина Людмила Леонидовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии
ludbal23@yandex.ru

Барковская Дарья Валерьевна

магистрант кафедры педагогики и психологии
silina.dv@mail.ru

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24*

РАЗЛИЧИЯ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СВЯЗИ С УРОВНЕМ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Lyudmila L. Balandina

Associate Professor at Department of Pedagogy and Psychology
ludbal23@yandex.ru

Darya V. Barkovskaya

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology
silina.dv@mail.ru

*Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya St., Perm, 614990, Russia*

DIFFERENCES IN THE CHARACTERISTICS OF SUBJECTIVE WELL-BEING AND QUALITY OF LIFE IN CONNECTION WITH THE LEVEL OF SOVEREIGNTY OF THE PSYCHOLOGICAL SPACE IN ADOLESCENCE

Аннотация. Рассматриваются результаты исследования качества жизни и субъективного благополучия человека в связи с разным уровнем суверенности психологического пространства. Представлен обзор теоретических источ-

ников в рамках изучаемой темы. В исследовании принимали участие студенты педагогического университета. Теоретической и методологической основой эмпирического исследования является модель суверенности психологического пространства и субъектно-средовой подход С.К. Нартовой-Бочавер, концепция психологического (субъективного) благополучия личности К. Риффа. Выявленные факты и их анализ подтверждают значимые различия практически по всем изучаемым показателям психологического благополучия и качества жизни, которые выше у испытуемых юношеского возраста с высоким уровнем суверенности по сравнению с испытуемыми, имеющими низкие показатели суверенности. Исключением являются шкалы «Личностный рост» и «Цели в жизни», не имеющие значимых различий.

Ключевые слова: суверенность психологического пространства, субъективное благополучие личности, качество жизни, субъектно-средовой подход, юношеский возраст.

Abstract. The article examines the results of a study of the quality of life and subjective well-being of a person in connection with different levels of sovereignty of the psychological space. An overview of theoretical sources within the framework of the topic under study is presented. Students of the Pedagogical University took part in the study. The theoretical and methodological basis of empirical research is the model of the sovereignty of psychological space and the subjective-environmental approach of S.K. Nartova-Bochaver, the concept of psychological (subjective) well-being of K. Riff's personality. The revealed facts and their analysis confirm significant differences in almost all studied indicators of psychological well-being and quality of life, which are higher in adolescent subjects with a high level of sovereignty compared with subjects with low levels of sovereignty. The exception is the scales of "personal growth" and "goals in life", which do not have significant differences.

Key words: the sovereignty of the psychological space, the subjective well-being of the individual, the quality of life, the subjective-environmental approach, adolescence.

В условиях современного мира одним из важных показателей, определяющих качество жизни человека, является субъективное восприятие защищенности своего психологического пространства, сохранение личностных границ и способности контролировать это пространство, приобретая успешный опыт адаптивного поведения, основанного на доверии и уважении к суверенности других людей. Эти качества личности способствуют самореализации в разных сферах жизни и профессиональной деятельности на всех этапах социализации.

Истоки изучения проблемы суверенности психологического пространства находят свое отражение в исследованиях отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Л.С. Выготский) и представителей зарубежной психологии (У. Джемс, К. Левин, Э. Эриксон, К.Г. Юнг

и др.). В дальнейших исследованиях выделяется ряд аспектов изучения данного феномена – в контексте развития и сохранения телесности как формы субъектности (А.Ш. Тхостов), с точки зрения неконформности и независимости убеждений (В.Э. Чудновский), в рамках детско-родительских отношений (А.Я. Варга, Д.Б. Иркин и Т.Д. Шевеленкова) и др.

Авторы сформировали предпосылки для рождения самостоятельной концепции суверенности в рамках субъектно-средового подхода, разработанного С.К. Нартовой-Бочавер, имеющих продолжение в частных исследованиях разных авторов. Субъектно-средовой подход постулирует, что человек, будучи обладающим психикой и сознанием существом, живет не в объективной среде, а в психологическом пространстве, построенном субъектом в соответствии с его потребностями и возможностями как уникальное явление, и потому заслуживает право на суверенное владение. Согласно данной концепции, психологическая суверенность определяется как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, в основе которой лежит обобщенный опыт успешного автономного поведения [8, 9].

Поскольку суверенность предполагает связь с осмысленностью жизни, зрелостью и продуктивностью личности, возникает необходимость анализа связи суверенности личности с такой характеристикой личности, как психологическое благополучие. Психологическое благополучие является предметом исследования как зарубежных (Н. Брэдберн, Э. Динер, Э. Деси, К. Рифф и др.), так и отечественных (А.М. Абдраязкова, Е.Е. Бочарова, Н.К. Бахарева, А.В. Воронина, Г.Л. Пучкова, П.П. Фесенко и др.) авторов.

Одной из разработанных концепций психологического благополучия является теория К. Рифф, которая соотносится с теориями зарубежных авторов, касающимися позитивного функционирования человека. Данный подход позволил описать шесть основных компонентов психологического благополучия, такими как: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост.

Психологическое благополучие традиционно рассматривается отечественными исследователями в контексте проблемы качества жизни, которое может быть определено как сложная, многоаспектная характеристика человеческого бытия, описывающая его с социальной, психологической, медицинской точек зрения (В.А. Гордеев и Ю. Александрович [4], В.А. Орлов и С.Р. Гиляревский [11], Е.А. Сахаров Э.Н. Ахмадуллина [14] и др.).

Качество жизни человека, его субъективная составляющая определяются как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направлен-

ности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью. В работах разных авторов имеют место терминологические совпадения, однако нет теоретического осмысления связей между указанными конструктами.

В современной психологической науке выделяется направление исследований, посвященное изучению личностных характеристик и суверенности психологического пространства в разных возрастных группах, в том числе и в юношеском возрасте. Так, в рамках исследования данной темы Ю.В. Трофимова отмечает наличие различий между группами «суверенных» и «депривированных» юношей и девушек, проявляющихся у «суверенных» в открытости к действиям, готовности действовать в меняющихся и неопределенных обстоятельствах, способности сохранять активность в деятельности на протяжении длительного времени [15].

Исследование З.В. Крецан и Е.В. Морозова о сохранности границ психологического пространства личности во взаимосвязи с личностными особенностями старших школьников выявило зависимость суверенности от адаптивности, непринятия себя и других, экстернальности и чувства эмоционального дискомфорта, а также наличие специфики связей в зависимости от пола испытуемых [7]. Аналогичные результаты в гендерной разнице параметров суверенности были получены и в исследовании подростков, проведенном М.В. Сафоновой и Д.А. Тихоновой [13].

Роль личностной суверенности, обуславливающей качество жизни и психологическое благополучие современного человека, важна, но слабо изучена в возрастном аспекте. Е.Н. Паниной, Т.В. Казаковой и другими предприняты попытки выявления возрастной специфики суверенности и психологического благополучия.

Проводя исследование в разных возрастных группах, Е.Н. Панина обнаружила, что уровнево-структурные характеристики суверенности психологического пространства находятся в значимой взаимосвязи с уровнево-структурными особенностями объективных и субъективных составляющих качества жизни. Автором выделяются отдельные параметры психологического пространства личности, выраженность которых при гипертрофированном, оптимальном или депривированном уровнях суверенности связана как с общим уровнем психологического благополучия (высокий или низкий), так и с уровневыми показателями отдельных параметров благополучия, в частности, автономии, личностного роста, наличия жизненных целей и самоутверждения. Автор выявила гендерную и возрастную специфику изучаемых параметров. Так, испытуемые младших возрастных групп (юношеский возраст и ранняя взрос-

лость) демонстрируют более высокие показатели удовлетворенности качеством жизни и низкие показатели субъективного благополучия, а испытуемые более старших возрастных групп наоборот [12].

Т.В. Казакова с соавторами изучала суверенность и благополучие студентов, проживающих в общежитии. У испытуемых был отмечен несколько пониженный уровень суверенности. Ведущими показателями, отражающими степень позитивного функционирования личности, оказались показатели суверенности вещей, социальных связей, отражающих бытийное и социальное пространство, в котором находятся студенты. Данный факт, по мнению автора, объясняется объективными условиями жизни. Однако отдельные показатели суверенности положительно связаны с индикаторами благополучия – автономией, самооценкой, общим индексом благополучия [6].

Факты, полученные в ходе исследования О.В. Барковской, подтвердили наличие различий в показателях суверенности у субъективно благополучных и неблагополучных взрослых людей [3].

Нарушение суверенности психологического пространства в юношеском возрасте переживается достаточно остро, так как именно в этом возрасте, согласно теории Э. Эриксона и других, происходит выделение идентичности личности, стремление к самостоятельности. Нарушение личной автономии может привести к усилению напряженности и дискомфорта, что снижает общее психологическое благополучие юношей и девушек.

Теоретический анализ данной проблемы позволяет предположить наличие специфики проявления показателей субъективного благополучия и качества жизни в зависимости от уровня суверенности психологического пространства личности в юношеском возрасте [2].

Организация исследования

В исследовании приняли участие 120 студентов в возрасте от 18 до 21 года. В ходе исследования были использованы следующие методики: опросники «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер; «Шкала оценки качества жизни» Н.Е. Водопьяновой; «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко.

Полученные первичные данные исследования были подвергнуты статистической обработке с помощью программы Statistic 10.0 for Windows.

С помощью кластерного анализа выделены три группы испытуемых, различающиеся уровнем суверенности психологического пространства личности. Сравнительный анализ изучаемых показателей проводился между кластерами с высоким и низким уровнем суверенности с использованием *T*-критерия Стьюдента.

Результаты исследования

Сравнительный анализ субъективного благополучия личности и качества жизни у испытуемых с высокими и низкими показателями суверенности представлен в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей субъективного благополучия личности у испытуемых с высоким и низким уровнем суверенности

Шкала	Среднее значение		<i>t</i>	<i>p</i>
	Кластер 3 «Высокая суверенность»	Кластер 1 «Низкая суверенность»		
Позитивные отношения	66,21	59,26	3,52	0,001***
Автономия	58,68	53,02	2,46	0,021*
Управление средой	60,72	54,19	2,79	0,006**
Самопринятие	61,74	51,55	3,83	0,001***
Психологическое благополучие	379,00	345,36	3,28	0,002**

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

По результатам сравнительного анализа изучаемых показателей субъективного благополучия были выявлены значимые различия по шкалам: «Позитивные отношения» ($t = 3,52$; $p \leq 0,001$), «Автономия» ($t = 2,46$; $p \leq 0,05$), «Управление средой» ($t = 2,79$; $p \leq 0,01$), «Самопринятие» ($t = 3,83$; $p \leq 0,001$) и «Общее психологическое благополучие» ($t = 3,28$; $p \leq 0,01$). Все эти показатели более выражены у испытуемых с высокими показателями суверенности.

Полученные результаты можно характеризовать следующим образом. Показатель по шкале «Позитивные отношения с окружающими» выше у испытуемых с высоким уровнем суверенности, что характеризует их как умеющих сопереживать, устанавливать, поддерживать контакты с другими людьми, быть гибкими, уметь приходить к компромиссу. Взаимодействие с окружающими людьми у таких людей происходит открыто, и ситуации необходимых контактов не воспринимаются как посягательство на суверенность собственного психологического пространства. Это может быть связано с социальными условиями жизни, особенностями воспитания, отношениями с родителями, что находит отражение в ряде исследований, посвященных изучению взаимосвязей суверенности и детско-родительских отношений [1, 5].

Более высокие значения показателя субъективного благополучия «Автономия» говорит о способности девушек и юношей с высоким уровнем суверенности быть независимыми, они не боятся противопоставить свое мнение мнению большинства, могут позволить себе нестандартное мышление и поведение,

оценивают себя исходя из собственных предпочтений, что по содержанию данного показателя соотносится с характеристиками суверенности и ценится молодыми людьми.

Испытуемые с высокими показателями суверенности проявляют более выраженную способность *управлять средой*. Они более успешно овладевают различными видами деятельности, способны добиваться желаемого, преодолевать трудности на пути реализации собственных целей. Это может быть связано с тем, что испытуемые с низкими показателями суверенности, приняв доминирующий по отношению к себе характер внешней среды, демонстрируют неспособность в управлении этой средой, которая может сопровождаться негативными эмоциональными состояниями.

Студенты с высокими показателями суверенности *принимают себя*, соответственно, и более позитивно оценивают себя и свою жизнь в целом, принимают не только свои положительные качества, но и свои недостатки. Неприятие себя может быть связано с наличием гиперопеки, авторитаризма и повышенного контроля со стороны родителей, с критическим отношением со стороны значимых взрослых, в том числе и учителей, неприятием со стороны сверстников на разных этапах взросления, отсутствием возможности высказывать свое мнение и отказываться от того, с чем не согласен.

По двум шкалам субъективного благополучия «Цель в жизни» и «Личностный рост» значимых различий между испытуемыми с высокими и низкими показателями суверенности не выявлено. По-видимому, уровень суверенности студентов явным образом не влияет на субъективное ощущение благополучия по этим двум аспектам: реализация стремления к саморазвитию, восприятие нового, а также наличие жизненных целей и степень их достижения.

Суммарный показатель «*Общее психологическое благополучие*» подтверждает, что испытуемые с высокими показателями суверенности в целом более удовлетворены жизнью, имеют более позитивный настрой.

Как отмечалось ранее, психологическое благополучие рассматривается в контексте проблемы *удовлетворенности качеством жизни* в различных областях жизнедеятельности (см. табл. 2).

Сравнительный анализ средних значений по субшкалам с нормативными значениями показателей в каждом из двух кластеров выявил следующее. В кластере «Высокая суверенность» все показатели удовлетворенности качеством жизни находятся на среднем уровне, а в кластере «Низкая суверенность» – на низком уровне, но ближе к среднему (исключение составляет «оптимистичность», относящаяся к среднему уровню качества жизни). Общий индекс качества жизни в двух выборках относится к среднему уровню, но тяготеет к раз-

ным полюсам: к высокому в кластере 1 и низкому в кластере 2. Более высокие средние значения в обоих кластерах имеет шкала «общение с друзьями, близкими людьми», самые низкие значения – показатель «негативные эмоции».

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей удовлетворенности качеством жизни у испытуемых с высоким и низким уровнем суверенности

Шкала	Среднее значение		<i>t</i>	<i>p</i>
	Кластер «Высокая суверенность»	Кластер «Низкая суверенность»		
Учеба	29,06	25,29	2,82	0,006**
Личные достижения	29,70	24,88	3,40	0,001***
Здоровье	26,77	22,21	2,77	0,007**
Общение с близкими людьми	31,57	26,64	4,03	0,001***
Поддержка	27,62	23,00	3,09	0,003**
Оптимистичность	28,11	25,55	2,00	0,051*
Напряженность	26,51	22,79	2,41	0,022*
Самоконтроль	25,49	21,60	3,56	0,001***
Негативные эмоции	24,81	19,95	3,23	0,002**
Индекс качества жизни	27,74	23,55	4,04	0,001***

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Сравнительный анализ показателей качества жизни у юношей и девушек с высоким и низким уровнем суверенности выявил наличие значимых различий по всем изучаемым показателям: учеба ($t = 2,82$; $p \leq 0,01$), личные достижения ($t = 3,40$; $p \leq 0,001$), здоровье ($t = 2,77$; $p \leq 0,01$), общение с близкими людьми ($t = 4,03$; $p \leq 0,001$), поддержка ($t = 3,09$; $p \leq 0,01$), оптимистичность ($t = 2,00$; $p \leq 0,051$), напряженность ($t = 2,41$; $p \leq 0,05$), самоконтроль ($t = 3,56$; $p \leq 0,001$), негативные эмоции ($t = 3,23$; $p \leq 0,01$), индекс качества жизни ($t = 4,04$; $p \leq 0,001$). Данные показатели более выражены у испытуемых с высоким уровнем суверенности.

Полученные результаты можно представить следующим образом.

«Личные достижения» и «учеба» – студенты с высокими показателями суверенности более удовлетворены успехами в достижении своих личных целей, чувствуют себя более удачливыми людьми, имеют ясные и стабильные жизненные ценности и принципы, отличаются более высоким уважением в учебной (профессиональной) среде.

«Общение с близкими людьми» и «поддержка» – испытуемые с высоким уровнем суверенности менее подвержены переживаниям одиночества при изменяющихся условиях, более удовлетворены теплыми отношениями с друзьями.

ми, близкими людьми, чувствуя их поддержку и понимание. Как отмечалось ранее, по данной шкале испытуемые двух кластеров при наличии значимых различий имеют общее – они в большей степени удовлетворены этой сферой жизни.

«*Самоконтроль*» – «суверенные» студенты легче принимают решения, обязательны, но ответственно делают то, что могут, при изменении ситуации или планов более легко приспосабливаются к любой новой ситуации.

«*Негативные эмоции*» и «*оптимистичность*» – испытуемые с высокими показателями суверенности реже испытывают чувство вины и стыда, страха и тревоги, обиды и гнева, многие вещи воспринимаются с большей легкостью и без раздражения, в трудных ситуациях не теряют надежду на благополучное ее разрешение. Их хорошее настроение во многом зависит от внутреннего самообладания, чувства юмора, жизнерадостности. В то время как на настроение испытуемых с низкой суверенностью большее влияние оказывают внешние ситуации.

«*Напряженность*» – «суверенные» студенты в большей степени обладают умением организовывать свое время, окружающая среда воспринимается как комфортная и безопасная, в то время как студенты с низким уровнем суверенности отмечают более частое состояние усталости, напряжения, вызванное наличием дефицита времени, восприятием окружающей среды как неприятной, сопровождающейся наличием жизненных кризисов.

Испытуемые с высокими показателями суверенности в целом более удовлетворены своим *здоровьем*, они более физически активны, отмечают хороший сон, удовлетворены своей физической формой.

Таким образом, качество жизни и психологическое благополучие можно рассматривать как сложную, многоаспектную характеристику человеческой жизни в целом, которая обусловлена как объективными социальными условиями жизни, так и внутренними субъективными характеристиками человека, наличием возможностей и способностей создавать суверенное психологическое пространство.

Субъективное восприятие благополучия и качества жизни выше у юношей и девушек с высокими показателями суверенности, по сравнению с теми, кто демонстрирует низкий уровень суверенности, и зависит от их личностных качеств, мотивов, установок и др.

Полученные результаты подтверждают предположение С.К. Нартовой-Бочавер о том, что суверенность представляет собой условие и результат продуктивной деятельности в разных областях и потому может коррелировать не только с объективными, но и субъективными показателями жизненной успешности [10].

Результаты исследования субъективного благополучия и качества жизни личности в контексте суверенности психологического пространства могут быть использованы для обоснования различных воспитательных стратегий, построения учебных спецкурсов по психологическому здоровью и благополучию личности, при разработке и реализации проектов, развивающих программ, направленных на решение психолого-педагогических проблем в рамках общеобразовательного пространства, что будет способствовать более качественной самореализации и успешности обучающихся в учебной, а в дальнейшем и профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Баландина Л.Л., Гуржий А.П. Суверенность психологического пространства в связи с родительскими отношениям // Вестник ПГГПУ. Сер. Психологические и педагогические науки. Вып. 1. Психология. – 2023. – С. 91–102.
2. Барковская Д.В. Характеристики суверенности психологического пространства и индивидуальных особенностей личности // Вестник ПГГПУ. Сер. Психологические и педагогические науки. Вып. 1. Психология. – 2022. – С. 171–176.
3. Барковская О.В. Психологическое пространство субъективно благополучных русских // Этнопсихология: актуальные проблемы современного мира : материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Е.В. Афонасенко. – Благовещенск : БГПУ, 2013. – С. 17–21.
4. Гордеев В.И., Александрович Ю.С. Методы исследования развития ребенка: качество жизни (QQL) – новый инструмент оценки развития детей. – СПб. : Речь, 2001. – 200 с.
5. Иркин Д.Б., Шевеленкова Т.Д. Суверенность психологического пространства личности подростков и ее взаимосвязь с уровнем невротизации и представлениями подростков об их воспитании родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2011. – Т. 1, № 3. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n3/46566
6. Казакова Т.В., Басалаева Н.В., Левшунова Ж.А. Взаимосвязь показателей личностной суверенности и психологического благополучия студентов [Электронный ресурс] // Вестник Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева. – 2014. – № 4 (30).
7. Крецан З.В., Морозов Е.В. Содержательные характеристики суверенности во взаимосвязи с личностными параметрами подростков в условиях образовательной среды // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – Т. 6, № 3 (23). – С. 102–108.
8. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2005. – 44 с.

9. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя. – М. : Смысл, 2017. – 200 с.
10. Нартова-Бочавер С.К. Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития : сб. науч. ст. / под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Корепановой. – М. : МГППУ, 2013. – С. 56–67.
11. Орлов В.А., Гиляревский С.Р. Проблемы изучения качества жизни в современной медицине. – М. : Союзмединформ, 1992. – 66 с.
12. Панина Е.Н. Взаимосвязь суверенности психологического пространства и субъективного благополучия личности : дис. ... канд. психол. наук. – Красноярск, 2006. – 187 с.
13. Сафонова М.В., Тихонова Д.А. Сравнительный анализ профилей суверенности подростков с различными уровнями психологической суверенности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2017. – № 3. – С. 114–125.
14. Сахаров Е.А., Ахмадуллина Э.Н. Связь психологической суверенности с особенностями психологического преодоления конфликтов у больных шизофренией // Практическая медицина. – 2009. – № 6 (38). – С. 63–66.
15. Трофимова Ю.В. Проявления суверенности в юношеском возрасте: различия субъектных характеристик личности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6. – С. 336–339.

УДК 159.92

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-72-85

Блинова Анастасия Юрьевна

студентка VI курса специальности «Клиническая психология»

soytini.nb@gmail.com

Продовикова Анастасия Геннадьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей

и клинической психологии

arilama@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский

университет, Пермь, Россия

614990, Пермь, Букирева, 15

**ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ПОДРОСТКОВ
С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ**

Anastasia Y. Blinova

Post-Baccalaureate (Year 6) Student Majoring in Clinical Psychology

soytini.nb@gmail.com

Anastasia G. Prodovikova

Ph. D., Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology

arilama@yandex.ru

Perm State National Research University

15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia

**FEATURES OF LIFE-MEANING ORIENTATIONS
AND RESILIENCE IN ADOLESCENTS
WITH DEVIANT BEHAVIOR**

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа понятий «жизнестойкость» и «смысложизненные ориентации», а также результаты эмпирического исследования особенностей показателей смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у подростков с девиантным поведением в сравнении с группой подростков с нормативным поведением. Выборку составили 30 под-

ростков с девиантным поведением, обучающихся в КГБОУ «Уральское подворье» и 37 подростков с нормативным поведением. Результаты эмпирического исследования констатируют, что показатели жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у подростков с девиантным поведением несколько выше показателей подростков с нормативным поведением. Также результаты исследования показали, что существует прямая взаимосвязь между показателями рассматриваемых феноменов: чем выше показатели жизнестойкости, тем выше показатели смысложизненных ориентаций, и наоборот. Это характерно как для выборки подростков с девиантным поведением, так и для выборки подростков с нормативным поведением.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, жизнестойкость, подростки с девиантным поведением, подростки с нормативным поведением.

Abstract. The article presents the results of a theoretical study of the concepts of «resilience» and «life-sense orientations», as well as the results of an empirical study of the characteristics of indicators of life-sense orientations and resilience in adolescents with deviant behavior in comparison with a group of adolescents with normative behavior. The sample consisted of 30 teenagers with deviant behavior studying at the RSBEI «Uralsky Podvorye» and 37 teenagers with normative behavior. The results of an empirical study state that the indicators of resilience and life-sense orientations in adolescents with deviant behavior are slightly higher than those of adolescents with normative behavior. In addition, the results of the study showed that there is a direct relationship between the indicators of the phenomena under consideration: the higher the indicators of resilience, the higher the indicators of life-sense orientations, and vice versa, which turned out to be characteristic of both a sample of adolescents with deviant behavior and a sample of adolescents with normative behavior.

Key words: life-sense orientations, resilience, adolescents with deviant behavior, adolescents with normative behavior.

Согласно мнению И.И. Хасановой и С.С. Котовой, основной проблемой обучающихся с девиантным поведением является их низкая способность справляться с трудными ситуациями, используя адаптивные стратегии. Так, для совладания со стрессовыми ситуациями молодые люди выбирают различные формы девиантного поведения, такие как асоциальное, делинквентное, аутоагрессивное или аддиктивное поведение [13]. Возникает вопрос о причинах такого выбора. В свою очередь, существуют исследования, подтверждающие наличие низких показателей жизнестойкости [5, 16] и смысложизненных ориентаций [7] у подростков, проявляющих противоправное поведение. Низкие показатели жизнестойкости и смысложизненных ориентаций прямо указывают на то, что человек не чувствует контроля над собственной жизнью, он не имеет

уверенности в том, что способен справиться с трудными жизненными ситуациями и поэтому не видит ценности собственной жизни, не ставит перед собой цели на будущее, направленные на достижение собственного благополучия. Так, ценностно-смысловые ориентиры или смысложизненные ориентации играют важную роль в уровне развития жизнестойкости личности. Они служат индикатором психологического здоровья, при этом баланс ценностных ориентаций напрямую зависит от жизнестойкости [11]. Таким образом, актуальной представляется проблема: каковы особенности смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у подростков с девиантным поведением.

Обратимся к теоретическому истолкованию таких психологических феноменов, как «жизнестойкость» и «смысложизненные ориентации».

Термин *hardiness* – «жизнестойкость» – был представлен Сьюзен Кобейса и Сальватором Мадди в начале 1980-х гг. в рамках исследования личного потенциала, необходимого для преодоления стрессов. Согласно С. Мадди, активность является ключевым элементом жизнестойкости, в отличие от пассивности [6, 15].

С. Мадди рассматривает *hardiness* как ресурс, способствующий успешной адаптации и улучшению здоровья как физического, так и психического. С. Мадди выделяет три компонента конструкта жизнестойкости:

- *Вовлеченность* – убежденность человека в возможности и важности активного участия в происходящих в жизни событиях, в возможности находить то, что является интересным и субъективно значимым. Состоянием, противоположным вовлечению, является состояние *отчуждения*.

- *Контроль* – убежденность в том, что борьба и преодоление позволяют повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Данный компонент сходен с категорией локуса контроля Дж. Роттера.

- *Принятие риска* – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, неважно, позитивного или негативного. Это уверенность в том, что важно действовать даже тогда, когда нет никаких гарантий успеха [6].

С. Мадди обращает внимание на *важность всех этих трех компонентов* для поддержания здоровья и работоспособности в стрессовых ситуациях.

Подчеркивается, что жизнестойкость не просто психологический феномен, а внутренний ресурс, который можно осмыслить и изменить для поддержания физического, психического и социального здоровья. Иначе говоря, в концепции С. Мадди жизнестойкость – это то, что дает жизни ценность и является основой для личностного роста и развития [15].

Исследования С. Мадди и С. Кобейса привлекли внимание отечественного ученого Д.А. Леонтьева. В 2002 г. Д.А. Леонтьев перевел термин *hardiness* как «жизнестойкость», что придало понятию эмоциональный оттенок, связав

его с понятием «жизнь» и выделив «стойкость» как актуальную психологическую черту личности. Д.А. Леонтьев рассматривал жизнестойкость как интегральную характеристику личности, ответственную за успешное преодоление различных жизненных трудностей [6].

В данном исследовании мы будем рассматривать *жизнестойкость*, в соответствии с концепцией Е.Н. Осина, как систему убеждений (представлений) о себе и мире, способной обеспечить успешную адаптацию и улучшение физического и психического здоровья [9, 10].

Таким образом, зарубежные исследования акцентируют внимание на жизнестойкости как целостном показателе психического благополучия человека. В работах отечественных психологов можно выделить два основных подхода к трактовке феномена жизнестойкости: 1) жизнестойкость рассматривается как ресурс потенциала личности, который может быть реализован в определенных обстоятельствах (Е.И. Рассказова, Р.И. Стецишин, К.А. Абульханова, В.А. Бодров); 2) жизнестойкость воспринимается как целостное психологическое свойство личности, основанное на системе представлений о себе и окружающем мире, которое формируется и развивается через активное взаимодействие с жизненными ситуациями (Л.А. Александрова, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, С.В. Книжникова).

Ценностно-смысловые ориентиры или смысложизненные ориентации играют важную роль в уровне развития жизнестойкости личности. Они служат индикатором психологического здоровья, при этом баланс ценностных ориентаций напрямую зависит от жизнестойкости. Эти ориентиры могут определять, насколько человек способен осмысливать жизненные ситуации. Жизнестойкость, в свою очередь, формирует мотивацию личности, что указывает связь ценностно-смысловой сферы и жизнестойкости как личностного качества, влияющего на мотивацию. Механизм жизнестойкости во многом связан с поиском смысла в трудных жизненных обстоятельствах. Данные утверждения позволяют заключить, что существует взаимосвязь между развитием жизнестойкости и смысложизненными ориентациями личности [11]. Наличие взаимосвязи между показателями смысложизненных ориентаций и жизнестойкости доказывают современные исследования Д.А. Тувышевой и Г.И. Атамановой [11], И.А. Блохиной и О.В. Москаленко [1], К.А. Новиковой и С.Г. Касимовой [8]. Так, использование методики «Смысложизненные ориентации личности» в исследовании И.А. Блохиной и О.В. Москаленко позволяет установить, что показатели таких шкал, как «Процесс жизни» и «Результат» связаны с первым компонентом жизнестойкости – «вовлеченность»; шкала «Локус контроль – Я» коррелирует со вторым компонентом жизнестойкости – «контроль»; показатель шкалы «Локус контроль – Жизнь» положительно коррелирует с третьим компонентом жизнестойкости – «принятие риска» [1]. Еще одним подтверждением наличия взаимосвязей между показателями жизнестойкости и смысложизненных ориен-

таций можно считать исследование К.А. Новиковой и С.Г. Касимовой. В качестве методов исследования были использованы две методики: «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной. В результате исследования были выделены положительные взаимосвязи между шкалами опросников: была выявлена слабая положительная связь между показателями «контроль» и «материальные ценности» ($r = 0,303$), положительная слабая взаимосвязь между параметрами «жизнестойкость» и «сфера общественной активности» ($r = 0,353$), положительная умеренная взаимосвязь между параметрами «вовлеченность» и «сфера общественной активности» ($r = 0,401$). Таким образом, авторы пришли к выводу о наличии взаимосвязи между параметрами жизнестойкости и смысложизненными ориентациями (ценностями) личности [8].

Рассмотрим подходы зарубежных и отечественных авторов к понятию «смысложизненные ориентации».

Согласно К.Г. Юнгу, поиск смысла жизни – естественная, специфическая человеческая потребность, присущая каждому человеку. Смысл жизни обретается в процессе индивидуации, он связан с коллективным бессознательным и способностью человека примириться с трансцендентным (божественным) началом, что придает судьбе смысл [14].

В контексте изучения смысла жизни как центральной психологической структуры теория В. Франкла представляет особый интерес. Он подчеркивает, что смысл жизни имеет психологическую природу и играет важную роль в поддержании психического здоровья. В. Франкл выделяет три аспекта своей теории: стремление к смыслу, смысл жизни и свобода воли. Согласно В. Франклу, именно стремление к поиску и реализации смысла жизни определяет мотивацию поведения и развитие личности. Автор рассматривает это стремление как врожденную мотивационную тенденцию, которая противопоставляется фрейдовскому принципу удовольствия. Постулируя индивидуальность отдельно взятого смысла жизни конкретного человека, В. Франкл то же время считает, что смысл жизни доступен каждому человеку, независимо от его характеристик (пола, возраста, интеллекта, образования, характера и религиозных убеждений) [12].

Подход к изучению проблемы смысла жизни заключается в анализе конкретных жизненных ситуаций человека, с учетом взаимодействия между человеком и миром (В.В. Знаков). В рамках динамического подхода (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь) качественные изменения в смысловых структурах личности могут происходить в течение жизни человека, особенно в процессе смены видов деятельности [2].

Подводя итоги, отметим, что между показателями смысложизненных ориентаций и жизнестойкости существует взаимосвязь. Эмпирические исследования показывают, что подростки с девиантным поведением имеют низкие по-

казатели выраженности данных феноменов, что в свою очередь может служить фактором при выборе подростками девиантного поведения в качестве совладающего в стрессовых и кризисных ситуациях.

Поэтому представляется важным изучить особенности жизнестойкости в связи со смысложизненными ориентациями именно на подростковой группе с проявлениями девиантности в сравнении с нормотипичной группой подростков.

Предмет исследования – особенности смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у подростков с девиантным поведением.

Цель исследования: выявить особенности смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у лиц подросткового возраста с девиантным поведением.

Сформулированы следующие гипотезы:

1) подросткам с девиантным поведением присущи более низкие показатели выраженности смысложизненных ориентаций и жизнестойкости, по сравнению с подростками группы «норма» [4, 5, 7];

2) существуют взаимосвязи между показателями смысложизненных ориентаций и жизнестойкостью подростков с девиантным поведением: чем выше показатели жизнестойкости, тем выше показатели смысложизненных ориентаций [1, 8, 11].

Для диагностики смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у подростков с девиантным поведением были использованы: «Тест жизнестойкости» (С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой, 2010), «Тест смысложизненных ориентаций» (методика СЖО Д.А. Леонтьева, 1988), а также диагностический опросник выявления склонности к различным формам девиантного поведения ДАП-П (СПб., ВМедА, кафедра психиатрии, 1999). Для обработки данных использовались методы описательной статистики: оценка характера распределения данных с использованием критерия Шапиро – Уилка, сравнительный анализ, *T*-критерий Стьюдента и *U*-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ Спирмена.

В исследовании приняли участие 67 респондентов в возрасте 15–19 лет. Выборка была разделена на 2 группы по признаку наличия/отсутствия девиантного поведения. Таким образом, в первую группу вошли 30 респондентов с девиантным поведением (17 юношей и 13 девушек; средний возраст 16,23), обучающиеся в КГБОУСУВУ «Уральское подворье», г. Пермь. КГБОУСУВУ «Уральское подворье» – специальное образовательное учреждение для детей и подростков с девиантным поведением.

Вторую группу составили 37 респондентов с нормативным поведением (7 юношей и 30 девушек; средний возраст 18,43), представители подросткового возраста (обучающиеся МАОУ «Ергачинская СОШ», п. Ергач, студенты I курса ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»). Кроме условного разделения – места обучения респондентов, при формировании групп испытуемых были учтены результаты, полученные по

диагностическому опроснику выявления склонности к различным формам девиантного поведения ДАП-П (СПб., ВМедА, кафедра психиатрии). По результатам этого опросника в нормативной группе подростков не были выявлены респонденты со склонностью к девиантному поведению.

Анализ первичных описательных статистик позволил определить среднее значение по шкалам «Вовлеченность», «Контроль», «Принятие риска» и «Общий показатель жизнестойкости» для обеих выборок (рис. 1). Для выборки с девиантным поведением характерны: $m = 20,6$ для показателя вовлеченности; $m = 16,5$ для показателя контроля; $m = 11,2$ для показателя принятия риска и $m = 48,3$ для общего показателя жизнестойкости. Согласно интерпретации методики, в среднем выборка девиантных подростков по параметрам жизнестойкости имеет средний уровень жизнестойкости (средний уровень имеют 17 человек; низкий уровень – 10 человек; высокий уровень – 3 человека). Для выборки с нормативным поведением характерны: $m = 17,7$ для показателя вовлеченности; $m = 12,9$ для показателя контроля; $m = 10,2$ для показателя принятия риска и $m = 40,9$ для общего показателя жизнестойкости. В среднем по параметрам жизнестойкости выборка имеет средний уровень жизнестойкости (средний уровень имеет 19 человек; низкий уровень – 16 человек; высокий уровень – 2 человека).

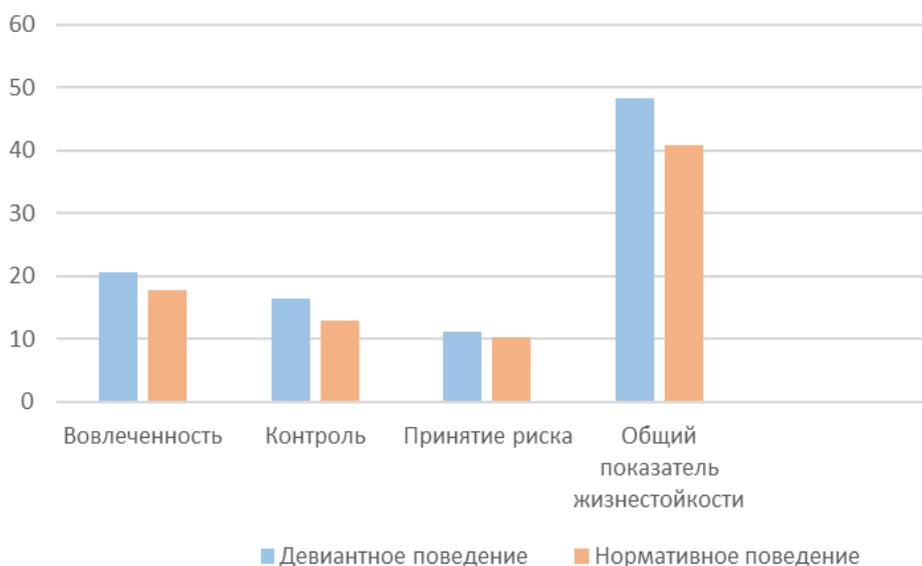

Рис. 1. Средние значения по шкалам методики «Тест жизнестойкости» (С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой)

Также мы определили средние значения по методике «Тест смысложизненных ориентаций» (методика СЖО) (рис. 2). Для выборки с девиантным поведением характерны: шкала «Цели» – $m = 30,7$; шкала «Процесс» – $m = 29,3$; шкала «Результат» – $m = 25,7$; шкала «Локус контроль – Я» – $m = 20,6$; шкала «Локус контроль – Жизнь» – $m = 29,4$; «Общий показатель смысложизненных

ориентаций» – $m = 99,1$. Для выборки с нормативным поведением характерны: шкала «Цели» – $m = 28,3$; шкала «Процесс» – $m = 26,9$; шкала «Результат» – $m = 23,3$; шкала «Локус контроль – Я» – $m = 19$; шкала «Локус контроль – Жизнь» – $m = 29,4$; «Общий показатель смысложизненных ориентаций» – $m = 92,9$.

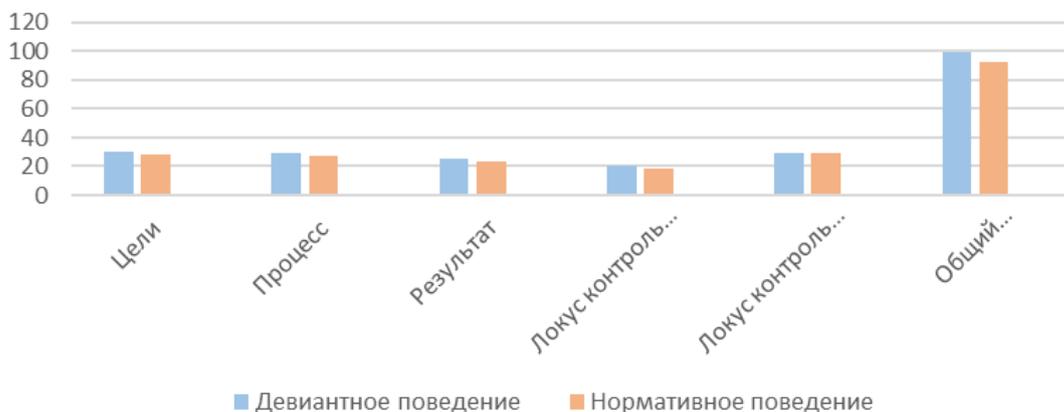

Рис. 2. Средние значения по шкалам методики «Тест смысложизненных ориентаций» (методика СЖО, адаптация Д.А. Леонтьева)

Полученные данные говорят о том, что обе выборки респондентов с девиантным и нормативным поведением имеют в большинстве своем средний уровень по всем шкалам опросника, за исключением шкалы «Результат». У респондентов группы испытуемых с нормативным поведением преобладает высокий уровень показателя, в то время как у группы респондентов с девиантным поведением преобладают показатели со средним уровнем.

Был осуществлен сравнительный анализ с использованием T -критерия Стьюдента для независимых выборок (табл. 1). Согласно его результатам, у исследуемых групп испытуемых есть значимые различия по двум шкалам:

1. «Контроль» ($t = -2,847$; $p = 0,006$).

Для группы подростков с нормативным поведением характерен меньший уровень убежденности в том, что борьба и преодоление позволяют повлиять на результат происходящего, они менее склонны думать, что течение жизни не определено и находится в их руках, чем группа подростков с девиантным поведением.

2. «Общий показатель жизнестойкости» ($t = -2,064$; $p = 0,043$).

Группа подростков с нормативным поведением менее склонна рассматривать себя как людей, способных успешно адаптироваться в изменяющихся условиях окружающего мира, а также в меньшей степени верят в способность собственного влияния на улучшение физического и психического здоровья, чем группа подростков с девиантным поведением.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа с использованием T-критерия Стьюдента

Показатели	Среднее (группа с девиантным поведением)	Среднее (группа с нормативным поведением)	T-критерий Стьюдента (T)
Вовлеченность	20,567	17,703	-1,814
Контроль	16,500	12,973	-2,847
Принятие риска	11,233	10,189	-1,004
Общий показатель жизнестойкости	48,300	40,865	-2,064
Цели	30,733	28,351	-1,375
Процесс	29,267	26,865	-1,251
Результат	25,700	23,297	-1,527
Локус контроль – Я	20,633	18,946	-1,357
Общий показатель смысложизненных ориентаций	99,100	92,973	-1,117

Согласно результатам сравнительного анализа с использованием U-критерия Манна – Уитни для шкалы «Локус контроль – Жизнь» у испытуемых нет значимых различий ($p = 0,995$; $p > 0,05$).

Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у группы лиц подросткового возраста с девиантным поведением и группы лиц подросткового возраста с нормативным поведением был осуществлен корреляционный анализ, использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена.

Корреляционный анализ данных в группе испытуемых подросткового возраста с девиантным поведением выявил только значимые положительные корреляции ($p < 0,01^{**}$; $p < 0,001^{***}$) между показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций (табл. 2). Значимые связи выявлены между всеми шкалами обоих опросников, а именно между шкалой «Вовлеченность» и шкалой «Цели» ($r = 0,642$; $p < 0,001$), между шкалой «Вовлеченность» и шкалой «Процесс» ($r = 0,907$; $p < 0,001$), между шкалой «Вовлеченность» и шкалой «Результат» ($r = 0,667$; $p < 0,001$), между шкалой «Вовлеченность» и шкалой «Локус контроль – Я» ($r = 0,654$; $p < 0,001$), между шкалой «Вовлеченность» и шкалой «Локус контроль – Жизнь» ($r = 0,802$; $p < 0,001$), между шкалой «Вовлеченность» и общим показателем смысложизненных ориентаций ($r = 0,860$; $p < 0,001$). Это говорит о том, что, чем выше уровень вовлеченности в жизнь, тем выше и уровень смысложизненных ориентаций у подростков с девиантным поведением. То есть когда подростки убеждены в возможности

и важности активного участия в происходящих в их жизни событиях, когда они убеждены, что у них есть возможность находить то, что будет являться для них интересным и значимым, тогда они видят свою жизнь наиболее определенной и содержательной, способны находить смысл в жизни и ставить перед собой цели.

Также были обнаружены связи между шкалами «Контроль» и «Цели» ($r = 0,754$; $p < 0,001$), между шкалами «Контроль» и «Процесс» ($r = 0,850$; $p < 0,001$), между шкалами «Контроль» и «Результат» ($r = 0,806$; $p < 0,001$), между шкалами «Контроль» и «Локус контроль – Я» ($r = 0,755$; $p < 0,001$), между шкалами «Контроль» и «Локус контроль – Жизнь» ($r = 0,885$; $p < 0,001$), между шкалой «Контроль» и общим показателем смысложизненных ориентаций ($r = 0,891$; $p < 0,001$). Это говорит о том, что, чем выше уровень контроля над жизнью у подростков с девиантным поведением, тем выше у них и уровень смысложизненных ориентаций. То есть чем больше подростки убеждены в своей способности контролировать свою жизнь, тем сильнее они верят в возможность влиять на результаты происходящих событий через борьбу и преодоление, даже если это влияние не гарантирует абсолютный успех, тем больше они стремятся найти свое место в мире, и находят ценность в себе и своей жизни.

Выявлены положительные связи между шкалами «Принятие риска» и «Цели» ($r = 0,585$; $p < 0,001$), между шкалами «Принятие риска» и «Процесс» ($r = 0,588$; $p < 0,001$), между шкалами «Принятие риска» и «Результат» ($r = 0,751$; $p < 0,001$), между шкалами «Принятие риска» и «Локус контроль – Я» ($r = 0,499$; $p = 0,005$), между шкалами «Принятие риска» и «Локус контроль – Жизнь» ($r = 0,764$; $p < 0,001$), между шкалами «Принятие риска» и общим показателем смысложизненных ориентаций ($r = 0,698$; $p < 0,001$). Это говорит о том, что чем выше уровень принятия возможных жизненных рисков, тем выше уровень смысложизненных ориентаций у подростков с девиантным поведением. То есть чем выше у подростков уверенность в том, что важно действовать даже тогда, когда нет никаких гарантий на успех, чем выше убежденность в том, что все происходящие события, негативные или позитивные, необходимы и способствуют личностному развитию, тем более определенной они видят свою жизнь, тем в большей степени они способны соотносить достигнутые результаты с первоначально поставленными и ставить цели, выходящие за рамки собственной жизни.

И наконец были обнаружены прямые корреляции между общим показателем жизнестойкости и шкалой «Цели» ($r = 0,739$; $p < 0,001$), общим показателем жизнестойкости и шкалой «Процесс» ($r = 0,835$; $p < 0,001$), между общим

показателем жизнестойкости и шкалой «Результат» ($r = 0,804$; $p < 0,001$), между общим показателем жизнестойкости и шкалой «Локус контроль – Я» ($r = 0,726$; $p < 0,001$), между общим показателем жизнестойкости и шкалой «Локус контроль – Жизнь» ($r = 0,907$; $p < 0,001$), между общим показателем жизнестойкости и общим показателем смысложизненных ориентаций ($r = 0,878$; $p < 0,001$). Это говорит о том, что, чем выше уровень жизнестойкости, тем выше уровень смысложизненных ориентаций. То есть в случаях, когда у подростков с девиантным поведением высокий уровень жизнестойкости, когда они убеждены в том, что способны обеспечить свою успешную адаптацию и улучшение физического и психического здоровья, тогда они видят свою жизнь интересной, насыщенной, полной смысла, тогда они способны ставить перед собой цели различных масштабов, свободно принимать решения и реализовывать их.

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа в группе
лиц с девиантным поведением**

	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Общий показатель жизнестойкости
Цели	0,642*** < ,001	0,754*** < ,001	0,585*** < ,001	0,739*** < ,001
Процесс	0,907*** < ,001	0,850*** < ,001	0,588*** < ,001	0,835*** < ,001
Результат	0,667*** < ,001	0,806*** < ,001	0,751*** < ,001	0,804*** < ,001
ЛК – Я	0,654*** < ,001	0,755*** < ,001	0,499** 0,005	0,726*** < ,001
ЛК – Жизнь	0,654*** < ,001	0,654*** < ,001	0,654*** < ,001	0,654*** < ,001
Общий показатель смысложизненных ориентаций	0,642*** < ,001	0,642*** < ,001	0,642*** < ,001	0,642*** < ,001

В свою очередь, у выборки подростков с нормативным поведением также были выявлены значимые положительные корреляции между всеми шкалами методик ($p < 0,01^{**}$; $p < 0,001^{***}$) (табл. 3).

**Результаты корреляционного анализа в группе
лиц с нормативным поведением**

	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Общий показатель жизнестойкости
Цели	0,823*** <,001	0,815*** <,001	0,854*** <,001	0,878*** <,001
Процесс	0,804*** <,001	0,739*** <,001	0,774*** <,001	0,809*** <,001
Результат	0,809*** <,001	0,809*** <,001	0,793*** <,001	0,849*** <,001
ЛК – Я	0,803*** <,001	0,753*** <,001	0,801*** <,001	0,834*** <,001
ЛК – Жизнь	0,781*** <,001	0,821*** <,001	0,823*** <,001	0,861*** <,001
Общий показатель смысло- жизненных ориентаций	0,855*** <,001	0,842*** <,001	0,861*** <,001	0,896*** <,001

Таким образом, общая картина корреляций сходна в обеих группах испытуемых (с нормативным и девиантным поведением). Значения коэффициента корреляции несколько выше в группе подростков с нормативным поведением, чем в группе с девиантным поведением. То есть мы видим такую же взаимосвязь: чем выше уровень жизнестойкости у подростков с нормативным поведением, тем выше у них уровень смысложизненных ориентаций, и наоборот.

Полученные результаты не подтвердили наши предположения о специфике жизнестойкости и смысложизненных ориентаций лиц подросткового возраста с девиантным поведением. А именно наша исследовательская гипотеза о том, что для обучающихся с девиантным поведением характерны более низкие показатели жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, чем для обучающихся с нормативным поведением, не подтвердилась. Здесь мы отталкивались от работ Ю.В. Лазаревой и А.А. Говендяевой, Е.А. Мандрыгиной и др. [5, 7, 16]. Но эта гипотеза не подтвердилась. Согласно нашим результатам, группа подростков с девиантным поведением имеет более высокие показатели жизнестойкости и смысложизненных ориентаций в сравнении с нормативной группой подростков. Это может быть связано с небольшой выборкой испытуемых (2 группы по 30 и 37 человек). Также полученный результат может быть следствием особенности выборки, связанной с половой принадлежностью (женщин значительно больше, чем мужчин в группе испытуемых с нормативным поведением). Как показывает исследование И.А. Горьковой, А.С. Иванова, суще-

ствуют гендерные различия в показателях жизнестойкости подростков с девиантным и нормативным поведением [3]. Отметим, что с группой девиантных подростков в образовательном учреждении психологами проводится коррекционная работа, что также могло повлиять на результаты исследования.

Полученные результаты, подтверждающие наличие связи между показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, совпадают с данными И.А. Блохиной и О.В. Москаленко, К.А. Новиковой и С.Г. Касимовой и др. [1, 8, 11]. Вторая гипотеза полностью подтверждена: чем выше показатели жизнестойкости, тем выше показатели смысложизненных ориентаций.

Учитывая полученные результаты и особенности исследуемой выборки, перспективами дальнейших исследований представляется изучение показателей смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у подростков с девиантным поведением в связи с другими личностными характеристиками подростков. Также в качестве перспектив исследования видится увеличение количества испытуемых и уравнивание групп по полу.

Выводы

1. Выявлены особенности показателей жизнестойкости и смысложизненных ориентаций. Показано, что в группе подростков с девиантным поведением достоверно выше значения по показателю жизнестойкости «контроль» и общему показателю жизнестойкости, чем в группе подростков с нормативным поведением.

2. Показано своеобразие взаимосвязей между компонентами жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у лиц подросткового возраста с девиантным поведением. Так, между показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций выявлены значимые прямые корреляции по всем шкалам двух методик. Следовательно, чем выше уровень жизнестойкости, тем выше уровень смысложизненных ориентаций подростков. Эта закономерность прослеживается в обеих группах испытуемых.

Список литературы

1. Блохина И.А., Москаленко О.В. К вопросу о взаимосвязи компонентов жизнестойкости и смысложизненных ориентаций личности // Научный обзор. – 2019. – № 3 (56). – 12 с.
2. Быкова Н.Л. Специфика смысложизненных ориентаций различных групп учащейся молодежи в ситуации субъективации жизненных целей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Самара, 2005. – 23 с.
3. Горьковая И.А., Иванов А.С. Гендерные и возрастные особенности жизнестойкости подростков с устойчивым противоправным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 231–240.

4. Загуменнова Н.В. Особенности жизнестойкости подростков с девиантным поведением // Студенческий форум. – 2018. – № 12-1 (33). – С. 27–30.
5. Лазарева Ю.В., Говендяева А.А. Особенности жизнестойкости и склонность к девиантному поведению в подростковом возрасте // Центр инновационных технологий и социальной экспертизы. – 2021. – № 2 (28). – С. 447–460.
6. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость и ее диагностика. – М. : Смысл, 2016. – 162 с.
7. Мандрыгина Е.А. Исследование особенностей смысложизненных ориентаций у подростков с девиантным поведением // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 109–111.
8. Новикова К.А., Касимова С.Г. Связь позитивного мышления, смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у студентов // Концепт. – 2013. – № 7 (23). – 9 с.
9. Осин Е.Н. Отчуждение как психологическое понятие // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии : материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2007. – С. 97–100.
10. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 4. – С. 68–77.
11. Тувышева Д.А., Атаманова Г.И. Эмпирическое исследование взаимосвязи качеств жизнестойкости и ценностно-смысловых ориентиров личности // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 1 (112). – С. 155–163.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Дайджест, 1990. – 322 с.
13. Хасанова И.И., Котова С.С. Взаимосвязь интернет-зависимости с со-владеющим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. – 2017. – № 4. – С. 49–55.
14. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М. : Прогресс, 1994. – 232 с.
15. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment, 1994. – Oct. – Vol. 63, No 2. – P. 265–274.
16. Williams P.G., Wiebe D.J., Smith T.W. Coping processes as mediators of the relationship between hardiness and health // Journal of behavioral medicine. – 1995. – Vol. 15. – P. 237–255.

УДК 159.9

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-86-96

Краснов Алексей Витальевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и клинической психологии
alex-krasnov@yandex.ru

Лапшина Виктория Олеговна

студентка VI курса направления «Клиническая психология»
netnetdada43@gmail.com

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ВИДОВ ОДИНОЧЕСТВА И ТИПА
РЕФЛЕКСИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**

Alexey V. Krasnov

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the
Department of General and Clinical Psychology
alex-krasnov@yandex.ru

Victoria O. Lapshina

6th Year Student of the Specialty «Clinical Psychology»
netnetdada43@gmail.com

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

**THE CORRELATION BETWEEN FORMS OF LONELINESS
AND TYPES OF REFLECTION IN ADOLESCENCE**

Аннотация. Представлены результаты изучения взаимосвязи видов одиночества и типа рефлексии в юношеском возрасте. Исследование проводилось в рамках ПГНИУ, в нем приняли участие 124 человека в возрасте от 18 до 24 лет, из них 93 девушки и 32 юноши. Согласно полученным результатам, представители юношеского возраста, испытывающие одиночество, склонны к интроспекции и квазирефлексии, а не имеющие трудностей в уединении,

склонны в большей мере к системной рефлексии и квазирефлексии. Более развитый уровень рефлексивности выявлен у респондентов, не имеющих трудностей в уединении.

Ключевые слова: одиночество, рефлексия, юношеский возраст, изоляция, отчуждение, уединение.

Abstract. The article presents the results of a study of correlation between forms of loneliness and the type of reflection in adolescence. The study was conducted within the Perm State National Research University. The study involved 124 people aged 18 to 24 years, including 93 women and 32 men. According to the results obtained, adolescents experiencing loneliness are prone to introspection and quasi-reflection. And young men who do not have difficulties in solitude are more prone to systemic reflection and quasi-reflection. A more advanced level of reflexivity was revealed among respondents who do not have difficulties in solitude.

Key words: loneliness, reflection, adolescence, isolation, alienation, solitude.

Введение

Одиночество является одной из наиболее актуальных проблем современности. В условиях быстро меняющегося мира, где человечество сталкивается с такими явлениями, как урбанизация [2], цифровизация общества [5, 9], пандемия COVID-19 [10], все большее количество людей сталкиваются с одиночеством, которое оказывает влияние как на физическое, так и на психологическое здоровье человека, увеличивая риск возникновения депрессии [18], пограничного расстройства личности [19], шизоидного расстройства личности [17], риска сердечно-сосудистых заболеваний [15, 16], болезни Альцгеймера [17], а также повышая риск самоубийства [17].

Так, согласно исследованию, проведенному НИУ ВШЭ и ФНИСЦ РАН в 2020 г., более 43 % взрослого населения (старше 14 лет) испытывают одиночество [4]. Особенно болезненным оно становится именно в юношеском возрасте, оставляя неизгладимый след в жизни человека – данные последствия происходят в связи с формированием идентичности личности, которая в дальнейшем оказывает влияние на взаимоотношения с другими людьми, выбор дальнейшего жизненного пути и т.д. Так, по данным ВЦИОМ 2021 г., наиболее высока доля одиноких людей среди 18–24-летних [3]. Данный возрастной диапазон относится к юношескому возрасту. По возрастной периодизации И.С. Кона, юношеский возраст охватывает диапазон с 18 до 23–25 лет [7].

В рамках юношеского возраста причинами возникновения одиночества могут служить трудности, с которыми сталкивается человек в связи с психическими и социальными изменениями, которые происходят в данном возрастном периоде. Так, именно в юности на первый план выходят вопросы самоопре-

деления, выбора будущего направления развития (включая выбор профессии, места жительства и т.д.), поиска единомышленников, а также формирования мировоззрения, идентичности личности, вместе с тем происходит развитие самосознания и более глубокой рефлексии [1, 12].

Значимую роль при поиске ответов на данные вопросы играет рефлексия как способность к самоанализу, осмыслению прошлых событий и принятию решений на основе полученного опыта [6]. Так, рефлексия помогает молодому человеку осознать свои сильные и слабые стороны, лучше понять свои цели и желания, а также способствует принятию осознанных решений и личностному развитию.

Вместе с тем рефлексия может оказывать и негативное влияние на человека, приводя к навязчивым раздумьям о переживаниях, негативных происшествиях, итогом которых может стать возникновение депрессивных симптомов [13].

Так, встает вопрос: существует ли взаимосвязь между одиночеством и рефлексией в рамках юношеского возраста, а также существует ли взаимосвязь между видами одиночества и типами рефлексии в юношеском возрасте. Ответ на данный вопрос будет рассмотрен в рамках данного исследования.

Основная часть

Цель исследования: выявление взаимосвязи видов одиночества с типом рефлексии в юношеском возрасте.

Организация и методы исследования.

Организация исследования: исследование проводилось с февраля по март 2024 г. в рамках Пермского государственного национального исследовательского университета. В нем приняли участие 124 человека в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст – 20 лет, стандартное отклонение равняется 1,36), из них 93 девушки и 32 юноши, обучающиеся на таких факультетах, как философско-социологический, юридический, исторический, механико-математический, географический, экономический, физический, филологический, биологический, институт компьютерных наук и технологий и факультет современных языков и литератур. В ходе исследования участникам предлагалось заполнить гугл-форму, включающую в себя общие вопросы (пол, возраст, факультет, курс), вопросы самих методик, а также инструкции и пояснения к ним.

Методы исследования:

– «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (ДОПО-3) Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева применялся для определения вида одиночества, а также для диагностики уровня общего переживания одиночества. Данная методика состоит из трех шкал: «Общее переживание одиночества», «Зависи-

мость от общения» и «Позитивное одиночество», и восьми субшкал: «Изоляция», «Самоощущение», «Отчуждение», «Дисфория одиночества», «Одиночество как проблема», «Потребность в компании», «Радость уединения», «Ресурс уединения».

Характеристика шкал:

1. «*Общее переживание одиночества*» демонстрирует степень актуального ощущения одиночества, нехватки близкого общения с другими людьми.

2. «*Зависимость от общения*» отражает неприятие одиночества, неспособность оставаться одному.

3. «*Позитивное одиночество*» оценивает умение человека вычлнять из уединения ресурс и применять его для самопознания и саморазвития.

Характеристика субшкал:

1. «*Изоляция*» включает в себя утверждения, подчеркивающие отсутствие людей, с которыми возможны близкие отношения.

2. «*Самоощущение*» состоит из общих формулировок, создающих образ респондента как одинокого человека.

3. «*Отчуждение*» акцентирует внимание на недостатке значимых связей с окружающими.

4. «*Дисфория одиночества*» оценивает негативные эмоции, возникающие в результате одиночества.

5. «*Одиночество как проблема*» демонстрирует отрицательную оценку одиночества как явления.

6. «*Потребность в компании*» определяет уровень потребности в общении.

7. «*Радость уединения*» измеряет степень, с которой человек принимает одиночество и уединение.

8. «*Ресурс уединения*» содержит формулировки, отражающие положительные стороны уединения.

– «**Дифференциальный тип рефлексии**» Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, А.Ж. Салиховой использовался для диагностики типов рефлексии. Методика содержит в себе три шкалы, которые соответствуют типам рефлексии, а именно: «Системная рефлексия», «Интроспекция», «Квази-рефлексия».

Характеристика шкал:

1. «*Системная рефлексия*» представляет собой самодистанцирование, при котором рассмотрение самого себя происходит в том числе от третьего лица. Таким образом, появляется возможность оценить ситуацию с разных сторон.

2. «*Интроспекция*», в основе которой лежит внутреннее переживание и состояние индивида.

3. «*Квазирефлексия*» характеризуется анализом не текущей ситуации, а абстрактными размышлениями о прошлом, будущем, воображением того, что могло бы быть.

– «**Методика определения уровня развития рефлексивности**»

А.В. Карпова применялась для измерения уровня развития рефлексивности.

Методы математической обработки данных: дескриптивный анализ, факторный анализ и корреляционный анализ.

Результаты

Результаты одномерной надежности.

Все методики были апробированы на внутреннюю валидность. По всем шкалам методик была вычислена Альфа – Кронбаха. Результаты данного анализа для всех шкал методик оказались удовлетворительными – значения варьируются от 0,7 до 0,9. Данный анализ применялся для проверки надежности (внутренней согласованности) методик – наличия или отсутствия связи между всеми пунктами методики, которая исследует конкретный феномен.

Результаты эксплораторного факторного анализа.

Эксплораторный факторный анализ применялся для проверки по пунктно-го своеобразия всех шкал методик, а также для сокращения размерности шкал.

Результаты факторного анализа (анализ главных компонент).

По результатам анализа главных компонент, выделенные факторы соответствовали шкалам всех методик с незначительным сокращением количества пунктов (табл. 1).

Таблица 1

Результаты факторного анализа

Методика	Выпадающие пункты методики	Факторная нагрузка
Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3)	25, 39	0,6–0,8
Дифференциальный тип рефлексии	18, 25, 27	0,6–0,8
Методика определения уровня развития рефлексивности	1, 2, 6, 7, 8, 9, 12, 16, 17, 19, 21, 23, 25, 26, 27	0,4–0,7

Таким образом, используемые в исследовании методики прошли проверку на внутреннюю валидность и структуру. Результаты одномерной надежности и факторного анализа оказались удовлетворительными. Таким образом, методики пригодны для дальнейшего использования в исследовании.

Результаты описательных статистик.

По результатам описательной статистики по методике Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (ДОПО-3) ненормальное распределение имеют такие субшкалы, как «Изоляция», «Самоощущение», «Отчуждение», для которых будут использоваться непараметрические методы сравнения. Нормальное распределение выявлено в методиках Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осина, А.Ж. Салиховой «Дифференциальный тип рефлексии» и А.В. Карпова «Методика определения уровня развития рефлексивности», для которых будут использоваться параметрические методы сравнения. Данные выводы сделаны на основе анализа таких показателей, как медиана, мода, среднее, критерий Шапиро – Уилка и критерий Ким (табл. 2).

Таблица 2

Результаты описательной статистики

Шкала	Мода	Медиана	Среднее	Шапиро – Уилк, p	Ким-асимметрия	Ким-эксцесс
Изоляция	1,00	1,30	1,50	< ,001	4,78	0,39
Самоощущение	1,20	1,70	1,84	< ,001	3,88	0,81
Отчуждение	1,00	1,80	1,85	< ,001	3,51	0,14
Дисфория	1,00	1,60	1,75	< ,001	2,35	-1,00
Проблемное одиночество	2,40	2,40	2,25	0,01	-0,82	-1,29
Потребность в компании	2,00	2,20	2,18	0,05	0,76	-0,84
Радость уединения	3,25	3,25	3,28	< ,001	-2,70	-0,84
Ресурс уединения	3,25	3,25	3,30	< ,001	-2,08	0,00
Общее переживание одиночества	1,33	1,60	1,73	< ,001	3,06	-1,45
Зависимость от общения	1,87	2,07	2,06	0,37	0,65	-1,09
Позитивное одиночество	3,75	3,25	3,30	< ,001	-2,38	-0,16
Системная рефлексия	3,73	3,45	3,35	< ,001	-3,15	-0,05
Интроспекция	2,44	2,67	2,63	0,05	-1,06	-1,58
Квазирефлексия	3,43	3,00	2,97	0,01	-1,76	-1,29
Уровень развитости рефлексии	51,00	59,00	58,85	0,27	-1,38	-0,28

Далее для соответствующих шкал в корреляционном анализе будет применен параметрический критерий Пирсона и непараметрический критерий Спирмена.

Результаты корреляционного анализа.

В ходе корреляционного анализа были получены результаты, представленные в табл. 3.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа

Корреляция	<i>R</i>	<i>P</i>
Дисфория – Системная рефлексия	-0,180	0,046*
Дисфория – Интроспекция	0,276	0,002**
Дисфория – Квазирефлексия	0,243	0,006**
Проблемное одиночество – Интроспекция	0,194	0,031*
Потребность в компании – Интроспекция	0,252	0,005**
Радость уединения – Системная рефлексия	0,353	< ,001***
Радость уединения – Квазирефлексия	0,247	0,006**
Ресурс уединения – Системная рефлексия	0,362	< ,001***
Ресурс уединения – Квазирефлексия	0,348	< ,001***
Общее переживание одиночества – Интроспекция	0,299	< ,001***
Общее переживание одиночества – Квазирефлексия	0,244	0,006**
Зависимость от общения – Интроспекция	0,283	0,001**
Позитивное одиночество – Системная рефлексия	0,392	< ,001***
Позитивное одиночество – Квазирефлексия	0,332	< ,001***
Позитивное одиночество – Уровень развитости рефлексии	0,187	0,038*
Изоляция – Квазирефлексия	0,254	0,004**
Самоощущение – Интроспекция	0,398	< ,001***
Самоощущение – Квазирефлексия	0,214	0,017*
Отчуждение – Интроспекция	0,289	0,001**
Отчуждение – Квазирефлексия	0,211	0,019*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Полученные данные, представленные в табл. 3, свидетельствуют о наличии взаимосвязи между видами одиночества и типами рефлексии.

При переживании одиночества, связанного с общением («Изоляция», «Отчуждение», «Потребность в компании», «Зависимость от общения»), выявлены статистически значимые положительные взаимосвязи с такими типами рефлексии, как «Интроспекция» ($R = 0,289$; $R = 0,252$; $R = 0,283$) и «Квазирефлексия» ($R = 0,254$; $R = 0,211$).

При переживании одиночества как позитивного явления, уединения («Радость уединения», «Ресурс уединения», «Позитивное одиночество») выявлены статистически значимые положительные взаимосвязи с такими типами рефлексии, как «Системная рефлексия» ($R = 0,353$; $R = 0,362$; $R = 0,392$) и «Квазирефлексия» ($R = 0,247$; $R = 0,348$; $R = 0,332$).

Также были выявлены значимые положительные взаимосвязи между показателем «Уровень развитости рефлексивности» и «Позитивное одиночество» ($R = 0,187$).

Таким образом, одиночество как негативное состояние чаще всего коррелирует с «Интроспекцией» и «Квазирефлексией», а одиночество как позитивное состояние – с «Системной рефлексией» и «Квазирефлексией». Также была выявлена взаимосвязь между показателями «Уровень развитости рефлексивности» и «Позитивное одиночество».

Полученные результаты могут объясняться спецификой переживания одиночества. Так, человек, переживающий одиночество, склонен акцентировать внимание именно на анализе собственных переживаний как способе снижения интенсивности переживаний путем их интеллектуализации. Данные результаты соотносятся с исследованием И.М. Слободчикова, изучившего исследования отечественных и зарубежных ученых о переживании одиночества как одного из механизмов развития личности [11].

Квазирефлексия, представляющая собой беспочвенные фантазии, не имеющие отношения к актуальной ситуации, скорее является психологической формой защиты через уход от неприятной ситуации, реальное разрешение которой не просматривается. Так как данная форма психологической защиты является общей и может быть характерна для всех людей, отсюда следует, что данная форма рефлексии возможна как при уединении, так и при переживании одиночества.

Системная рефлексия является более сложной формой рефлексии, так как основана на самодистанцировании и взгляде на себя со стороны, позволяющей видеть одновременно полюс субъекта и полюс объекта. Как отмечает А. Лэнгле, для самодистанцирования «нужно сначала увидеть самого себя и составить картину себя, что становится возможным благодаря определенной внутренней и внешней дистанции по отношению к собственным чувствам, решениям, действиям» [8]. Данные результаты могут быть связаны с более сформированной идентичностью у людей, не имеющих проблем с уединением, что подтверждается исследованием Н.В. Якимовой, в котором одиночество как негативный феномен препятствует формированию идентичности [14].

Развитый уровень рефлексивности у представителей юношеского возраста, находящихся ресурс в уединении, может объясняться предыдущими результатами, в которых выявлена взаимосвязь между системной рефлексией и уединением. Можно говорить о том, что позитивное одиночество является ресурсом для более сложной и продуктивной рефлексии, что также подтверждается исследованиями, приведенными выше.

Выводы

Из проведенного эмпирического исследования взаимосвязей видов одиночества и типа рефлексии в юношеском возрасте можно сделать вывод, что у представителей юношеского возраста выявлены достоверные положительные взаимосвязи между определенными видами одиночества и типами рефлексии, а также выявлена достоверная положительная их связь с уровнем выраженности рефлексии.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что:

- представители юношеского возраста, испытывающие одиночество, склонны к интроспекции и квазирефлексии;
- представители юношеского возраста, не имеющие трудностей в уединении, склонны в большей мере к системной рефлексии и квазирефлексии;
- более развитый уровень рефлексивности выявлен у представителей юношеского возраста, не имеющих трудностей в уединении.

Заключение

Таким образом, цель данного исследования достигнута. Подводя итог, можно заключить, что представители юношеского возраста, испытывающие одиночество как негативное явление, в большей мере склонны анализировать собственные переживания и состояния («интроспекция»), а также склонны к абстрактным размышлениям о прошлом и будущем («квазирефлексия»). А представители юношеского возраста, испытывающие одиночество как позитивное явление, в большей мере склонны к более полному анализу ситуации с возможностью самодистанцирования – взгляда на себя со стороны («системная рефлексия»), а также склонны к посторонним размышлениям о прошлом и будущем («квазирефлексия»).

Список литературы

1. Абдиева Г.И. Юношеский возраст как период личностно-профессионального самоопределения и становления [Электронный ресурс] // Глобус. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yunosheskiy-vozrast-kak-period-lichnostno-professionalnogo-samoopredeleniya-i-stanovleniya> (дата обращения: 24.10.2024).
2. Боровой Е.М. Страх и одиночество личности в ситуации тотальной урбанизации современного общества [Электронный ресурс] // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-i-odinochestvo-lichnosti-v-situatsii-totalnoy-urbanizatsii-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 24.10.2024).

3. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 20.10.2024).

4. Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/rims/news/471173761.html> (дата обращения: 20.10.2024).

5. Герасимова И.В. Взаимосвязь феномена одиночества и личностных особенностей активных пользователей Интернета [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. – 2018. – № 5 (217). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-fenomena-odinochestva-i-lichnostnyh-osobennostey-aktivnyh-polzovateley-interneta> (дата обращения: 20.10.2024).

6. Годунов М.В., Комерова Н.Е. Рефлексия как предиктор отношения к временной перспективе [Электронный ресурс] // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-kak-prediktor-otnosheniya-k-vremennoy-perspektive> (дата обращения: 25.10.2024).

7. Кон И.С. Психология ранней юности. – М., 1989. – С. 226.

8. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М. : Генезис, 2005.

9. Матюхин И.В. Одиночество в условиях мегаполиса [Электронный ресурс] // Урбанистика. – 2015. – № 2. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16413 (дата обращения: 20.10.2024).

10. Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор [Электронный ресурс] / Т.К. Ростовская, А.Д. Сулейманлы, В.А. Гневашева, Д.П. Толмачев // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-v-usloviyah-pandemii-stranovuu-obzor> (дата обращения: 24.10.2024).

11. Слободчиков И.М. Одиночество личности: природа, структура, содержание, механизм развития [Электронный ресурс] // Психология и Психотехника. – 2009. – № 2. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=56249 (дата обращения: 31.10.2024).

12. Фесенко С.Н. Психологические особенности юношеского возраста [Электронный ресурс] // Инновационная наука. – 2023. – № 2-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-yunosheskogo-voznrasta> (дата обращения: 20.10.2024).

13. Чурилова Е.Е. Внутренняя позиция личности в подростковом и юношеском возрастах как условие развития рефлексии на себя [Электронный ресурс] // Развитие личности. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-pozitsiya-lichnosti-v-podrostkovom-i-yunosheskom-voznrastah-kak-uslovie-razvitiya-refleksii-na-sebya> (дата обращения: 20.10.2024).

14. Якимова Н.М. Одиночество как значимый фактор для формирования идентичности в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Наука и современность. – 2010. – № 7-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-kak-znachimyy-faktor-dlya-formirovaniya-identichnosti-v-yunosheskom-vovraste> (дата обращения: 31.10.2024).

15. Loneliness and social isolation as risk factors for coronary heart disease and stroke: systematic review and meta-analysis of longitudinal observational studies [Электронный ресурс] / N.K. Valtorta, M. Kanaan, S. Gilbody et al. // Heart. – 2016. – Vol. 102 (13). – URL: <https://doi.org/10.4103/0972-6748.57861> (дата обращения: 20.10.2024).

16. Loneliness is a unique predictor of age-related differences in systolic blood pressure [Электронный ресурс] / L.C. Hawkey, C.M. Masi, J.D. Berry, J.T. Sacicoppo // Psychology and Aging. – 2006. – Vol. 21(1). – P. 152–164. – URL: <https://doi.org/10.1037/0882-7974.21.1.152> (дата обращения: 20.10.2024).

17. Relationship Between Loneliness, Psychiatric Disorders and Physical Health? A Review on the Psychological Aspects of Loneliness [Электронный ресурс] / R. Mushtaq, S. Shoib, T. Shah, S. Mushtaq // Journal of Clinical and Diagnostic Research. – 2014. – Vol. 8 (9). – URL: <https://doi.org/10.7860/JCDR/2014/10077.4828> (дата обращения: 20.10.2024).

18. Singh A., Mirsa N. Loneliness, depression and sociability in old age [Электронный ресурс] // Indian J of Psychiatry. – 2009. – Vol. 18 (1). – URL: <https://doi.org/10.4103/0972-6748.57861> (дата обращения: 20.10.2024).

19. Willem H.J. Schizoid personality disorder linked to unbearable and inescapable loneliness [Электронный ресурс] // Eur. J. Psychiat. – 2010. – Vol. 24 (38-45). – URL: <https://doi.org/10.4321/S0213-61632010000100005> (дата обращения: 20.10.2024).

УДК 159.9.072.3

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-97-107

Сентемова Елена Юрьевна

аспирантка кафедры общей и клинической психологии

esentemova@list.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИЗУЧЕНИЮ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ, В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ В МИРЕ

Elena Y. Sentemova

Graduate Student of the Department of General and Clinical Psychology

esentemova@list.ru

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

OVERVIEW OF STUDIES ON THE DEVELOPMENT OF THE COGNITIVE SPHERE OF MODERN PRESCHOOLERS IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATIONS TAKING PLACE IN THE WORLD

Аннотация. Раскрывается вопрос влияния глобальных мировых изменений на различные аспекты когнитивной сферы современных детей дошкольного возраста. Представлен обзор 30 работ, проведенных в период с 2017 по 2024 г. Цель обзора – обобщение существующих исследований, посвященных влиянию мировых преобразований на когнитивную сферу дошкольников. Указанные аспекты – технологический прогресс, насыщенность информацией, использование цифровых устройств и искусственного интеллекта, а также глобальных мировых изменений (Covid-19) – были выбраны в связи с их доказанным влиянием на когнитивную сферу дошкольников. Проведенный обзор позволяет сделать вывод о происходящих изменениях в развитии когнитивных функций современных дошкольников, как положительных, так и отрицательных.

Ключевые слова: когнитивная сфера дошкольников, цифровые устройства, искусственный интеллект, последствия Covid-19, влияние глобальных изменений.

Abstract. The article reveals the question of the influence of global world changes on various aspects of the cognitive sphere of modern preschool children. An overview of 30 works conducted from 2017 to 2024 is presented. The purpose of the review is to summarize existing studies on the impact of world transformations on the cognitive sphere of preschoolers. These aspects - technological progress, information richness, the use of digital devices and artificial intelligence, as well as global world changes (Covid-19) were chosen in connection with their proven impact on the cognitive sphere of preschoolers. The conducted review allows us to conclude that there are changes in the development of cognitive functions of modern preschoolers, both positive and negative.

Key words: cognitive sphere of preschoolers, digital devices, artificial intelligence, the consequences of Covid-19, the impact of global changes.

Введение

Динамические изменения психического развития детей дошкольного возраста вследствие усиливающегося влияния различных факторов сегодня становятся объектом активного научного изучения [1, 8, 13, 19, 23, 24, 25]. Современный мир формирует новое поколение, которое растет и развивается в условиях технологического прогресса, насыщенности информацией, использования цифровых устройств и искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также глобальных мировых изменений (например, Covid-19) [5, 6, 7, 15, 22, 33]. В связи с этим встает вопрос: как эти изменения отражаются на различных аспектах когнитивной сферы современных детей дошкольного возраста.

Цель настоящего обзора – обобщение существующих исследований, посвященных влиянию мировых преобразований на когнитивную сферу дошкольников. Представлен обзор 30 работ. Поиск материалов для обзора осуществлялся с помощью различных информационных платформ, основной стала eLibrary. В данный обзор включены работы, описывающие связь изменений с аспектами когнитивных функций у детей 5–7 лет (старший дошкольный возраст), в том числе с использованием зарубежных источников. Хронологический период обзора – 2017–2024 гг.

Результаты обзора (современные отечественные исследования)

Получены данные об изменении в развитии памяти, внимания, мышления, речи у детей старшего дошкольного возраста в связи с использованием цифровых устройств, взаимодействием с искусственным интеллектом, а также глобальными мировыми изменениями (Covid-19). Многие современные зарубежные исследования, посвященные изменениям в когнитивной сфере дошкольников, также акцентируют внимание на влиянии цифровых устройств, ИИ и последствиях пандемии Covid-19 [30, 31, 33].

*Специфика развития умственных способностей
и мышления дошкольников*

Проведенный сравнительный анализ с участием 1 352 детей от 5 до 7 лет показал разницу уровня развития умственных способностей старших дошкольников начала XXI в. (2020-е гг.) и их сверстников последних десятилетий XX в. (1970–1990-е гг.). Уровень развития умственных способностей детей 1970-х гг. значительно отличается от уровня развития способностей их современных сверстников. Выяснилось, что действие по соотнесению объекта с эталоном формы у современных детей было развито значительно ниже, чем у их сверстников в 1970-е гг. Напротив, ориентация по схеме и логическая мультипликация, а также уровень общего умственного развития у современных детей развиты значительно выше, чем у детей XX в. Авторы приходят к выводу, что данные различия связаны с уменьшением количества предметных действий и увеличением взаимодействия с цифровыми устройствами. Авторами исследования не изучались психологические механизмы, являющиеся причинами таких явных отличий в умственном развитии современных дошкольников. Это, в свою очередь, является интересом для дальнейшего исследования [9].

В сравнительном анализе архивного и современного исследования особенностей мышления детей старшего дошкольного возраста (сравнивались результаты исследования 1982 г. и аналогичные данные 2019 г.) авторы сделали своей целью уточнение особенностей формирования мышления современных детей дошкольного возраста. Оказалось, что при классификации предметов по родовой принадлежности современные дошкольники ошибаются больше, чем их сверстники 1982 г. А задание на оперирование предметами, наоборот, выполняют быстрее, выбирая способ перебора проб и ошибок, а не сличения части и целого. Авторы приходят к выводу, что в мышлении дошкольников произошли изменения: нарушение способности к умозаключениям, обеднение понятий и необоснованность суждений. Причина видится в развешествлении знаковой системы, характерной для медийной презентации мира [1].

В исследовании по изучению вербального и невербального видов мышления у современных дошкольников приняли участие 44 ребенка. Использовались батареи методик для оценивания 4 параметров: классификация, обобщение, сериация, сравнение. Анализ результатов показал, что наибольшие затруднения у детей вызвали задания на сериацию как в вербальной, так и в невербальной формах. Задания на мыслительные операции, с которыми справилось большинство детей, – это сравнение в невербальной форме, обобщение в вербальной форме, классификация в вербальной и невербальной формах. Вывод исследования заключается в том, что мышление старших дошкольников характеризуется наличием в большей степени сформированных характеристик наглядно-образного мышления и менее сформированных характеристик словесно-

логического. Авторы делают акцент на возможности целенаправленного развития вербального и невербального видов мышления старших дошкольников через формы и методы психолого-педагогического сопровождения [2, 19].

Специфика развития памяти современных дошкольников

В ряде работ по изучению особенностей развития памяти старших дошкольников отмечается низкий уровень развития памяти, нарушение запоминания, преобладает пассивное механическое запоминание, отсроченное припоминание. Отмечается, что для запоминания материала необходима его эмоциональная привлекательность, прерывистость, а также яркость. Более развитой, по сравнению с вербальной, является зрительная память. Но отмечается, что связь между образом и словом слабая. Авторы рассмотренных исследований приходят к выводу, что на развитие памяти оказывает влияние использование мобильных телефонов, компьютерных игр. Поэтому без учета изменений в психической жизни ребенка невозможно дальнейшее развитие памяти [3, 17, 21, 28].

Специфика развития речи современных дошкольников

Развитие когнитивной сферы напрямую связано с развитием речи. В исследованиях отмечается, что многие дошкольники имеют недоразвитие речи, задержку речевого развития. По сравнению с детьми предыдущих поколений современные дошкольники стали хуже формулировать свои мысли. Авторы считают, что если отсутствует повседневная практика общения, то это приводит к затруднению в формулировании мыслей и формированию мышления. Как и в других исследованиях по развитию когнитивной сферы, авторы видят проблему в цифровой реальности. У современных дошкольников катастрофически мала практика общения со сверстниками, ведущая деятельность дошкольного возраста – сюжетно-ролевая игра – заменена на виртуальную игру, подвижные и дворовые игры практически отсутствуют [8, 11, 27].

Специфика развития внимания современных дошкольников

Акцент в рассмотренных исследованиях делается на изменение внимания в результате использования цифровых устройств и после перенесенной коронавирусной инфекции. Произвольное внимание и его свойства (объема, концентрации, распределения, переключения, устойчивости) претерпели изменения. Появилась тенденция к информационному серфингу, когда ребенка привлекает яркая картинка и он просто переключает один канал на другой, не задерживая свое внимание на чем-то определенном. При этом мозг ребенка получает дофа-

мин от ярких стимулов. Детям нужны красочные, эффектные картинки, на которых не останавливается внимание. Все это является предпосылками развития в дальнейшем клипового мышления. Поэтому необходима информационная гигиена и безопасность [4, 12, 14].

По результатам английского эксперимента было показано, что быстрое развитие непроизвольного внимания (экзогенного) и снижение произвольного внимания (эндогенного) у дошкольников связано с длительным воздействием устройств с сенсорным экраном [30].

Проведенное в Германии исследование показало, что использование цифровых устройств детьми дошкольного возраста приводит к высокому уровню избирательного внимания и ограничению в развитии социальных навыков и когнитивной сферы у детей [31].

Обзор исследований влияния цифровых устройств на развитие когнитивных функций старших дошкольников

Исходя из обзора исследований использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста и их влияния на когнитивную сферу детей можно сделать выводы как о положительном, так и об отрицательном влиянии на дошкольников.

Ряд исследований начала XXI в. доказывает положительное влияние цифровых устройств на развитие внимания: умение контролировать несколько визуальных стимулов одновременно [22], развитие зрительной памяти, функции планирования, выбора стратегии поиска и оценки информации [18].

Зарубежные педиатрические ассоциации рекомендуют полностью исключить использование мобильных устройств для детей в возрасте до 2 лет и ограничить их применение до одного часа в день для детей старше 3 лет [10, 26]. Данные рекомендации были разработаны на основе многих исследований, посвященных влиянию цифровых устройств на развитие детей. Одно из таких исследований охватывало 3 115 участников и направлялось на изучение общественного восприятия рисков, связанных с использованием технологий детьми от 0 до 5 лет, а также мнения родителей по этому вопросу [32].

Существуют исследования о различном влиянии цифровых устройств на когнитивную сферу детей (как положительном, так и отрицательном) в зависимости от времени, которое дети проводят, взаимодействуя с цифровыми устройствами. Дошкольники с низкой онлайн-активностью показали большую продуктивность в графических навыках, имели лучше сформированные функции серийной организации, программирования и контроля. При составлении рассказа по серии сюжетных картинок дети показали более высокий уровень речевого развития, слухоречевой памяти. Дошкольники с высокой онлайн-активностью имеют низкий уровень продуктивности в графических пробах, пе-

реключение развито хуже. Авторы приходят к выводу об оптимальном использовании времени взаимодействия дошкольников с цифровыми устройствами в пределах 1 часа в день. Данное время не оказывает негативного влияния на когнитивные функции детей [25].

Обзор исследований влияния ИИ на развитие когнитивных функций старших дошкольников

Исследований использования ИИ детьми дошкольного возраста и его влияния на них пока немного. Авторы исследования применения программ при изучении сказок с детьми дошкольного возраста использовали различные онлайн-генераторы сказок (Generatom, Storytellers Tale, Generator), в которых сказку можно продолжить или по заданному началу, или по другим введенным данным. Для этого при помощи нейросети Midjourney были созданы изображения героев русских народных сказок (Бабы-яги, Коцея Бессмертного, Василисы Прекрасной, Жар-птицы, Лешего, Водяного, Змея Горыныча, кота Баюна и Кикиморы), отображающие главные характеристики внешнего вида, которые описаны в сказках. Также был создан свой герой по запросу. По результатам исследования были сделаны выводы, что полученные сказки не несут никакой смысловой нагрузки, а также являются примером грамматически неправильной и несвязной речи. Что негативно сказывается на развитии когнитивных функций дошкольников. В то же время ИИ вполне подходит для развития зрительной памяти (персонажи сказок), но не подходит для самостоятельного использования детьми при сочинении сказок [15].

Нейросеть самосовершенствуется, следовательно, наблюдается тенденция увеличения временного промежутка коммуникации между нейросетью и дошкольником. ИИ подстраивается под каждого конкретного ребенка, что не может не вызвать тревогу. ИИ, как добрый друг, предлагает детям личные рекомендации, контент, совет и даже эмоции. Отмечается динамика взаимодействия детей с блогерами. Ранее контент в социальных сетях производился в основном для молодых людей от 16 лет, то теперь существуют блоги для дошкольников, которые имеют многомиллионные просмотры и увеличивают популярность с каждым годом. Для примера обратимся к каналу Дианы, ей 6 лет, и она ведущая Kids Diana Show. На ноябрь 2024 г. количество подписчиков канала составляет 127 миллионов человек. Главная особенность подобного медиапродукта – это его интеграция с ИИ посредством взаимодействия игровых форм. Авторы подобных исследований приходят к выводу, что данное взаимодействие (коммуникация между нейросетью и дошкольником) ведет к снижению временных ограничений на процесс виртуального общения. При помощи ИИ дошкольники, как и взрослые, могут примерить на себя другую личность, роль,

что не всегда положительно сказывается на развитии когнитивной сферы, так как виртуальные навыки, умения, знания во многом не соответствуют реальности. Постепенно интересы детей начинает формировать ИИ, так как интересы дошкольника могут зависеть от коммуникаций с нейросетью. Также это все подкрепляется отсутствием иммунитета к интернет-продуктам и рекламе, предлагаемой нейросетью в процессе взаимодействия. Эта коммуникация носит медиальный характер – передача информации друг другу, без глубокого эмоционального контакта, смысла, упрощение речевых конструкций, грамматического и лексического строя речи [20].

Обзор исследований влияния пандемии (Covid-19) на развитие когнитивных функций старших дошкольников

Помимо установленных неврологических нарушений новая коронавирусная инфекция оказала влияние и на когнитивную сферу детей. Согласно анализу, данных литературы, наиболее стойкими нарушениями когнитивных расстройств после Covid-19 у детей являются снижение концентрации внимания, нарушение памяти [5, 6, 7].

К тому же пандемия из-за ограничений привела к увеличению временного взаимодействия детей с цифровыми устройствами. Вместо 7 часов в неделю (не более 1 часа в день) дети проводили за экраном около 24 часов в неделю. А это, как уже отмечалось выше, оказывает негативное воздействие на дошкольников. Также в период пандемии отмечается снижение темпов развития когнитивной сферы, коммуникативных навыков, как следствие невозможности посещать дошкольные учреждения [16].

Некоторые зарубежные исследования также касаются изменений в когнитивной сфере дошкольников в контексте пандемии Covid-19.

В работе испанских исследователей было установлено, что у детей в возрасте 6–10 лет наблюдалось снижение показателей саморегуляции (включая эмоциональную регуляцию, контроль внимания, гиперактивность и импульсивность) и готовности к обучению. В то же время такие изменения не фиксировались у детей младшего возраста (до 3 лет), что, по мнению авторов, указывает на большую защищенность психики малышей и их меньшую осознанность происходящего [32].

Есть и положительные моменты. В итальянском лонгитюдном исследовании за 2018–2019 и 2021–2022 гг. было проанализировано влияние пандемии Covid-19 на когнитивную сферу и регуляторные функции дошкольников. Сравнив данные ранних исследований, авторы выявили увеличение словарного запаса у детей [29].

Заключение

В соответствии с целью данной работы были рассмотрены исследования, посвященные влиянию мировых преобразований на когнитивную сферу дошкольников (отечественных и зарубежных авторов).

Анализ исследований показал наличие изменений в умственной сфере и мышлении у дошкольников прошлого века и современных: нарушение способности к умозаключениям, обеднение понятий и необоснованность суждений [1, 2, 9, 19].

В исследованиях, связанных с памятью, отмечается низкий уровень ее развития, нарушение запоминания, преобладание пассивного механического запоминания, отсроченного припоминания [3, 17, 21, 28].

Исследованию внимания отводится немаловажная роль. Как у взрослых, так и у детей отмечается рассеянность внимания, снижение концентрации, объема и распределения, клиповый формат [4, 12, 14].

Делая вывод о развитии речи, авторы констатируют, что у большинства дошкольников отмечается недоразвитие речи, задержка речевого развития. Сравнивая современных детей с детьми предыдущих поколений, исследователи приходят к выводу, что дети стали хуже формулировать свои мысли [8, 11, 27].

Авторы сходятся во мнении, что эти различия связаны с взаимодействием детей с цифровыми устройствами, ИИ, а прошедшая пандемия также оставила свой негативный отпечаток [15, 20].

Ряд исследований указывает на связь продолжительности времени и использования цифровых устройств. Продолжительность взаимодействия детей с гаджетами увеличилась. В пандемию она составляла 24 часа в неделю. Но отмечается ряд исследований с положительным влиянием цифровых устройств при условии введения временных ограничений. Совершенствующиеся нейросети влияют на предпочтения, коммуникацию, формируют интересы дошкольника, негативно воздействуют на речевую активность. И, конечно, нельзя оставить без внимания влияние пандемии, после которой отмечаются не только множественные неврологические нарушения, но и изменения в когнитивной сфере: снижение концентрации внимания, нарушение памяти [18, 22, 25, 26].

Проведенный обзор позволяет сделать вывод о происходящих изменениях в развитии когнитивных функций современных дошкольников. Не всегда положительных! Этому способствует бесконтрольное использование цифровых устройств, неконтролируемость «поглощаемой» ребенком информации, перегруз развлекательным контентом, а также мировые глобальные изменения (Covid-19) [5, 6, 7, 16, 29].

Список литературы

1. Алехин А.Н., Беляева С.И. Особенности мышления современных дошкольников с задержкой психического развития // Клиническая и специальная психология. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 57–77. – DOI: 10.17759/cpse.2023120303
2. Артюхова Т.Ю., Федорова Е.П. Возможности развития мышления детей старшего дошкольного возраста средствами психолого-педагогического сопровождения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 16–25. – DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-1-16-25
3. Батуева С.В. Развитие памяти у старших дошкольников как одно из условий успешного обучения [Электронный ресурс] // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 19–21. – URL: <https://u.to/QRsDIQ>
4. Ближенская Н.В., Кузнецова А.А. Психолого-педагогическое воздействие в развитии свойств внимания детей дошкольного возраста. Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход // VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – [Б. м., б. г.]. – С. 56–66.
5. Бухаленкова Д.А., Нечаева Д.М. Психическое развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста во время пандемии Covid-19 // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 81–92. – DOI: 10.17759/jmfp.2022110207
6. Веракса А.Н. Исследование влияния пандемии COVID-19 на дошкольников [Электронный ресурс] // Психологическая газета. – 2021. – URL: <https://psy.su/feed/9100/>
7. Воробьева М.А. Исследование влияния пандемии и сопутствующих факторов на когнитивные функции и психическое состояние детей в период готовности к школе // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 4. – С. 112–123.
8. Гуляева В.А. Проблема нервно-психического и речевого развития ребенка в отечественной и зарубежной науке [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2021. – № 21 (363). – С. 355–363. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81422/>
9. Денисенкова Н.С., Федоров В.В. Сравнительный анализ уровня развития умственных способностей современных старших дошкольников и их сверстников, посещавших детские сады в последней трети XX века // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 40–53. – DOI: 10.17759/pse.2021260302

10. Дети, подростки и средства массовой информации / В.К. Страсбургер, М.Дж. Хоган, Д.А. Маллиган и др. ; Американская академия педиатрии // Педиатрия. – 2013. – № 132 (5). – Р. 958–961. – DOI: 10.1542/peds.2013-2656
11. Диагностика развития речи в старшем дошкольном возрасте: батарея нейропсихологических методик и нормы / А.Н. Веракса, О.В. Алмазова, Е.С. Ощепкова, Д.А. Бухаленкова // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 256–282. – DOI: 10.17759/cpse.2021100313
12. Иванова М.В. Особенности развития внимания старших дошкольников [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2021. – № 34 (376). – С. 75–78. – URL: <https://moluch.ru/archive/376/83740/>
13. Иванова М.К., Дедюкина М.И. Развитие когнитивных способностей и регуляции поведения детей старшего дошкольного возраста : моногр. – Киров : Изд-во МЦИТО, 2021.
14. Кудряшова Ю.А. К проблеме развития произвольного внимания детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2022. – № 10. – URL: <https://human.snauka.ru/2022/10/54977>
15. Курбонмамадов П.А. К вопросу о новых коммуникациях: искусственный интеллект и дошкольник [Электронный ресурс] // Academic research in educational sciences. – 2021. – URL: <https://u.to/-CADIQ>
16. Лень Е.В. Психоэмоциональные нарушения у детей старшего дошкольного возраста группы риска, перенесших ковид // Вестник науки : международн. науч. журн. – 2024. – Т. 4, № 2 (71). – С. 141–149.
17. Леханова Е.В. Изучение памяти старших дошкольников в аспекте содержания педагогической деятельности по реализации ФОП ДО // Науки об образовании. Педагогический вестник. – 2024. – № 32. – С. 42–45.
18. Лысак И.В., Белов Д.П. Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – № 5 (142). – С. 256–264.
19. Николаева А.В., Семенова А.Н. Особенности мыслительных операций детей старшего дошкольного возраста // StudNet : науч.-образоват. журн. для студентов и преподавателей. – 2020. – № 9. – С. 1112–1116. – DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10233
20. Новик Н.Н., Евсеева О.П., Зайцева Д.К. Использование искусственного интеллекта в дошкольном образовании [Электронный ресурс] // Психологические науки. – 2023. – С. 102–110. – DOI: 10.51944/20738536_2023_1_102
21. Онишкова А.М. Исследование развития памяти у детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Инновационная наука. – 2020. – № 5. – С. 173–177. – URL: <https://u.to/hCMDIQ>
22. Особенности когнитивного развития у детей раннего и дошкольного возраста, использующих гаджеты / Е.А. Горобец, Р.Г. Гамирова, А.В. Схиртладзе и др. // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2021. – № 66. – С. 163–167. – DOI: 10.21508/1027-4065-2021-66-5-163-167

23. Понимание смешанных эмоций в дошкольном возрасте: роль когнитивного развития ребенка / Н.Е. Веракса, З.В. Айрапетян, Д.А. Бухаленкова и др. // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 122–138. – DOI: 10.17759/exppsy.2022150108
24. Ратанова Т.А. Диагностика умственных способностей детей. – М. : Флинта, 2003. – 164 с.
25. Солдатова Г.У., Вишнева А.Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 97–118. – DOI: 10.17759/cpp.2019270307
26. Трофимова Е.И. Влияние цифровизации на когнитивную сферу у детей [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2021. – № 45 (387). – С. 291–293. – URL: <https://moluch.ru/archive/387/85119/> (дата обращения: 26.10.2024).
27. Хамроева Н.А., Назарова Д.Ж. Особенности речевого развития детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Вестник магистратуры. – 2020. – № 1-5 (100). – С. 37–38. – URL: <https://u.to/niUDIQ>
28. Шалагинова К.С., Декина Е.В. Особенности развития памяти старших дошкольников – представителей цифрового поколения // Психолого-педагогические исследования. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 52–66. – DOI: 10.17759/psyedu.2022140404
29. La Vigne, Jacquelyn S. The Impacts of Covid-19 on Kindergarten Readiness Skills in Preschoolers [Электронный ресурс]. – 2023. Honors Theses. 406. – URL: https://ecommons.udayton.edu/uhp_theses/406
30. Longitudinal touchscreen use across early development is associated with faster exogenous and reduced endogenous attention control / A.M. Portugal, R. Bedford, C.H. Cheung et al. // Scie Rep. – 2021. – Vol. 11 (1). – DOI: 10.1038/s41598-021-81775-7
31. Mobile use induces local attentional precedence and is associated with limited socio-cognitive skills in preschoolers / V. Konok, K. Liskai-Peres, N. Bunford et al. // Comput Human Behav. – 2021. – Vol. 120 (8). – DOI: 10.1016/j.chb.2021.106758
32. Parents and Mobile Devices, from Theory to Practice: Comparison between Perception and Attitudes to 0–5-Year-Old Children’s Use / C.P. Society, L. Covolo, D. Zaniboni et al. // Int J Environ Res Public Health. – 2021. – 18. – DOI: 10.3390/ijerph18073440e
33. Six Weeks of Confinement: Psychological Effects on a Sample of Children in Early Childhood and Primary Education / M. Giménez-Dasí, L. Quintanilla, B. Lucas-Molina, R. Sarmiento-Henrique // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Article ID 590463. – 7 p. – DOI: 10.3389/fpsyg.2020.590463

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-108-114

Мишкевич Арина Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
arinamishkevich@ya.ru

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
permtan@yandex.ru

Плетнёва Ксения Васильевна

студентка VI курса философско-социологического факультета
ksushanowoselowa@yandex.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ВЫБОРА СТИЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТЕ

Arina M. Mishkevich

Ph. D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology
arinamishkevich@ya.ru

Tatyana A. Popova

Ph. D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology
permtan@yandex.ru

Ksenia V. Pletneva

6th Year Student of Psychology, Philosophy and Sociology Faculty
ksushanowoselowa@yandex.ru

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

PERSONALITY TRAITS AS PREDICTORS OF CHOOSING A STYLE OF INTERACTION IN CONFLICT

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи стилей поведения и взаимодействия в конфликте с чертами личности. В результате исследования выявлены значимые корреляции между чертой личности «доброжелательность»

и такими стратегиями поведения в конфликте, как «соперничество», «сотрудничество» и «приспособление». Выявлена связь черт личности «открытость опыту» и «добросовестность» со стилем «сотрудничество». Черта «экстраверсия» коррелирует со стратегиями «уклонение» и «соперничество». Данные черты личности могут выполнять функции предикторов при выборе стиля поведения личности в конфликте. Корреляции черты «нейротизм» со стилями конфликтного поведения не обнаружены.

Ключевые слова: конфликт, стили поведения в конфликте, личность, черты личности, аспекты черт личности.

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between behavioral styles and interaction in conflict with personality traits. The study revealed significant correlations between the personality trait "benevolence" and such conflict behavior strategies as "rivalry", "cooperation" and "adaptation". The connection of personality traits "openness to experience" and "conscientiousness" with the style of "cooperation" is revealed. The trait of "extraversion" correlates with the strategies of "avoidance" and "rivalry". These personality traits can serve as predictors when choosing a personality's style of behavior in conflict. Correlations of the "neuroticism" trait with styles of conflict behavior were not found.

Key words: conflict, styles of behavior in conflict, personality, personality traits, aspects of personality traits.

Особенности поведения личности в конфликте и выбор стратегии конфликтного взаимодействия во многом определяются личностными и индивидуальными характеристиками человека. Личностные черты могут выполнять функции предикторов выбора поведенческих стратегий в конфликте. Это могут быть динамические особенности личности, ее темперамент, активность, личностные свойства (уровень самоуважения, самооценки, самовосприятия, внутреннее представление индивида о себе и т.п.) [2, 3, 7].

Существует большое количество индивидуально-личностных качеств, играющих роль предикторов и предсказывающих поведение в конфликте: агрессивность и интеллект; эмоционально-личностные детерминанты (низкая самооценка, самоуничижение, неуверенность в себе и т.п.); характерологические особенности личности; гендерная принадлежность, когнитивные стили, склонность к конформизму, стрессоустойчивость, толерантность, тревожность и др. Помимо личностных предикторов, влияние на выбор стиля поведения в конфликте могут оказывать событийные и ситуативные факторы. Все это объясняется сложной смысловой нагрузкой понятия «конфликт». Несмотря на активное и разностороннее изучение феноменологии конфликта, существует дефицит эмпирических исследований, направленных на выявление выбора предпочитаемого стиля управления конфликтом в связи с личностными чертами. Однако

выбор именно этих феноменов в нашем эмпирическом исследовании был обоснован существующим противоречием, заключающимся в несогласованности некоторых эмпирических исследований М.С. Овчаренко, М.С. Ионовой, Е.В. Пятаевой [4, 5, 7] с результатами Н.В. Вязовой [2].

Целью данного исследования стало изучение черт личности как факторов, влияющих на ее поведение в конфликте, а также установление характера взаимосвязей черт личности со стилями конфликтного поведения. Психодиагностический инструментарий в данном исследовании был представлен методикой К. Томаса – Р. Килманна (выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (ТКИ-R) в адаптации Н.В. Гришиной) [6] и методикой «Большая пятёрка» (Big Five Inventory – 2) в адаптации А.Ю. Калугина, С.А. Щебетенко, А.М. Мишкевич, К.Дж. Сото, О.П. Джона [9]. Особое внимание акцентировалось на таких чертах личности, как нейротизм и экстраверсия (две полярные и акцентуированные переменные в личности индивида).

Теоретическими предпосылками исследования послужили работы Р.Н. Kilmann, К.В. Thomas [8], эмпирическими – исследования С.В. Дубровиной [3], М.С. Овчаренко [7], М.С. Ионовой, Е.В. Пятаевой [4, 5], Д.Е. Беловой с соавторами [1] и др.

Объектом исследования являются личностные черты (Big Five Inventory – 2) и стили ведущего поведения в конфликтной ситуации, а **предметом исследования** – взаимосвязь черт личности со стилями конфликтного поведения.

Гипотезы исследования:

- 1) существует взаимосвязь стилей поведения в конфликтной ситуации с чертами личности участников конфликта;
- 2) черты личности могут выступать предикторами выбора стратегии конфликтного взаимодействия:
 - а) экстраверсия как личностная черта может служить предиктором выбора стратегий компромисса и сотрудничества;
 - б) нейротизм как черта личности может выполнять функции предиктора выбора стратегий избегания и соперничества.

В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 17 до 35 лет: $M = 21,0$; $SD = 4,35$ (78 респондентов женского пола и 24 респондента мужского пола).

Обработка результатов исследования проводилась в статистической программе Jamovi с применением математико-статистического анализа (корреляционный анализ Спирмена).

Исследование проходило в три этапа. В рамках первого этапа была проверена гипотеза о существовании взаимосвязи стилей поведения в конфликте с чертами личности участников конфликтной ситуации. Для проверки этой ги-

потезы был применен корреляционный анализ Спирмена (в анализ были включены показатели черт личности и их аспекты (фасеты), а также показатели стилей поведения в конфликте).

Такие черты личности, как экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность и добросовестность, взаимосвязаны со стилями поведения в конфликте. Обнаружено, что показатель экстраверсии отрицательно коррелирует со стратегией «уклонение» ($r = -0,257$; $p < 0,01$) и положительно – со стратегией соперничества ($r = 0,203$; $p < 0,05$). Шкала «открытость опыту» имеет положительную корреляцию со стилем сотрудничества ($r = 0,232$; $p < 0,05$). Показатель доброжелательности отрицательно взаимосвязан со стилем соперничества ($r = -0,384$; $p < 0,001$), положительно – со стилями сотрудничества ($r = 0,346$; $p < 0,001$) и приспособления ($r = 0,223$; $p < 0,05$). Личностная черта «добросовестность» положительно коррелирует со стилем сотрудничества ($r = 0,276$; $p < 0,01$). Корреляционный анализ Пирсона не выявил взаимосвязей нейротизма с какими-либо стилями поведения в конфликте.

В то же время обнаружены интеркорреляции аспектов (фасет) личности такой черты, как экстраверсия (настойчивость, сочувствие, эстетичность, уважительность, ответственность, продуктивность и доверие) – со стилями конфликтного поведения. Один из аспектов экстраверсии – «настойчивость» – коррелирует отрицательно со стилем уклонения ($r = -0,343$; $p < 0,001$) и положительно – со стилем соперничества ($r = 0,299$; $p < 0,01$). Черта «открытость опыту» положительно взаимосвязана со стилем сотрудничества ($r = 0,271$; $p < 0,01$). Черта личности «доброжелательность» и ее аспекты (сочувствие, доверие и уважительность) коррелируют со стилями конфликтного взаимодействия. Так, аспект «сочувствие» положительно взаимосвязан со стилем сотрудничества ($r = 0,269$; $p < 0,01$). Черта «уважительность» отрицательно взаимосвязана со стилем соперничества ($r = -0,349$; $p < 0,001$) и положительно – со стилем сотрудничества ($r = 0,300$; $p < 0,01$). Аспект «доверие» отрицательно коррелирует со стратегией соперничества ($r = -0,235$; $p < 0,05$).

У двух аспектов черты «добросовестность» («ответственность» и «продуктивность») выявлены корреляты со стилями конфликтного поведения. Так, аспект «ответственность» положительно коррелирует со стратегией сотрудничества ($r = 0,392$; $p < 0,001$) и отрицательно – со стратегией уклонения ($r = -0,214$; $p < 0,05$). Аспект «продуктивность» также отрицательно взаимосвязан со стратегией уклонения ($r = -0,201$; $p < 0,05$) и положительно – со стилем сотрудничества ($r = 0,229$; $p < 0,05$).

В результате корреляционного анализа Спирмена было установлено, что гипотеза о существовании взаимосвязей черт личности и их аспектов со стилями поведения в конфликте получила частичную поддержку.

Это подтверждается тем, что значимые взаимосвязи были обнаружены не у всех показателей черт личности. Так, ни у шкалы «нейротизм», ни у ее аспектов (эмоциональная изменчивость, тревожность, депрессивность) не было установлено интеркорреляций с поведенческими стратегиями в конфликте.

В то же время черта личности «доброжелательность» и все ее аспекты (сочувствие, доверие и уважительность) коррелируют с тремя стилями конфликтного поведения (отрицательная взаимосвязь со стратегией соперничества, положительная корреляция со стилями сотрудничества и приспособления).

Полученные нами результаты согласовываются с характерологическими особенностями шкалы «доброжелательность» и подтверждаются другими исследователями [7]. Черта «добросовестность» взаимосвязана со стилем сотрудничества лишь одним аспектом («ответственность»). Черта «открытость опыту» также коррелирует со стилем «сотрудничество», ее аспект «эстетичность» положительно взаимосвязан со стилем сотрудничества и отрицательно – с компромиссом. Аспект экстраверсии «настойчивость» отрицательно коррелирует со стилем уклонения, и положительно – с соперничеством, что согласовывается с результатами исследования Д.Е. Беловой, Ю.В. Тесля [1].

Второй этап исследования был направлен на подтверждение гипотезы о существовании положительной корреляции черты «экстраверсия» с такими стилями поведения в конфликте, как компромисс и сотрудничество.

Обнаружено, что черта личности «экстраверсия» положительно коррелирует со стратегией поведения в конфликте «соперничество» ($r = 0,203$; $p < 0,05$). В то же время только у одного аспекта экстраверсии из трех обнаружена взаимосвязь: аспект «настойчивость» положительно коррелирует с таким стилем, как соперничество ($r = 0,299$; $p < 0,01$), а такие аспекты экстраверсии, как энергичность и общительность, не имеют значимых корреляций ни с одной из поведенческих стратегий в конфликте [4].

В ходе исследования было установлено, что экстраверты не склонны выбирать такой стиль поведения в конфликтной ситуации, как соперничество. Не было выявлено взаимосвязи экстраверсии со стратегиями компромисса и сотрудничества.

Таким образом, гипотеза о существовании взаимосвязи черты личности «экстраверсия» с такими стилями поведения в конфликте, как компромисс и сотрудничество, не подтвердила свою состоятельность.

Данное предположение было выдвинуто на основании эмпирической базы исследований М.С. Ионовой и Е.В. Пятаевой [4, 5]. Однако в результате корреляционного анализа нами были получены данные, частично согласовывающиеся с другими исследованиями [3, 7].

Третий этап исследования заключался в проверке состоятельности гипотезы о положительной взаимосвязи нейротизма (аспекта «негативная эмоциональность») с такими стилями поведения в конфликте, как избегание и соперничество.

Результаты корреляционного анализа Спирмена на третьем этапе исследования полностью исключили эмпирическое подтверждение состоятельности гипотезы о существовании положительной взаимосвязи нейротизма с такими стилями поведения в конфликте, как избегание и соперничество. Данное предположение было выдвинуто на основании анализа исследований Н.В. Вязовой, в котором характеристики нейротизма полностью оправдывали ожидаемые результаты [2].

В нашем исследовании нейротизм не коррелирует со стилями конфликтного поведения, что противоречит результатам исследований Д.Е. Беловой, Ю.В. Тесля, М.С. Овчаренко [1, 7] и может быть обусловлено возрастной и социально-психологической спецификой выборки, личностными и индивидуальными особенностями испытуемых.

Наше исследование выявило статистически значимые показатели по одной шкале из пяти черт личности («доброжелательность»), умеренную взаимосвязь по шкале «добросовестность» и две корреляции по шкалам «экстраверсия» и «открытость опыту». Были установлены значимые взаимосвязи у трех аспектов показателей черт личности (уклонение, уважительность, ответственность). Шкала нейротизма не показала значимых корреляций ни с одним из стилей поведения в конфликте.

Мы считаем, что черты личности «доброжелательность», «открытость опыту», «добросовестность» могут выполнять функции предикторов выбора стратегии поведения «сотрудничество», а экстраверсия – обуславливать выбор стиля, противоположный уклонению от конфликта, и соперничество (вероятность компромисса и сотрудничества).

В связи с полученными результатами были сделаны выводы о том, что только одна из выдвинутых нами гипотез получила частичное подтверждение о своей состоятельности, что говорит о необходимости дополнительных исследований.

Считаем целесообразным отметить, что на результаты исследования могла повлиять численность выборки и специфика опроса респондентов, осуществляемая в режиме онлайн. Для формулировки выводов, которые позволят судить о свойствах и качествах генеральной совокупности, необходимо провести дополнительные исследования.

Список литературы

1. Белова Д.Е., Тесля Ю.В. Диагностика зависимости стратегии поведения в конфликтных ситуациях от некоторых свойств темперамента у операторов справочных служб г. Екатеринбурга // Резервы психодиагностики в психологизации профессионального образования : материалы межвуз. студенч. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2007.
2. Вязова Н.В., Мелехова В.М., Смолярчук И.В. Особенности влияния характера на стратегии поведения субъекта конфликта // Гаудеамус : психол.-пед. журн. – 2019. – Т. 18, № 2 (40).
3. Дубровина С.В., Климонтова В.А., Чепурко Ю.В. Стратегия поведения в конфликтной ситуации при различной направленности личности (по параметру экстраверсия – интроверсия) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – Т. 5, № 4 (17).
4. Ионова М.С. Стиль поведения в конфликте старшеклассников – экстравертов и интровертов // Вестник педагогического опыта. – 2018. – № 41.
5. Ионова М.С., Пятаева Е.В. Стратегии поведения в конфликте студентов с экстравертным и интровертным типом личности // Огарёв – Online. – 2020.
6. Кардашина С.В., Шаньгина Н.В. Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. Томаса – Р. Килманна // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 11. – С. 216–228.
7. Овчаренко М.С. Взаимосвязь особенностей темперамента личности и типа конфликтного поведения // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 9 (66).
8. Kilmann R.H., Thomas K.W. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict-Handling Behaviour: The «MODE» Instrument // Educational and Psychological Measurement. – 1977. – Vol. 37, № 2. – P. 309–325.
9. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory–2: Evidence from the Russian version / S.A. Shchebetenko, A.Y. Kalugin, A.M. Mishkevich et al. // Assessment. – 2020. – Vol. 27, № 3. – P. 472–486. – DOI: 10.1177/1073191119860901

РАЗДЕЛ 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-115-128

Графова Ольга Олеговна

студентка VI курса специальности «Клиническая психология»

graffovaolgga@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский

университет, Пермь, Россия

614990, Пермь, Букирева, 15

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Olga O. Grafova

6th Year Student of the Specialty «Clinical Psychology»

graffovaolgga@mail.ru

Perm State National Research University

15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia

FEATURES OF SELF-REGULATION IN INDIVIDUALS WITH EATING DISORDERS

Аннотация. Раскрывается проблема особенностей управления собственными чувствами, мыслями, поведением, эмоциями и импульсами у лиц с нарушениями пищевого поведения. Осмысление механизмов саморегуляции, включая психические процессы, которые усиливают, ослабляют или удерживают интенсивность эмоциональных реакций, являются важным шагом на пути к изучению компонентов дистресса при нарушениях пищевого поведения. В исследовании приняли участие 64 человека, в том числе респонденты, имеющие клинические проявления расстройств пищевого поведения. Обнаружено, что неэффективная эмоциональная регуляция, низкий уровень самоуправления и контроля поведения в целом выступают личностными факторами, которые способствуют усилению выраженности симптоматики РПП. Продемонстрированы положительные связи между различными типами пищевого поведения

и трудностями с управлением своими эмоциональными реакциями, а также отрицательные связи между нарушениями пищевого поведения и формированием цикла самоуправления.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, саморегуляция, образ тела, эмоциональная дисрегуляция, самоуправление.

Abstract. The article is aimed the problem of the peculiarities of managing one's own feelings, thoughts, behavior, emotions and impulses in people with eating disorders. Understanding the mechanisms of self-regulation, including mental processes that enhance, weaken or maintain the intensity of emotional reactions is an important step towards studying the components of distress in eating disorders. The study involved 64 people, including respondents with clinical manifestations of eating disorders. It was found that ineffective emotional regulation, a low level of self-management and control of behavior in general act as personal factors that contribute to an increase in the severity of symptoms of RPP. The positive links between different types of eating behavior and difficulties with managing one's emotional reactions, as well as negative links between eating disorders and the formation of a self-management cycle, have been demonstrated.

Key words: eating disorders, self-regulation, body image, emotional dysregulation, self-management.

Введение

Последние десятилетия расстройства приема пищи все чаще становятся центром современных исследований, выступая в качестве первопричин, запускающих дисморфофобические искажения и коморбидные проявления расстройств. Нарушение пищевого поведения относится к сложным динамическим состояниям, которые возникают в результате сочетания длительных поведенческих, биологических, эмоциональных, психологических, межличностных и социальных факторов [16]. Их клинические проявления представляют собой континуум от ограничительных форм до нарушений, характеризующихся чувством утраты контроля в отношении количества и качества потребляемой пищи.

Отдельные работы показывают, что примерно 60 % девочек 7–12 лет хотят быть тоньше; аналогичным образом 62 % мальчиков выражали стремление к увеличению мышечной массы. Уже к 16 годам у 25 % подростков эта неудовлетворенность достигает клинических расстройств [14].

Безусловно, образ тела не статичен и может меняться изо дня в день, например, в результате взросления, поведенческого опыта и под влиянием культурных тенденций. В качестве основных психологических предикторов нарушений пищевого поведения выступают такие факторы, как неадаптивные

копинги, низкий эмоциональный интеллект, слабая рефлексия, внешние мотивационно-ценностные ориентации, малоэффективные когнитивные установки – конструкты, отражающие способность личности справляться с контролем деятельности, переживаниями, ответными реакциями и эффективно координировать в условиях стрессовых ситуаций. Таким образом, при исследовании психологических коррелятов нарушений пищевого поведения на первый план может выходить проблема саморегуляции, выступающая важным аспектом регуляции в виде связи субъективной реакции с настоящими результатами действия.

Расстройства пищевого поведения

В разные временные периоды общество устанавливает все новые искаженные понятия красоты человеческого тела. Осознанное или бессознательное побуждение к подчинению и соблюдению социально одобряемых моделей поведения способствует формированию «нормативных» переживаний неудовлетворенности собственным телом. В современном восприятии культурный идеал мужской эстетичности сосредоточен на силе и доминировании, в то время как женский – на худобе и уязвимости [15].

Трудности с достижением непосредственно культурных стандартов тела могут быть фактором риска целостного поведения функционирования человека, снижая контроль осуществления многих жизненных задач, таких как формирование значимых межличностных отношений и достижение успехов в поставленных целях. Исследователи Р. Калогеро, С. Тантлефф обнаружили, что 67 % женщин в возрасте от 15 до 64 лет отказываются от интересной и поддерживающей существование деятельности, потому что в конкретный момент времени они испытывают неприязнь к своему внешнему облику [11].

Формирование восприятия и установок, связанных со своим физическим ощущением, начинается преимущественно с изменений пропорций тела и развития вторичных половых признаков. Трансформация образа ребенка во взрослое женское/мужское тело доставляет множество новых телесных ощущений, что, в свою очередь, приводит к значительным изменениям репрезентации образа тела. Уже к 16 годам у 25 % подростков эта неудовлетворенность может достигнуть клинических расстройств [14]. Вследствие этого повышенное внимание к своей внешности и болезненное отношение к любому отклонению от «нормы» часто приводят к стойкому беспокойству, неуверенности в себе, непониманию собственных чувств и желаний, к проблемам с выстраиванием личных границ и в конечном счете к развитию пищевой зависимости.

Расстройство пищевого поведения (РПП) – это гетерогенная группа нарушений с индивидуальным сочетанием психических, соматических, социальных аспектов. Психопатология РПП представляет существенную угрозу как для физического здоровья, так и для психического функционирования. Пациен-

ты с РПП имеют одни из самых высоких показателей обращения за медицинской помощью, опыта стационарного лечения, госпитализации, а также суицидальных попыток и смертельных исходов [17].

Ю.И. Савчикова выделила три стратегии пищевого поведения: эмоциогенный, ограничительный и экстернальный. Данную модель активно используют и на сегодняшний день в качестве практической дифференциации. На основании исследования, проведенного среди студентов от 18 лет до 21 года, обнаружилось, что девушкам в большей степени свойственны эмоциогенно-ограничительный (88,2 %), ограничительный (80 %) и неустойчивый (75,6 %) типы пищевого поведения. Мужчинам – экстернальный (77,8 %) [2]. Если рассматривать наиболее распространенные формы РПП, то можно обнаружить, что у лиц, страдающих нервной анорексией (F50.0, ограничительный тип), пик проявления приходится на 15–35 лет, у лиц, страдающих нервной булимией (F50.2, эмоциогенный тип) – от 10 до 39 лет, компульсивное переедание (F50.8, эмоциогенный, экстернальный типы) же формируется чаще всего в период с 12 до 35 лет [10]. Данные указывают на то, что уже в младшем подростковом возрасте дети ориентируются на внешние требования среды, не осознавая индивидуальных физиологических факторов развития, стремясь к одобрению и принятию. Осмысление внешних и внутренних значимых условий достижения цели в контроле веса, формирование субъективных критериев оценки результатов своего поведения являются важнейшим компонентом дистресса при нарушениях пищевого поведения и вместе с тем выступают как целенаправленный и опосредованный процесс эффективного взаимодействия со средой.

Саморегуляция

Саморегуляция – это сознательный процесс, направленный на контроль собственной мотивационно-потребностной сферы и последующую оптимизацию деятельности. Благодаря этому человек может обучать и дисциплинировать себя, а это означает, что действия управляются его собственной волей.

В клинической психологии проблема саморегуляции получила наибольшее развитие в рамках психологии телесности. Она опирается на теоретические положения концепции культурно-исторического развития психики Л.С Выготского и некоторые идеи теории деятельности А.Н. Леонтьева [1, 3]. Согласно данному подходу, телесность человека представляет собой культурно детерминированное и развивающееся в онтогенезе явление, а ее развитие совпадает с основной линией изменения любой психической функции. Актуальные же исследования в области психологии саморегуляции основываются на предположениях о том, что индивидуальность человека определяет его способность к самоорганизации, а целостность регуляции существует на каждом этапе развития, начиная с ранних периодов жизни и заканчивая формированием зрелой

и сознательной системы. Ресурсная база, лежащая в основе контроля поведения, включает когнитивные, эмоциональные и волевые способности субъекта, которые, в свою очередь, запускают сугубо индивидуальные паттерны.

Одной из концепций, объясняющей механизмы индивидуальных различий в самоконтроле, выступает теория контроля действий Ю. Куля. Она описывает способность индивида инициировать и осуществлять запланированные действия, выделяя два аспекта: ориентацию на действие, связанную с принятием решений, и ориентацию на действие, связанную с неудачами. Люди с ориентацией на принятие решений демонстрируют высокую степень саморегуляции и целенаправленного усиления положительных эффектов, что позволяет им успешно инициировать деятельность. Она также включает в себя компоненты, способствующие снижению негативного аффекта, связанного с предыдущими неудачами. С другой стороны, индивиды с низкой ориентацией на действия, связанной с принятием решений, испытывают трудности в усилении положительного аффекта и легко отвлекаются на негативный опыт, что может привести к отсутствию целенаправленного поведения. Это различие между «ориентированными на действие» и «ориентированными на состояние» предоставляет понимание о динамике саморегуляции в условиях стресса и неудач [13].

Рефлексивным инструментом человека в организации пищевой деятельности выступает сознательная саморегуляция. Этот сложный процесс изменяет систему отношений человека к существующим ситуациям, к порядку и условиям питания, выбору продуктов, пищевым привычкам. Осмысление внешних и внутренних значимых условий достижения цели в контроле веса, формирование субъективных критериев оценки результатов своего поведения позволяют людям устанавливать когнитивные, адекватно осознаваемые ограничения в еде. Для людей с низким уровнем саморегуляции характерно снижение опосредствования побуждения к контролю веса, употреблению пищи, изменение иерархии мотивов, а впоследствии – минимизация возможностей по восстановлению здорового самоощущения.

Взаимосвязь нарушений пищевого поведения и саморегуляции

К.В. Терре и О.А. Сагалакова выявили, что характерной чертой людей, склонных к нарушениям пищевого поведения, является дисфункция саморегуляции. Заключается это в сниженной способности осознанно управлять своими эмоциями и действиями для достижения социально приемлемых целей личности, в том числе соблюдая контроль в удовлетворении мгновенных желаний и импульсов, тем самым учитывая долгосрочные последствия и соответствующие результаты [7].

Саморегуляцию довольно часто изучают в контексте навыков исполнительного функционирования, включая контроль внимания, когнитивное торможение, тормозной контроль, рабочую память и принятие решений в условиях риска. Навыки принятия решений представляют собой способность выбирать между двумя или более альтернативными вариантами для достижения наилучшего результата в кратчайшие сроки. Например, вероятность развития симптоматики РПП была выше у тех, кто демонстрировал более высокий уровень риска, и ниже у тех, кто лучше принимал решения [12]. Переходы между стадиями контроля связаны не только с изменением структурных функций механизма вознаграждения мозга, но и балансом между удовлетворением базовых требований на эмоциональном уровне и когнитивной саморегуляцией, которые способствуют обработке вознаграждения и тревоги, предрасполагая человека к чередованию схем питания: от периодов переизбытка до ограничений.

При рассмотрении наиболее распространенных нарушений можно отметить, что *анорексия* характеризуется сохранением аномально низкой массы тела, постоянной озабоченностью по поводу формы и веса, а также повторяющимися ритуализированными действиями по контролю за питанием. Такие лица демонстрируют устойчивые, перфекционистские и навязчивые черты темперамента, которые сохраняются после выздоровления. Эти характеристики наводят на мысль о чрезмерном саморегуляционном контроле. *Булимия* – это повторяющиеся эпизоды компульсивного переизбытка, за которыми следует самоиндуцированная рвота или средства компенсации, позволяющие избежать увеличения веса. Исследования зафиксировали повышенные показатели импульсивности в этой группе населения, что коррелирует с тяжестью симптоматики. Повторяющиеся эпизоды переизбытка и частота других импульсивных поступков указывают на дефицит саморегуляции. *Компульсивное переизбытие* же вовсе характеризуется потерей контроля, которая наблюдается во время бесконтрольных эпизодов переизбытка [18].

Цель настоящего исследования заключалась в изучении специфики саморегуляции у лиц с нарушениями пищевого поведения.

Была выдвинута следующая *гипотеза*:

Существуют различия в особенностях саморегуляции (контроле поведения, эмоциональной дисрегуляции, моделировании условий, способности к самоуправлению) у лиц при нарушениях пищевого поведения и у лиц, имеющих нормальное пищевое поведение.

Методология

В исследовании приняли участие 64 респондента, из них 18,75 % мужчин и 81,25 % женщин. Возрастной диапазон участников варьировался от 16 до 42 лет ($M = 24,8 \pm 9,6$). Сбор данных осуществлялся онлайн через различные со-

циальные сети. Изучались такие конструкты, как уровень наличия симптоматики расстройств пищевого поведения, ведущая форма пищевого поведения, три компонента контроля поведения (эмоциональный, когнитивный и волевой), низкоадаптивные формы эмоциональной регуляции (руминация, избегание, трудности ментализации), способности к самоуправлению (анализ противоречий, прогнозирование, целеполагание, планирование, принятие решений, критерии оценки, самоконтроль, коррекция). Были использованы психодиагностические методики: опросник пищевых предпочтений EAT-26 (Eating Attitudes Test, Д. Гарнер) в адаптации О.А. Скугаревского [9]; «Голландский опросник пищевого поведения» (Dutch Eating Behavior Questionnaire, DEBQ, Т. ван Стриен) [4]; опросник «Контроль поведения» (Е.А. Сергиенко) [8], опросник «Эмоциональная дисрегуляция» (Н.А. Польская, А.Ю. Разваляева) [6]; опросник «Способность к самоуправлению» (Н.М. Пейсахов) [5]. Все участники давали добровольное согласие на диагностику.

Статистическая обработка результатов проводилась в программе Jasp 0.17.2.1. Последовательность анализа эмпирических результатов включала первичную описательную статистику, сравнительный анализ по непараметрическому статистическому *U*-критерию Манна – Уитни, коэффициент корреляции рангов Спирмена для независимых групп (при контроле нормальности распределения), а также линейную регрессионную модель.

Результаты

По результатам описательной статистики и проверки на нормальность распределения с помощью критерия Шапиро – Уилка некоторые шкалы имеют ненормальное распределение ($p < 0,05$), а именно «Уровень РПП» ($p = 0,002$), «Прогнозирование» ($p = 0,038$), «Целеполагание» ($p = 0,031$), «Эмоциональный тип» ($p = 0,008$), «Когнитивный контроль» ($p = 0,003$), «Избегание» ($p = 0,005$), «Анализ противоречий» ($p = 0,010$), «Планирование» ($p = 0,011$), «Оценка качества» ($p = 0,002$), «Принятие решений» ($p = 0,002$), «Самоконтроль» ($p < 0,001$). Остальные же подчиняются закону нормального распределения.

Сравнение показателей по всем представленным методикам в группе лиц с РПП и лиц без РПП (табл. 1) показало, что у лиц с нарушениями пищевого поведения более выражены все компоненты эмоциональной дисрегуляции (руминация, избегание и трудности ментализации), а также показатели шкал ограничительного и эмоционального типов пищевого поведения, менее выражены такие характеристики способности к самоуправлению, как оценка качества и коррекция.

По опроснику EAT-26 было установлено, что в группе людей, имеющих высокие показатели степени выраженности симптоматики РПП, средние показатели по шкалам «Ограничительный тип» (U -критерий = 71,000, при

$p < 0,001$) и «Эмоциогенный тип» (U -критерий = 180,000, при $p < 0,001$) значительно выше, чем в группе людей с наименее выраженной или отсутствующей симптоматикой РПП. Это свидетельствует о наличии у них более явных самоограничений, трудностей, связанных с переживанием эмоций и бесконтрольными эпизодами переедания.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей лиц с нарушениями пищевого поведения и с нормальным пищевым поведением

Шкалы	Средний ранг		U -критерий	Уровень значимости (p)
	Лица с НПП	Лица без НПП		
Оценка степени выраженности симптоматики РПП	47	16	961,000	< 0,001
Ограничительный тип	45,95	21,82	71,000	< 0,001
Эмоциональный тип	40,5	24,61	180,000	< 0,001
Общий уровень контроля	23,9	33,12	512,000	0,052
Эмоциональный контроль	21,65	34,28	557,000	0,007
Волевой контроль	23,67	33,24	516,500	0,043
Руминация	40,07	24,83	188,500	0,001
Трудности ментализации	40,27	24,73	184,500	0,001
Избегание	39,72	25,01	195,500	0,002
Общий уровень самоуправления	21,4	34,41	562,000	0,006
Анализ противоречий	23,32	33,42	523,500	0,027
Оценка качества	21,95	34,12	551,000	0,008
Принятие решений	23,17	33,5	526,000	0,027
Коррекция	24,2	32,97	506,000	0,058

Рассматривая показатели самоконтроля у респондентов с нарушениями пищевого поведения, можно отметить, что «Общий уровень контроля» (U критерий = 512,000, при $p = 0,052$) также отличается по средним показателям, как и входящие в него подсистемы в виде «Эмоционального контроля» (U критерий = 557,000, при $p = 0,007$) и «Волевого контроля» (U -критерий =

516,500, при $p = 0,043$). Соответственно, люди, использующие дезадаптивные схемы пищевого поведения, способны хуже регулировать свои состояния, справляться со стрессом и переключаться с эмоциональных побуждений к их когнитивной переработке.

По опроснику эмоциональной дисрегуляции были получены значимые различия двух групп по всем соответствующим шкалам. У лиц с нарушениями пищевого поведения значимо выражены показатели «Руминация» (U -критерий = 188,500, при $p = 0,001$), «Трудности ментализации» (U -критерий = 184,500, при $p = 0,001$) и «Избегание» (U -критерий = 195,500, при $p = 0,002$), что может говорить о репрессивной системе контроля над эмоциями, направленной на минимизацию негативных последствий когнитивного искажения с помощью игнорирования, подавления или уклонения.

Компоненты самоуправления в группе людей с нарушениями пищевого поведения показали меньшую дифференциацию по сравнению с группой людей без нарушений пищевого поведения. Среди участников, которые демонстрируют те или иные нарушения в приемах пищи, шкалы «Оценка качества» (U -критерий = 551,000, при $p = 0,008$), «Принятие решений» (U -критерий = 526,000, при $p = 0,027$), «Коррекция» (U -критерий = 506,000, при $p = 0,058$) находятся ниже среднего нормативного уровня. Можно сказать, что люди с нарушениями пищевого поведения испытывают трудности с управлением формами своей активности, включая ориентировку в ситуации, разработанную систему оценивания, переход от плана к действиям и, как завершение, рефлексии с последующей коррекцией поведения для получения желаемого.

Значимых различий не выявилось по шкалам «Экстернальный тип» (U критерий = 302,000, при $p = 0,163$), «Когнитивный контроль» (U -критерий = 395,500, при $p = 0,936$) и в характеристиках самоуправления: «Прогнозирование» (U -критерий = 461,500, при $p = 0,007$), «Целеполагание» (U -критерий = 439,500, при $p = 0,421$), «Планирование» (U -критерий = 472,000, при $p = 0,179$), «Самоконтроль» (U -критерий = 497,500, при $p = 0,080$). Это может свидетельствовать о развивающейся общественной тенденции, где многие люди, имея свободный доступ к разнообразной еде, используют ее в качестве средства коммуникации, поощрения, снятия напряжения. Такой наградой может выступать вкусная еда, которую человек не позволяет себе на ежедневной основе. Также обе группы примерно в одинаковой мере способны предсказывать события и перерабатывать информацию для действий в будущем.

В ходе корреляционного анализа (табл. 2) была обнаружена положительная взаимосвязь между уровнем нарушений пищевого поведения и компонентами эмоциональной регуляции: «Руминация» ($\rho = 0,566$, при $p < 0,001$), «Ментализация» ($\rho = 0,523$, при $p < 0,001$), «Избегание» ($\rho = 0,463$, при $p < 0,001$), так и отрицательная с «Общим уровнем контроля» ($\rho = -0,350$, при

$p = 0,007$), «Оценкой качества» ($\rho = -0,424$, при $p < 0,001$), «Принятием решений» ($\rho = 0,461$, при $p < 0,001$) и «Самоконтролем» ($\rho = -0,275$, при $p = 0,035$). Полученные данные свидетельствуют о том, что люди, у которых наблюдаются деструктивные пищевые практики, склонны использовать низкоадаптивные формы эмоциональной регуляции. Эмоциональная сфера становится наиболее уязвимой и включает в себя худшую модуляцию эмоций, их идентификацию, оценку и выражение. Общий же уровень контроля, который лежит в основе саморегуляции, уменьшается с нарастанием симптоматики РПП. Следовательно, тормозной контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий выступают ослаблением восприятия своего тела, способствуют негативному отношению к нему. Это, в свою очередь, запускает механизм, в котором эмоциональная оценка преобладает над рациональным анализом.

Таблица 2

Коэффициенты корреляций разных типов пищевого поведения и компонентов контроля

Шкалы нарушений пищевого поведения	Уровень контроля	Когнитивный контроль	Эмоциональный контроль	Волевой контроль
Уровень нарушений пищевого поведения	-0,350**	-0,111	-0,440***	-0,322*
Ограничительный тип	-0,333**	-0,083	-0,398**	-0,338**
Эмоциогенный тип	-0,367**	-0,153	-0,187	-0,478**
Экстернальный тип	-0,065	0,156	-0,015	0,213

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Шкала «Ограничительный тип» отрицательно коррелирует со шкалами «Эмоциональный контроль» ($\rho = -0,398$, при $p = 0,002$), «Анализ противоречий» ($\rho = -0,278$, при $p = 0,033$) и «Оценка качества» ($\rho = -0,353$, при $p < 0,006$). Исходя из полученных корреляций можно охарактеризовать отличительные черты, свойственные людям, которые практикуют преднамеренный или интенсивный контроль питания. Для таких индивидов пищевое поведение служит механизмом регулирования эмоций, средством решения многих субъективных проблем. Подобные эпизоды могут быть связаны непосредственно с чувством вины и низкой самооценкой, что подталкивает человека к выстраиванию диеты, которая провоцирует приступы срывов и переедания.

Шкала «Экстернальный тип» отрицательно коррелирует с шкалой «Коррекция» ($\rho = -0,325$, при $p = 0,012$). Повышенная реакция на внешние стимулы в отношении еды способствует меньшей рефлексии, соответственно, люди, которые практикуют данный тип пищевого поведения, склонны меньше пред-

принимать какие-либо реальные действия для изменения ситуации. Это завершающий этап в цикле самоуправления, который не позволит развить оптимальную саморегуляцию.

Шкалы «Ограничительный тип» и «Эмоциональный тип» связывают отрицательные корреляции со шкалами «Общий уровень контроля», «Волевой контроль», «Принятие решений» и положительные со шкалой «Трудности ментализации». Люди, у которых выявляются высокие показатели соответствующих типов пищевого поведения, демонстрируют определенные особенности в регуляторно-личностных свойствах. Например, они склонны полагаться на внешние воздействия, чужое мнение и помощь окружающих, а также испытывают затруднения в принятии решений и осуществлении самостоятельных действий. Здесь также можно говорить об экстермальном локусе контроля и подчинении влиянию других.

Таблица 3

Коэффициенты корреляций разных типов пищевого поведения и компонентов саморегуляции

Шкалы нарушений пищевого поведения	Руминация	Ментализация	Избегание	Самоуправление	Противоречия	Прогнозирование	Целеполагание	Планирование	Оценка качества	Принятие решений	Самоконтроль	Коррекция
Уровень нарушений пищевого поведения	0,566 ***	0,532 ***	0,463 ***	-0,434 ***	-0,236	-0,222	-0,187	-0,172	-0,424 ***	-0,461 ***	-0,275 *	-0,218
Ограничит. тип	0,445 ***	0,525 ***	0,365 **	-0,403 **	-0,278 *	-0,320 *	-0,067	-0,180	-0,353 **	-0,307 *	-0,294 *	-0,227
Эмоциоген. тип	0,470 ***	0,381 **	0,387 **	-0,189	-0,111	0,043	0,125	-0,039	-0,098	-0,263 *	-0,294 *	-0,255
Экстернальн. тип	0,317 *	0,254	0,284 *	-0,296 *	-0,241	0,080	-0,068	-0,123	-0,122	-0,206	-0,365 **	-0,325 *

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Полученные результаты позволяют предполагать, что такие компоненты регуляции, как когнитивный контроль, волевой контроль, и такие компоненты самоуправления, как оценка качества, принятие решений, являются факторами, которые могут предсказывать наличие высокого уровня симптоматики расстройств пищевого поведения.

В регрессионном анализе были построены две линейные модели, где в качестве зависимой переменной выступал общий уровень нарушений пищевого поведения, независимых – эмоциональный и волевой контроль в первом варианте и зависимой переменной в виде общего уровня нарушений пищевого поведения и независимых элементов цикла самоуправления – оценка качества и принятие решений – во втором.

В первом варианте анализа получилась статистически значимая модель ($F = 8,105$; $p < 0,001$), объясняющая взаимосвязь между подсистемами регуляции и деструктивными пищевыми практиками. Вариативность общего показателя психогенно обусловленных поведенческих синдромов, связанных с нарушениями в приеме пищи, составляет 22,4 %. Исходя из полученной модели можно предположить, что типы пищевого поведения предсказываются следующими показателями: когнитивный контроль и волевой контроль как генетико-средовые факторы, ресурсы и способности индивида. В сложных повседневных условиях убеждения о природе силы воли, по-видимому, оказывают существенное влияние на способность к саморегуляции. Это демонстрирует важность усиления позитивного аффекта, связанного со здоровьем и поддержанием целенаправленного поведения.

Во втором варианте уровень нарушений пищевого поведения и элементы цикла самоуправления (оценка качества, принятие решений) внесли примерно одинаковый вклад в дисперсию общего показателя. Регрессионная модель также оказалась значимой ($F = 7,848$; $p < 0,001$) и составила 21,9 %. Исходя из полученных данных можно предположить, что остальные звенья в виде анализа противоречий, навыков прогнозирования, целеполагания, планирования и самоконтроля могут также иметь предсказательный характер при охвате большего количества людей.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что люди с нарушениями пищевого поведения склонны в большей мере использовать дезадаптивные схемы эмоциональной регуляции, что снижает эффективность адаптации под внешние воздействия, способствует искажению восприятия и ограничивает действия, направленные на усиление положительных эффектов самовосприятия.

Показатели общего уровня контроля поведения ниже в группе людей с нарушениями пищевого поведения, что подтверждает нашу гипотезу о существующих различиях. Людям, которые используют еду в качестве механизма удовлетворения тех или иных потребностей, труднее удается контролировать умеренность мгновенных желаний, преодолевать нарастающие трудности

и негативные убеждения, анализировать последствия, а также ориентироваться на внутренние ценности и в соответствии с ними формировать стратегии для достижения цели.

В результате корреляционного анализа была выявлена взаимосвязь между выраженностью симптоматики нарушений пищевого поведения, саморегуляцией и низкоадаптивными формами эмоционального контроля. Нарушения эмоциональной регуляции связаны с чрезмерной неустойчивостью или ригидностью эмоций, их слабой дифференцированностью, что выражается прежде всего в неспособности идентифицировать и управлять ими. В этой системе часто могут не замечаться собственные ошибки, отчего снижается критичность к совершенным действиям. Повышенная реакция на внешние стимулы в отношении еды способствует меньшей рефлексии, людям с нарушениями питания свойственно предпринимать намного меньше реальных действий для изменения ситуации, используя закрепившиеся схемы реагирования для удержания в условных рамках свое психоэмоциональное напряжение.

При изучении вклада отдельных компонентов саморегуляции удалось обнаружить значимые вклады в дисперсию нарушений пищевого поведения таких показателей, как низкий когнитивный контроль, низкий волевой контроль, несформированная оценка качества, низкое принятие решений. Волевой контроль вносит самый большой самостоятельный вклад и в наибольшей степени определяет дисперсию общего показателя нарушений пищевого поведения, что еще раз подтверждает необходимость создания сознательной основы для выстраивания грамотного контроля питания.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. – [Б. м.], 1984.
2. Леонова Е.Н. Социально-психологические типы пищевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – № 2.
3. Леонтьев А.Н. Биологическое и социальное в психике человека // Вопросы психологии. – 1960. – № 6.
4. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения. – М. : Эксмо, 2007.
5. Пейсхов Н.М., Габдреева Г.Ш. Методические указания к лабораторным занятиям по психологии. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988.
6. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т. 25, № 4. – С. 71–93.
7. Сагалакова О.А. Особенности произвольной саморегуляции при склонности к расстройствам пищевого поведения // NovaInfo. – 2015. – № 34.

8. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ветрова И.И. Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. – 2023. – № 1. – С. 182–200.
9. Скугаревский О.А. Нарушения пищевого поведения : моногр. – М. ; Минск : БГМУ, 2007. – 340 с.
10. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders / American Psychiatric Association. – 5th ed. – 2013.
11. Calogero R.M., Tantleff-Dunn S., Thompson J.K. Future directions for reserch and practice // Self-objectification in women: Causes, consequences, and counteractions. – 2011. – P. 217–237.
12. Fredrickson B.L., Roberts T.A. Objectification theory: Toward understanding women's lived experiences and mental health risks // Psychology of Women Quarterly. – 1997. – Vol. 21 (2). – P. 173–206.
13. Kuhl J. A Theory of Self-regulation: Action versus State Orientation, Self-discrimination, and Some Applications // Applied Psychology. – 1992. – P. 97–129.
14. Mirucka B., Kisielewska M. The Relationship Between State Self-Objectification and Body Image in Mid-Adolescence: A Mediative Role of Self-Esteem. – 2021.
15. Moradi B. Addressing gender and cultural diversity in body image: Objectification theory as a framework for integrating theories and grounding research // Sex Roles. – 2010. – Vol. 63. – P. 138–148.
16. National Eating Disorders Association. – [S. 1.], 2012.
17. Polivy J., Herman C.P. Causes of eating disorders. – [S. 1.], 2002.
18. Smith D.G., Robbins T.W. The neurobiological underpinnings of obesity and binge eating: a rationale for adopting the food addiction model // Biological psychiatry. – 2013. – Vol. 73 (9). – P. 804–810.

УДК 159.99

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-129-140

Продовикова Анастасия Геннадьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и клинической психологии

*arilama@yandex.ru***Галиуллина Алина Рустамовна**

студентка VI курса специальности «Клиническая психология»

psy_svet@inbox.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И РОДИТЕЛЬСКОЕ
ОТНОШЕНИЕ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ****Anastasia G. Prodovikova**

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of General and Clinical Psychology

*arilama@yandex.ru***Alina R. Galiullina**

6th Year Student of the Specialty "Clinical psychology"

psy_svet@inbox.ru

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

**EMOTIONAL BURNOUT AND PARENTING ATTITUDES
OF MOTHERS OF CHILDREN WITH AUTISM**

Аннотация. Рассматривается проблема эмоционального выгорания и родительского отношения матерей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Представлены результаты эмпирического исследования. Обнаружено, что у матерей детей с аутизмом редукция родительских достижений и эмоциональное истощение превышают норму. Выявлены значимые различия по пока-

зателям редукции родительских достижений, эмоционального истощения, принятия – отвержения, нозогнозии, интернальности между группами матерей, воспитывающих детей с РАС, и матерей, воспитывающих нормотипичных детей. Обнаружена положительная взаимосвязь между принятием – отвержением и редукцией родительских достижений, а также отрицательные взаимосвязи между принятием – отвержением, с одной стороны, и эмоциональным истощением и деперсонализацией, с другой.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, родительское отношение, расстройства аутистического спектра (РАС), эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений, отношение к болезни.

Abstract. The problem of emotional burnout and parenting attitudes of children' with autism spectrum disorder (ASD) mothers is considered. The results of an empirical study are presented. It was found that mothers of children with autism experiencing the reduction of parental achievements and emotional exhaustion more than the normal level. Significant differences in indicators of reduction of parental achievements, emotional exhaustion, acceptance – rejection, nosognosia, internality between groups of mothers raising children with ASD and mothers raising normotypic children were revealed. A positive correlation was found between acceptance – rejection and reduction of parental achievements, as well as negative correlation between acceptance – rejection, on the one hand, and emotional exhaustion, and depersonalization, on the other.

Key words: emotional burnout, parenting attitudes, autism spectrum disorders (ASDs), emotional exhaustion, depersonalization, reduction of parental achievements, attitude to the disease.

В последнее десятилетие растет внимание к проблеме эмоционального выгорания и родительского отношения у родителей, которые воспитывают детей с расстройствами аутистического спектра. Согласно данным ВОЗ, «детский аутизм диагностируется ежедневно каждые 20 минут, а ежегодно число детей с аутизмом увеличивается на 13 %». Причем заболевание встречается у мальчиков в пять раз чаще, чем у девочек [1].

Описанные статистические данные не только подчеркивают важность данной проблемы, но и выделяют группу людей, наиболее тесно связанных с этим явлением – матерей детей с аутизмом. На фоне хронического стресса, переживаемого матерями, они испытывают более интенсивные эмоциональные переживания, чем матери детей, имеющих интеллектуальные, поведенческие и генетические нарушения (ЗПР, умственная отсталость, СДВГ, синдром Дауна) [11]. Матери детей с аутизмом могут испытывать чувства злости, вины, неудовлетворенности собой, отчаяния и беспомощности [11]. Под родительским вы-

горанием мы понимаем специфический синдром, развивающийся под воздействием хронического стресса, связанного с деятельностью по уходу и воспитанию детей.

Наряду с эмоциональным компонентом, различия проявляются и на поведенческом уровне. Е.Н. Горина, Е.С. Гринина, Т.Ф. Рудзинская пишут о том, что «материнское отношение сочетает в себе эмоциональное принятие и одновременно отвержение ребенка, повышенную фиксацию на нем, проявляющуюся в симбиотических отношениях, и стремление избегать конфликтов в процессе общения» [6, с. 5]. Такие особенности родительского отношения в сочетании с высокой степенью эмоционального напряжения усугубляют имеющиеся симптомы аутизма и затрудняют становление личности ребенка с РАС. Эмоциональное выгорание как следствие постоянного стресса и нагрузки и негативное отношение к детям могут стать значимыми факторами, влияющими на способность матерей эффективно поддерживать своих детей и взаимодействовать с ними, участвовать в программах реабилитации. Поэтому представляется актуальным исследование особенностей эмоционального выгорания и родительского отношения у матерей, воспитывающих ребенка с РАС.

Роль родительских отношений в развитии личности детей с аутизмом

Появление ребенка с расстройствами аутистического спектра ставит перед семьей множество задач: сотрудничество со специалистами, умение понять потребности ребенка, переосмысление семейных ролей, организация семейного досуга и т.д. Эти трудности требуют адаптации и долговременной поддержки как со стороны родителей, так и других членов семьи.

По мнению А.Я. Варги, родительские отношения – это система разнообразных чувств к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимание характера и личности ребенка, его поступков [2].

Именно в семье при взаимодействии с родителями ребенок впервые овладевает правилами и нормами общения, что способствует адаптации в широкой социальной среде. В дальнейшем стили воспитания, мировоззрение и идеалы выступают для ребенка теми ориентирами, которые формируют его будущие стремления и ценности. Они зачастую остаются основой для моделей поведения взрослого человека [3].

Для поддержания искренних отношений с ребенком оптимальным является преобладание сотрудничества, которое подразумевает принятие ребенка и его диагноза, а также стремление к кооперации. Это будет способствовать максимальной социальной адаптации [9]. Родительское отношение также может оказывать влияние на родительский стиль: если родители испытывают вы-

сокую степень эмоциональной связи с ребенком, они могут выбрать более адаптивные стили общения и воспитания, которые учитывают потребности «особенного» ребенка.

Оптимальная родительская позиция должна отвечать трем главным условиям: адекватности, гибкости, прогностичности [8]. На наш взгляд, родительская позиция определяет родительское отношение. Родитель, который понимает потребности ребенка и воспринимает его как самостоятельную личность, способен выстраивать более позитивные отношения, основанные на заботе и поддержке.

Матери, воспитывающих детей с аутизмом, часто испытывают трудности в принятии диагноза. Проявления болезни они нередко преуменьшают, объясняя нарушения поведения и отставание в развитии особенностями характера ребенка, а также индивидуальными особенностями. Это выражается в гипнозогнозическом отношении к болезни, т.е. недооценке отдельных симптомов или всего заболевания. О.И. Богачева, М.В. Иванов, Н.В. Симашкова в своем исследовании выявили, что данный тип отношения к болезни преобладает среди родителей детей с РАС и составляет 48,9 % [13].

Эмоциональное выгорание матерей детей с аутизмом

А.Н. Кузьмина и К.О. Кривошей отмечали, что «родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определяется особенностями эмоциональных отношений с ребенком» [10, с. 152]. Причем родительское выгорание относится и к отцу, и к матери: И.Н. Ефимова описывала синдром родительского выгорания как «многомерный конструкт, включающий в себя набор негативных психологических переживаний и дезадаптивного поведения матери и отца, связанных с детско-родительским взаимодействием при выполнении родителями деятельности по заботе о детях, их воспитанию и развитию» [7, с. 32]. В нашем исследовании делается акцент на эмоциональном выгорании матерей, в которое входит несколько симптомов, таких как эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция родительских достижений. Эмоциональное истощение – это состояние крайней усталости, когда мать чувствует, что ее эмоциональные ресурсы истощены. Она не способна продолжать заботу о ребенке с той же эмоциональной отдачей, как прежде. Особенно, когда ребенок имеет диагноз, мать может испытывать усталость постоянно, ощущать, что она «выжата». Деперсонализация – это отчуждение или отстраненность от своей роли матери. Может проявляться чувство безразличия к ребенку, снижение привязанности и даже раздражение по отношению к его потребностям. Редукция родительских достижений –

это снижение чувства удовлетворенности и самооценки в своей родительской роли. Это приводит к чувству некомпетентности и разочарованию в себе как в родителе.

Значимость работы с матерями детей с РАС подтверждается исследованием Г.И. Одиновой, в котором обнаружена отрицательная корреляция ($p < 0,01$) между эмоциональным истощением и принятием ребенка. Это говорит о том, что чем выше уровень принятия родителем своего ребенка, тем меньше у него эмоциональное истощение. Подобные результаты выявлены и при анализе взаимосвязи между редукцией родительских достижений и принятием ($p < 0,01$): чем больше матери принимают ребенка, тем меньше склонны обесценивать свои успехи в воспитании. Кроме того, корреляционный анализ показал положительную связь ($p < 0,05$) между редукцией родительских достижений и инфантилизацией. Это значит, что матери, которые верят в способности ребенка и дают им больше самостоятельности, реже обесценивают свои усилия как воспитателя [12].

Однако, несмотря на положительное влияние принятия ребенка, исследование А.С. Кузьминой и К.О. Кривошей выявило, что эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений у женщин, воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста с аутизмом, сохраняют средний уровень выраженности, причем возраст ребенка не определяет выраженности симптомов родительского выгорания [10]. Одним из факторов, способствующих родительскому выгоранию, может быть подавление агрессивных проявлений у ребенка. Как отмечают Е.А. Брагина, Л.А. Белозерова, М.В. Прокофьева, у матерей детей с РАС обнаруживается взаимосвязь симбиотического отношения к ребенку с авторитарной гиперсоциализацией [5]. Эти установки, обусловленные неудовлетворенностью семейными отношениями и субъективным пониманием того, что полезно ребенку, становятся для матерей способом обеспечить безопасность ребенка и его развития, но они также могут способствовать усилению эмоциональной нагрузки и, как следствие, выгоранию [5].

Целью данного исследования является изучение эмоционального выгорания и родительского отношения у матерей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра (РАС).

В исследовании мы будем проверять следующие *гипотезы*:

1. Уровень эмоционального истощения, деперсонализации и редукции родительских достижений будет более выражен в группе матерей детей с РАС, чем в группе матерей здоровых (А.С. Кузьмина, К.О. Кривошей, 2024) [10].

2. Матери, воспитывающие детей с РАС, будут иметь более высокий уровень по шкале «Тревога», чем матери детей с нормой развития (О.И. Богачева, М.В. Иванов, Н.В. Симашкова, 2023) [4].

3. У матерей, воспитывающих детей с РАС, будет положительная взаимосвязь между редукцией родительских достижений и родительским отношением «маленький неудачник» (Г.И. Одинова, 2019) [12].

4. У матерей, воспитывающих детей с РАС, будет положительная взаимосвязь между показателями «Симбиоз», «Авторитарная гиперсоциализация» и показателем «Общая напряженность» (Е.А. Брагина, Л.А. Белозерова, М.В. Прокофьева, 2021) [5].

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 2 группы матерей в возрасте от 20 до 47 лет. В основную группу вошли матери детей с расстройствами аутистического спектра ($n = 30$), имеющих диагнозы: ранний детский аутизм, синдром Аспергера, атипичный аутизм, аутизм в сочетании с задержкой психического развития, синдромом дефицита внимания и гиперактивности, умственной отсталостью. Возраст матерей в этой группе варьировался от 26 до 47 лет (средний возраст – $35 \pm 4,91$), причем у детей средний возраст составил $6 \pm 2,45$. В контрольную группу вошли матери детей с нормотипичным развитием ($n = 30$). Возраст испытуемых находился в диапазоне от 20 до 47 лет (средний возраст – $37 \pm 6,99$), а у детей средний возраст составил $6 \pm 2,48$. Исследование проводилось в дистанционном формате с использованием электронных бланков (onlinetestpad). Для проведения исследования использовались группы в социальной сети «ВКонтакте»: «Аутизм и РАС © Autosanimus», «Аутизм», «АУТИЗМ И РАС| БЛОГ, ПОДДЕРЖКА, ОБЩЕНИЕ».

Для сбора эмпирических данных нами были выбраны следующие методики: опросник «Родительское выгорание» Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (в адаптации И.Н. Ефимовой, 2013), опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варги, В.В. Столина (1998), опросник «Диагностика отношения к болезни ребенка» (ДОБР) В.Е. Кагана, И.П. Журавлевой (1991).

Анализ данных проводился с помощью программы JASP 0.19.0. В качестве методов математической статистики и обработки полученных результатов использовались: описательные статистики, критерий Шапиро – Уилка для оценки характера распределения данных, U -критерий Манна – Уитни для независимых выборок, корреляционный анализ Спирмена.

Результаты и их обсуждение

По методике «Родительское выгорание» у матерей, воспитывающих детей с РАС, средние значения по шкалам «Редукция родительских достижений» ($m = 30,7$), «Эмоциональное истощение» ($m = 27,1$) находятся выше границы нормы. Данные по шкале «Деперсонализация» ($m = 7,43$) находятся в пределах нормы. Так, матери, имеющие детей с аутизмом, могут ощущать фрустрацию из-за дополнительных трудностей в воспитании и обучении своих детей, нега-

тивно воспринимать выполнение родительских обязанностей, обесценивать достигнутые результаты ребенка. При этом матери сохраняют привязанность к своим детям.

По опроснику «Родительское отношение» были выявлены такие средние значения по шкалам: «Кооперация» ($m = 7$) – высокий уровень; «Симбиоз» ($m = 4$) – ниже нормативного уровня; «Авторитарная гиперсоциализация» ($m = 3,1$) – ниже нормативного уровня; «Маленький неудачник» ($m = 3,23$) – ниже среднего уровня; «Принятие – отвержение» ($m = 21,13$) – средний уровень. Матери детей с РАС на высоком уровне стремятся участвовать в совместных действиях с ребенком. Вместе с тем они не полностью зависят от своих детей, не фокусируются исключительно на их потребностях. Также матери не склонны навязывать детям строгое подчинение и высокие ожидания. По уровню принятия значения ближе к высоким, поэтому можно утверждать, что матери имеют положительные отношения к детям, они одобряют интересы, поддерживают увлечения, в том числе стереотипные действия и проявления.

С помощью методики «Диагностика отношения к болезни ребенка» было установлено, что по шкалам «Нозогнозия» ($m = -1,8$), «Контроль активности» ($m = -8,53$), «Общая напряженность» ($m = -1,058$) средние значения ниже границы нормы. Для матерей, имеющих детей с РАС, наиболее характерно преуменьшать тяжесть болезни ребенка. Это может быть следствием работы защитных механизмов. Низкие значения по контролю активности предполагают, что матери чувствуют себя малоспособными повлиять на состояние детей. Кроме того, общий уровень стресса может свидетельствовать о высоком уровне эмоционального напряжения. Матери могут испытывать постоянное беспокойство о будущем своих детей, что может негативно влиять на их собственное психоэмоциональное состояние.

Сравнительный анализ с помощью U -критерия Манна – Уитни позволил выявить, что в группах матерей детей с аутизмом и матерей детей с нормотипичным развитием существуют значимые различия.

По методике «Родительское выгорание» обнаружены статистические различия по двум из трех шкал (табл. 1): «Редукция родительских достижений» ($U = 225,00$, при $p < 0,001$), «Эмоциональное истощение» ($U = 765,50$, при $p < 0,001$). Соответственно, у матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, выражено эмоциональное перенапряжение, наблюдается утрата интереса к детям и к окружающему в целом. Такое истощение эмоциональных ресурсов может сопровождаться симптомами депрессии, вспышками гнева, эмоциональными срывами. По шкале «Редукция родительских достиже-

ний» отмечаются также высокие показатели, что может свидетельствовать о том, что матери «особенных» детей могут быть недовольны собой, считать себя «плохой матерью».

По опроснику «Родительское отношение» выявлено значимое различие всего по одной шкале – «Принятие – отвержение» (см. табл. 1) ($U = 145,00$, при $p < 0,001$). Матери детей с аутизмом в меньшей степени принимают своего ребенка, чем матери здоровых детей. У матерей могут проявляться негативные чувства к своему ребенку, такие как злость, досада, ненависть. Матери, не принимающие своего ребенка, возможно, ощущают страх перед будущим и неуверенность в том, как ребенок сможет адаптироваться к обществу.

Таблица 1

Значимые различия по показателям методик «Родительское выгорание» и «Опросник родительского отношения» у двух выборок с применением U -критерия Манна – Уитни

Шкалы	Средний ранг		U -критерий	Уровень значимости (p)
	Группа матерей, воспитывающих детей с РАС	Группа матерей, воспитывающих детей с нормой развития		
Редукция родительских достижений	30,7	36,33	225,000	< 0,001
Эмоциональное истощение	27,1	15,36	765,500	< 0,001
Принятие – отвержение	21,13	25,66	145,000	< 0,001

Значимые различия присутствуют и по шкалам опросника ДОБР: «Интернальность» ($U = 661,50$, при $p = 0.002$), «Контроль активности» ($U = 289,00$, при $p = 0,018$), «Нозогнозия» ($U = 699,00$, при $p < 0,001$) (табл. 2). Женщины, воспитывающие детей с аутизмом, характеризуются более высокими показателями по шкале «Интернальность», чем матери здоровых детей. Они в меньшей степени ощущают способность контролировать здоровье ребенка и менее уверены в том, что их действия могут изменить состояние или развитие ребенка. Это чувство беспомощности может усугублять симптомы хронического стресса, а также снижать активность матерей в поисках необходимой помощи по уходу за ребенком. При этом у них адекватный уровень нозогнозии, они полностью осознают тяжесть болезни детей, в то время как матери здоровых детей склонны преуменьшать значимость болезней, таких как ОРВИ, грипп и т.д.

**Значимые различия по данным опросника ДОБР
у двух выборок с применением *U*-критерия Манна – Уитни**

Шкалы	Средний ранг		<i>U</i> -критерий	Уровень значимости (<i>p</i>)
	Группа матерей, воспитывающих детей с РАС	Группа матерей, воспитывающих детей с нормой развития		
Интернальность	5,4	0,96	661,500	0,002
Тревога	0,7	-2,93	559,000	0,108
Нозогнозия	-1,8	-7,5	699,000	< 0,001
Контроль активности	-8,53	-3,66	289,000	0,018
Общая напряженность	-1,05	-3,28	580,500	0,054

Корреляционный анализ в группе матерей, воспитывающих детей с РАС, показал наличие взаимосвязей между шкалами опросников «Родительское выгорание», «Опросник родительского отношения» и «Диагностика отношения к болезни ребенка» (рисунок).

Рис. Корреляционная плеяда показателей компонентов родительского отношения, эмоционального выгорания и восприятия болезни у ребенка:

«- - -» отрицательные связи; «—» положительные связи

Обратные взаимосвязи при уровне значимости $p \leq 0,001$ выявлены между шкалой «Принятие – отвержение» опросника родительского отношения и шкалой «Эмоциональное истощение» ($r = -0,756$) опросника «Родительское выгорание». Чем выше уровень принятия матерями своего ребенка, тем ниже уровень их эмоционального истощения. И наоборот, чем меньше матери принимают своего ребенка, тем сильнее они испытывают эмоциональное истощение.

Прямые взаимосвязи при уровне значимости $p \leq 0,01$ обнаружены между шкалой «Симбиоз» и шкалой «Тревога» ($r = 0,477$). Матерям, склонным к ощущениям единства себя и ребенка, присущ более высокий уровень тревоги.

Между шкалой «Общая напряженность» и шкалой «Маленький неудачник» опросника родительского отношения выявлена положительная корреляция ($r = 0,529$). Таким образом, матери с выраженной общей напряженностью в большей степени считают детей неуспешными и неумелыми.

Обратная корреляция при уровне значимости $p \leq 0,01$ обнаружена между шкалой «Деперсонализация» и шкалой «Принятие – отвержение» ($r = -0,530$). Отчужденность к детям у матерей связана с низким уровнем принятия ребенка таким, какой он есть, с его особенностями.

Прямые корреляции при уровне значимости $p \leq 0,05$ выявлены между шкалой «Принятие – отвержение» опросника родительского отношения и шкалой «Редукция родительских достижений» ($r = 0,454$). Следовательно, чем сильнее взрослый, воспитывающий ребенка с РАС, признает его индивидуальные особенности и положительно к ним относится, тем менее компетентным он чувствует себя в своей роли, неудовлетворен собой и тем, как выполняет обязанности родителя.

Наблюдается положительная взаимосвязь между шкалой опросника «Родительского выгорания» «Деперсонализация» и шкалой опросника ДОБР «Нозогнозия» ($r = 0,429$). Чем более для матерей характерно формальное отношение к своему ребенку, отчуждение и снижение эмпатии, тем более характерна правильная оценка состояния ребенка.

Отрицательные взаимосвязи при уровне значимости $p \leq 0,05$ были выявлены между шкалой «Контроль активности» опросника ДОБР и шкалой «Кооперация» опросника родительского отношения ($r = -0,388$). Чем сильнее родители ограничивают поведение ребенка, тем менее проявляют интерес к увлечениям ребенка и не поощряют в нем развитие самостоятельности.

У матерей здоровых детей не были обнаружены взаимосвязи шкал опросника родительского отношения и опросника ДОБР с методикой «Родительское выгорание» И.Н. Ефимовой. Таким образом, воспитание ребенка с РАС требует значительно больше эмоциональных ресурсов, что часто приводит к родительскому выгоранию. Принятие или отвержение ребенка напрямую влияет на эмоциональное состояние матери, а ее отношение к болезни ребенка вносит вклад в характер взаимодействия с ребенком. У матерей здоровых детей такие корреляции могут отсутствовать, поскольку они, как правило, не испытывают значительного стресса, связанного с болезнью или особыми потребностями ребенка. Их эмоциональное истощение и родительское выгорание менее выражены или не оказывают сильного влияния на восприятие ребенка и его развитие.

Выводы

По результатам исследования, у матерей детей с РАС уровни редукции родительских достижений и эмоционального истощения превышают норму. Гипотеза о том, что эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция родительских достижений выражены сильнее, чем у матерей здоровых детей, частично подтвердилась, так как деперсонализация у матерей детей с аутизмом не превышает границ нормы.

Гипотеза о более высоком уровне тревоги у матерей детей с РАС полностью подтвердилась. Эта группа матерей чувствует эмоциональное истощение и повышенную тревожность, испытывает трудности с выполнением родительских обязанностей, что приводит к эмоциональному выгоранию.

Матери детей с РАС сталкиваются с трудностями в принятии ребенка, его особенностей. Они чувствуют, что некомпетентны в своей родительской роли, имеют склонность обесценивать маленькие достижения ребенка в его развитии, переживают выраженную эмоциональную усталость.

В выборке матерей, имеющих детей с аутизмом, были установлены значимые связи между шкалами опросников родительского выгорания, родительского отношения и диагностики отношения к болезни ребенка. У матерей принятие ребенка с РАС взаимосвязано с компонентами родительского выгорания, в то время как у матерей здоровых детей не наблюдаются взаимосвязи с родительским выгоранием. Не подтвердились гипотезы о наличии у матерей детей с РАС положительной взаимосвязи между такими вариантами родительского отношения, как симбиоз и авторитарная гиперсоциализация, с одной стороны, и общей напряженностью, с другой, а также о взаимосвязи редукции родительских достижений со шкалой «Маленький неудачник».

Результаты могут быть использованы для разработки психологических рекомендаций и программ помощи матерям, воспитывающим детей с расстройствами аутистического спектра. Учитывая выявленные проблемы, важно уделять внимание в консультативной помощи снижению уровня эмоционального выгорания у матерей, развитию у них принятия особенностей детей с РАС, а также коррекции уровня тревожности.

Список литературы

1. Акбаева Д.Ж., Боброва В.В. Коэффициент людей с расстройством аутистического спектра в мире и альтернативные методы его коррекции и лечения // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2019. – № 1. – С. 54–58.
2. Башина В.М. Аутизм в детстве. – М. : Медицина, 1999. – 212 с.

3. Башина В.М., Симашкова Н.В. К особенностям коррекции речевых расстройств у больных с ранним детским аутизмом // Исцеление : альманах. – Вып. 1. – М., 1993. – С. 161–165.
4. Богачева О.И., Иванов М.В., Симашкова Н.В. Опыт апробации психологической программы для семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Клиническая и специальная психология. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 126–149.
5. Брагина Е.А., Белозерова Л.А., Прокофьева М.В. Отношение к ребенку и семейной роли матерей детей с расстройствами аутистического спектра и детей с нарушениями речи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2021. – № 2. – С. 39–45.
6. Горина Е.Н., Гринина Е.С., Рудзинская Т.Ф. Современные подходы к изучению семьи, воспитывающей ребенка с расстройством аутистического спектра // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 5. – С. 1–10.
7. Ефимова И.Н. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2013. – № 4. – С. 31–40.
8. Каган В.Е. Аутизм у детей. – Л. : Медицина, 1981. – 190 с.
9. Каплан Г.И., Седок Б. Аутизм. Первазивные расстройства // Клиническая психиатрия. – М., 2014. – С. 231–244.
10. Кузьмина А.С., Кривошей К.О. Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Психология и психотехника. – 2024. – № 1. – С. 1–10.
11. Куканов А.А., Фанталова Е.Б. Мотивационно-личностная сфера матерей, имеющих детей с аутизмом: Северная Америка и Западная Европа // Психологическая наука и образование. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 128–136.
12. Одинова Г.И. Эмоциональное выгорание у родителей, воспитывающих детей с РАС // VI Всероссийская научно-практическая интернет-конференция «Теория и практика дистанционного обучения учащихся и молодежи с ограниченными возможностями здоровья» : сб. материалов (г. Кемерово, 22 окт. 2019 г.). – Кемерово : Кемеров. обл. центр образования, 2019. – С. 131–134.
13. Структура родительского отношения к болезни ребенка с расстройством аутистического спектра / О.И. Богачева, М.В. Иванов, Е.Е. Балакирева и др. // Вестник психотерапии. – 2023. – № 87. – С. 49–59.

РАЗДЕЛ 5. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 159.9.07

DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-141-154

Русин Александр Вячеславович

магистрант кафедры психологии развития

shura.rusin@list.ru

Жданова Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, профессор, заведующий

кафедрой психологии развития

svetlanaur@gmail.com

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ИЗУЧЕНИЕ ЗАПРОСОВ ПЕРВОКУРСНИКОВ НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ

Alexander V. Rusin

Master's Student of the Department of Developmental Psychology

shura.rusin@list.ru

Svetlana U. Zhdanova

Doctor, Professor, Head of the Department of Developmental Psychology

svetlanaur@gmail.com

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia*

STUDYING THE REQUESTS OF FIRST-YEAR STUDENTS OF PERM STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY FOR THE PROVISION OF PSYCHOLOGICAL INFORMATION SERVICES

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного выявлению запросов первокурсников на услуги психологического информирования. Исследование было проведено на выборке студентов первого курса, обу-

чающихся в Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ). В исследовании приняли участие 92 человека, в том числе 48 респондентов первого курса, получающих высшее образование по программам бакалавриата, и 44 респондента, обучающихся на среднем специальном уровне, представляющих Колледж профессионального образования ПГНИУ. Методом исследования выступило анкетирование, которое позволило структурировать данные и выявить основные критерии анализа. Они включали такие важнейшие аспекты, как межличностные отношения, психоэмоциональное состояние, развитие личности. Результаты исследования показали, что только 34 % первокурсников имели опыт взаимодействия с психологами, в то время как большая часть, 66 % респондентов, никогда не обращались за профессиональной психологической помощью. Были выявлены различия в характере психологических запросов между студентами бакалавриата ПГНИУ и учащимися Колледжа профессионального образования, что указывает на необходимость разработки специализированных подходов к оказанию психологической помощи. Итоги исследования легли в основу создания программного обеспечения, а также чат-бота, предназначенного для оказания психологической поддержки обучающимся в ПГНИУ. Чат-бот способен предоставлять студентам ценные рекомендации, помогает пользователям лучше понять причины сложившихся ситуаций, описанных в их запросах, направлен на оказание эффективной психологической поддержки, улучшение психоэмоционального состояния студентов.

Ключевые слова: психологический запрос, первокурсники, межличностные отношения, самопознание, психоэмоциональное состояние, личностные качества.

Abstract. The article presents the results of a study devoted to identifying first-year students' requests for psychological information services. The study was conducted on a sample of first-year students studying at Perm State National Research University (PSNU). The study involved 92 people, including 48 first-year respondents receiving higher education in bachelor's programs and 44 respondents studying at a secondary specialized level, representing College of Professional Education of PSU. The research method was a questionnaire, which allowed structuring the data and identifying the main criteria of analysis. These criteria included such important aspects as interpersonal relationships, psycho-emotional state and personal development. The questionnaire was able to identify the level of experience of students in seeking psychological help: it turned out that only 34 % of first-year students had experience interacting with psychologists, while the majority, 66%, had never sought professional support. This highlights the importance of providing accessible information and advisory support for students entering a new stage of education. Differences in the nature of psychological requests were noted

between PSU bachelor's students and students of the College of Professional Education, which indicates the need to develop specialized approaches to providing psychological assistance. The results of the study formed the basis for the creation of meaningful software designed to expand the capabilities of psychological support for students in educational institutions, in particular, a chatbot for psychological support for students in educational institutions. This chatbot is able to provide students with valuable recommendations regarding their behavior, self-diagnosis, and the selection of appropriate specialized literature. In addition, it helps users better understand the reasons for the current situations described in their requests, thereby expanding the possibilities for effective psychological support and improving the overall emotional state of students.

Key words: psychological inquiry, first-year students, interpersonal relationships, self-knowledge, psycho-emotional state, personal qualities.

Введение

В последние годы сфера консультативной деятельности психологов существенно расширилась в связи с увеличением числа и усложнением проблем, с которыми сталкиваются студенты. Среди наиболее распространенных трудностей выделяются повышенная тревожность, проблемы межличностного взаимодействия, а также затруднения, возникающие в процессе обучения. Студенты нередко испытывают трудности, связанные с низкой академической успеваемостью и неорганизованностью, что может усугубляться конфликтными ситуациями как с преподавателями, так и с однокурсниками. Также наблюдается снижение учебной мотивации и возникновение проблем, связанных с низкой самооценкой, что может привести к склонности к асоциальному поведению. Это может выражаться в присоединении к маргинальным группировкам или проявляться в других формах девиантного поведения [4].

Образовательная деятельность в учебных заведениях и связанная с ней нагрузка, присущая современному учебному процессу, имеют значительное влияние на общее психофизиологическое состояние молодежи. Интенсивность учебного процесса требует от студентов высокой степени концентрации, настойчивости и уверенности в собственных силах. Однако нередко эти качества могут быть ослаблены различными факторами, включая сложности в межличностных взаимодействиях как с ровесниками, так и с преподавательским составом, вопросы самоидентификации в профессиональной и личностной сферах, а также адаптацию к изменениям в месте жительства и образовательной среде [11, 12, 14, 15].

Переходный период от школьного обучения к последующим образовательным ступеням, таким как среднее специальное и высшее образование, как правило, характеризуется различиями, связанными с многообразными стадиями

личностного и академического самоопределения. Поступление в среднее специальное учебное заведение чаще всего осуществляется после завершения 9-го класса, тогда как в вузы принимают абитуриентов, закончивших 11 классов. Этот переходный процесс имеет как схожие, так и отличительные черты, в зависимости от этапа образования, на котором находится учащийся.

Общим для всех поступающих является то, что они становятся первокурсниками, тем самым совершая переход на новую образовательную ступень. Однако между выпускниками девятого и одиннадцатого классов существует ряд значительных различий. Одним из ключевых факторов является возрастная разница, которая влияет на уровень зрелости, готовность к принятию жизненно важных решений и способность к самоуправлению в учебной деятельности. Кроме того, образовательные процессы в колледжах и высших учебных заведениях значительно различаются по своей структуре и содержанию. Учебные программы в колледжах нацелены на конкретные практические навыки и профессиональную подготовку, тогда как университеты предлагают более глубокое теоретическое содержание и академическую свободу, предполагая самостоятельное и критическое мышление. Эти различия делают параллели между первокурсниками колледжей и вузов лишь условными. Каждый путь представляет уникальные вызовы и возможности, определяемые этапом развития и образовательной траекторией, что требует дифференцированного подхода как со стороны образовательных учреждений, так и со стороны самих учащихся [3].

В проведенном исследовании Е.Л. Бережковской и Л.Г. Кравцова выявлены значительные различия в уровнях социально-психологической адаптации и развитии субъектности между первокурсниками колледжей и вузов. Исследование показывает, что студенты колледжей на первом курсе демонстрируют существенно более низкие показатели адаптации и субъектности по сравнению с первокурсниками вузов. Кроме того, было установлено, что по критерию уровня субъективного контроля студенты-первокурсники колледжей заметно уступают в этом аспекте студентам первых курсов вузов, которые поступают в университеты после окончания 11-го класса школы. Эти различия указывают на разнообразный характер адаптационных процессов, через которые проходят указанные группы обучающихся [3].

На основе описанных выше данных можно сделать вывод, что характер и динамика социально-психологической адаптации у первокурсников колледжей и вузов существенно различаются. Первокурсникам вузов, которые приходят после 11-го класса, возможно, помогает более высокая степень готовности к самостоятельному обучению и психологическая зрелость, связанная с возрастом и более длительным школьным обучением. В отличие от них, студенты колледжей могут сталкиваться с более выраженными трудностями в адаптации из-за меньшего жизненного опыта и младшего возраста, что отражается на их способности к самоконтролю и самостоятельному обучению.

В исследовании, проводившемся на базе Санкт-Петербургского государственного университета, были выявлены различия в выраженности трудностей, с которыми сталкиваются студенты колледжей и вузов. Анализ данных показал, что у студентов колледжей проблемы выражены более ярко, особенно в коммуникативной сфере. Студенты колледжей испытывают значительные трудности в общении как со сверстниками, так и с преподавателями, а также сталкиваются с задачами, связанными с адаптацией к стилю преподавания. Кроме того, у них чаще возникают проблемы с физическим здоровьем. Интересно, что в некоторых аспектах различия между этими двумя группами студентов не были значительными. Для студентов вузов центральными проблемами являются неуверенность в собственных силах, отсутствие интереса к обучению, эмоциональные трудности и сложности с усвоением учебного материала. У студентов колледжей, напротив, на первое место выходят задачи адаптации к стилю преподавателя и понимания учебного материала. Взаимодействие с преподавателями и уверенность в своих силах также остаются важными аспектами, тогда как отсутствие интереса к учебе, эмоциональные проблемы и общение с сокурсниками играют второстепенную роль [9].

Эти различия подчеркивают, что трудности, с которыми сталкиваются студенты колледжей и вузов, имеют разный характер и требуют специфического подхода для их преодоления. Студенты колледжей могут нуждаться в дополнительной поддержке для улучшения коммуникативных навыков и физического здоровья, в то время как студенты вузов могли бы выиграть от программ, усиливающих уверенность в себе и повышающих интерес к учебному процессу.

Анализ научной литературы показывает, что проблема адаптации студентов к образовательной среде колледжей и университетов получила широкое освещение в работах отечественных исследователей. В 2023 г. В.А. Питкин уделил внимание изучению зависимости отношения студентов к обучению от различных аспектов студенческой жизни, выявив при этом критерии социально-психологической адаптации [10]. Исследования А.Д. Ильиной были сфокусированы на проблеме дезадаптации первокурсников системы среднего профессионального образования, включая выявление причин и симптомов, а также разработку методов решения этой проблемы [6]. Важный вклад внесли М.А. Желтова и Н.П. Тропникова, которые исследовали трудности адаптации первокурсников колледжей, а также провели диагностику основных мотивов выбора профессии [5]. Они также отметили необходимость работы по формированию у студентов ценностно-смыслового отношения к будущей профессии. Исследование по адаптации первокурсников к университетской среде было проведено в 2022 г. Ю.А. Латушкиной, И.Ю. Машковой и П.А. Побокиным, которые проанализировали групповую картину адаптации студентов и разработали психологические стратегии оптимизации этого процесса [8]. Другие исследователи, такие как И.С. Кальбердин, Л.В. Ананьева, Т.А. Захарова

и А.А. Решетин, сфокусировались на изучении динамики адаптации первокурсников с учетом их хронотипа [1]. Их выводы могут стать научной основой для разработки мер, направленных на снижение стрессов адаптации, а также для выбора оптимальных стилей обучения и тренировок. Эти работы вносят значительный вклад в понимание процесса адаптации студентов и помогают создавать более благоприятные условия для их успешного обучения.

Исследование взаимосвязи между психологическими запросами и процессом адаптации первокурсников в высших учебных заведениях и учреждениях среднего профессионального образования представляет собой значимую область научного анализа. В условиях современного общества проблема адаптации студентов в колледжах и университетах приобретает все более выраженный характер и становится центральной задачей в контексте образовательных процессов и социальной динамики. Адаптация студентов к новому образовательному окружению обусловлена множеством факторов, включая их психологические потребности, уровень саморегуляции, а также готовность воспринимать новые социальные и академические вызовы. Эти аспекты играют ключевую роль в успешном переходе от школьного к высшему и среднему специальному образованию [8, 10, 13].

В настоящее время в научном мире мало изучены психологические запросы, касающиеся адаптации обучающихся в зависимости от уровня образования, на примере среднего специального и высшего образования. Академическое напряжение занимает центральное место в перечне трудностей, с которыми сталкивается студенческая молодежь в контексте своего образовательного процесса. Согласно обширным эмпирическим исследованиям, 61 % молодых людей сообщает о переживании значительного давления, которое ассоциируется с необходимостью поддерживать высокие показатели академической успеваемости в учреждениях высшего образования. Этот фактор может стать катализатором для возникновения ряда непредвиденных эмоциональных и психологических трудностей. В частности, студенты часто сталкиваются с чувством социальной изоляции и эмоциональной дезориентации, что может быть обусловлено их погруженностью в учебный процесс и связанным с этим стрессовым состоянием. Эти негативные переживания могут значительно осложнить процессы их интеграции в академическое сообщество и препятствовать полноценной социализации, важной для успешного профессионального и личностного развития [7].

Таким образом, процессы адаптации первокурсников в университетах и колледжах демонстрируют значительные различия, обусловленные уникальными образовательными и социальными условиями в каждой из этих сред.

В университетах, где образовательные программы часто носят глубокий теоретический характер и требуют высокого уровня самостоятельности, первокурсники сталкиваются с рядом специфических вызовов. Это может включать

в себя необходимость адаптации к более сложной и интенсивной учебной нагрузке, требования к развитию академических навыков критического мышления и аналитических способностей, а также к управлению временем и стрессом. Социально-психологические аспекты, такие как создание новых социальных связей в более крупном и зачастую более анонимном сообществе, также играют ключевую роль.

В то же время в колледжах, где акцент часто делается на более прикладные и практико-ориентированные программы, студенты первого курса могут сталкиваться с другими адаптационными вызовами. Образовательно-профессиональная среда колледжа может требовать более быстрого погружения в специализированные дисциплины и навыки, что может приводить к дополнительному стрессу и потребности в поддержке на этапах выбора и подтверждения профессиональной идентичности. Однако меньшее число студентов и более тесное взаимодействие с преподавательским составом могут способствовать более быстрому установлению межличностных связей и социальной интеграции.

Исходя из указанных различий можно предположить, что психологические запросы учащихся на первом курсе колледжа и университета действительно различаются. Эти отличия подчеркивают необходимость разработки и внедрения дифференцированных программ поддержки, которые бы учитывали специфические потребности каждой группы, что позволит более эффективно способствовать успешной адаптации студентов в различных образовательных контекстах.

Основная часть

В ходе исследования был использован метод анкетирования. Анкетирование проводилось среди 92 первокурсников университета и колледжа при Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ). В исследовании приняли участие 48 респондентов 1-го курса, получающие высшее образование, и 44 респондента 1-го курса среднего специального образования. Исследование предполагало предварительную процедуру заполнения обучающимися формы информированного согласия. Исследование проводилось в добровольном порядке. Испытуемый мог отказаться от участия в исследовании на любом этапе или же продолжить его проведение без каких-либо негативных последствий для себя.

Анкета была разработана с помощью методологического подхода, представленного в работах Н.А. Антоновой, К.Ю. Ерицян, Л.А. Цветковой [2].

В анкете преимущественно использовались открытые вопросы, которые позволяли респондентам дать развернутые ответы и подробно описать интересующий их запрос. Также в исследовании был применен закрытый вопрос для оценки предыдущего опыта обращения к различным специалистам в области психического здоровья. Открытые вопросы были сгруппированы по следующим категориям: межличностные отношения (отношения с родителями, сверстниками, представителями противоположного пола и преподавателями), нормализация психоэмоционального состояния, самопознание и развитие личностных качеств. Анализ данных включал в себя контент-анализ открытых вопросов. В качестве методов статистического анализа данных применялись: критерий ϕ -углового преобразования Фишера, описательные статистики и Microsoft Excel 2010.

В ходе исследования было обнаружено, что студенты первого курса имеют относительно небольшой опыт обращения к психологу: 35 % из них обращались за психологической помощью хотя бы раз в жизни, а 65 % никогда не обращались к психологу. Запросы на психологическую помощь, полученные от студентов ПГНИУ, были сгруппированы в соответствии с предложенной авторами классификацией, которая подразделяет все запросы на две большие подгруппы: конструктивные и неконструктивные. Это деление отражает уровень реалистичности или нереалистичности представлений и ожиданий клиентов относительно оказываемой помощи.

Неконструктивные запросы, которые составили 26 % от общего числа, были связаны с чрезмерной обобщенностью. Некоторые студенты испытывали трудности с формулировкой своего психологического запроса, например, отвечая: «сейчас никак не могу вспомнить» или «затрудняюсь ответить». Также были студенты, которые отказались конкретизировать свои запросы, говоря: «вопросов, которые я хотела обсудить с психологом, много», «обсудил бы данный вопрос лично с психологом», «это я хочу обсуждать лично на консультации, а не в анкете», или спрашивали: «будет ли в моем личном деле запись о походе к психологу».

Анализ запросов на психологическую помощь показал, что у первокурсников большое количество запросов связано с межличностными отношениями (27 %), самопознанием (27 %), развитием личностных качеств (19 %). Подкатегории и индикаторы анализа психологических запросов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Подкатегории и индикаторы психологических запросов первокурсников университета и учащихся колледжа

Категория запроса	Подкатегория запроса	Индикатор
Отношения с родителями	Чрезмерная опека родителей	«Как избавиться от гиперопеки», «нарушение личных границ», «ограничивают и контролируют во всем»
	Взаимопонимание с родителями	«Как найти общий язык с родителями», «недопонимания с родителями»
	Сепарация от родителей	«Как съехать от родителей», «как стать финансово независимым от родителей»
	Развитие отношений	«Как стать хорошим родителем», «как общаться с детьми», «как выстраиваются отношения с родителями»
Отношения со сверстниками	Взаимопонимание со сверстниками	«Как найти общий язык со всеми», «как наладить отношения с одноклассниками»
	Развитие дружеских отношений в коллективе	«Как построить дружеские отношения», «как подружиться, найти друзей», «не могу завести настоящих друзей»
	Как «вписаться» в коллектив	«Как адаптироваться к новым людям», «как влиться в коллектив», «как мне влиться в новый для меня коллектив, где уже есть свои устоявшиеся отношения»
Отношения с преподавателями	Предвзятое отношение со стороны преподавателя	«Выделение некоторых студентов», «у преподавателя есть любимчики», «халатное отношение к студентам»
	Взаимопонимание с преподавателями	«Как своими действиями и словами не обидеть преподавателя», «как найти общий язык с преподавателем»
	Страх высказать свое мнение преподавателю	«Как правильно сказать преподавателю, что он не прав», «как не бояться что-то сказать преподавателю»
Отношения с противоположным полом	Взаимопонимание с противоположным полом	«Как понять противоположный пол», «как не бояться обмана», «как принять человека»
	Страх общения с противоположным полом	«Боюсь общаться с противоположным полом», «как не бояться строить отношения»
	Развитие отношений	«Личностный рост благодаря отношениям», «как правильно выбрать партнера», «как создать комфорт в отношениях»
Психоэмоциональное состояние	Жалобы на депрессивную и тревожную симптоматику	«Повышенная тревога», «апатия»
	Эмоциональное выгорание	«Нет сил заниматься любимым делом, подавленное состояние после учебы»
	Жалобы на эмоциональную лабильность	«Резкие перепады настроения», «частая смена настроения, эмоциональные срывы по пустякам»

Окончание табл. 1

Категория запроса	Подкатегория запроса	Индикатор
Самопознание	Самопринятие и самопонимание	«Как слушать свое я, принять себя, свои слабые стороны», «как понять свой внутренний мир»
	Структурирование Я-концепции	«Как найти свои ценности», «как найти смысл жизни»
	Профессиональное самоопределение	«Куда мне поступать после колледжа», «как найти свое дело», «что делать, если мои интересы не соответствуют получаемой специальности»
Развитие личностных качеств	Самоконтроль	«Контроль эмоций», «упадок мотивации», «как быть стрессоустойчивым»
	Развитие волевых качеств личности	«Как не бросать начатое», «как не уставать от любимого дела»
	Развитие коммуникативных навыков	«Как выступать на публике», «как не бояться заявить о себе»

В ходе исследования также были выявлены различия в запросе на оказание психологических услуг между первокурсниками высшего учебного заведения и среднего специального образования (табл. 2).

В результате проведенного исследования были выявлены статистически значимые различия между первокурсниками университета и колледжа. Для студентов первого курса университета характерно желание наладить доверительные отношения с родителями, а также стремление узнать больше о воспитании детей и способах стать хорошими родителями. Это связано с тем, что студенты часто покидают родительский дом в момент поступления в университет, а также с более осознанным возрастом поступления (от 17 лет и выше) по сравнению с обучающимися средних специальных учебных заведений (от 15 лет). Студенты первого курса университета испытывают страх и волнение при общении с противоположным полом. Они также стремятся выстроить взаимовыгодные, доверительные отношения с преподавателями, однако испытывают страх высказывать свою точку зрения на занятиях. Это может быть связано с тем, что в высших учебных заведениях студентам предоставляется больше самостоятельности в процессе обучения, и преподаватели относятся к ним как к взрослым, по сравнению со студентами средних специальных учреждений. В отношении самопознания у студентов первого курса университета ярко выражено стремление к поиску жизненных ценностей и осознанию своего места в мире.

Таблица 2

**Различие в психологических запросах первокурсников,
получающих высшее и среднее специальное образование**

Категория запроса	Подкатегория запроса	1-й курс колледжа	1-й курс университета	ф-угловой критерий Фишера	<i>p</i>
Отношения с родителями	Чрезмерная опека родителей	3	3	0,11	–
	Взаимопонимание с родителями	11	15	2,6	$p < 0,01$
	Сепарация от родителей	11	6	1,55	$p < 0,1$
	Развитие здоровых отношений	1	6	2,01	$p < 0,05$
Отношения со сверстниками	Взаимопонимание со сверстниками	13	19	1,01	–
	Развитие дружеских отношений в коллективе	6	6	0,16	–
	Как «вписаться» в коллектив	6	5	0,48	–
Отношения с противоположным полом	Взаимопонимание с противоположным полом	10	14	0,71	–
	Страх общения с противоположным полом	0	5	3,15	$p < 0,001$
	Построение здоровых отношений	5	8	0,73	–
Отношения с преподавателями	Предвзятое отношение преподавателя к обучающимся	6	6	0,16	–
	Взаимопонимание с преподавателями	7	14	1,54	$p < 0,1$
	Как не бояться высказать свою точку зрения	1	6	2,01	$p < 0,05$
Психоземotionalное состояние	Жалобы на депрессивную и тревожную симптоматику	14	16	0,15	–
	Эмоциональное выгорание	8	2	2,25	$p < 0,05$
	Жалобы на эмоциональную лабильность	9	6	1,03	–
Самопознание личности	Самопринятие и самопонимание	16	10	1,66	$p < 0,01$
	Структурирование Я-концепции	2	6	1,4	$p < 0,05$
	Профессиональное самоопределение	12	7	1,51	$p < 0,05$
Развитие личностных качеств	Самоконтроль эмоций	15	16	1,15	–
	Развитие волевых качеств личности	15	3	3,55	$p < 0,001$
	Развитие коммуникативных навыков	3	2	1,03	–

Для первокурсников средних специальных учебных заведений характерно ярко выраженное стремление к сепарации от родителей. Они пытаются обрести автономию и финансовую независимость, что обусловлено возрастными особенностями этой группы обучающихся. Студенты среднего специального образования чаще подвержены эмоциональному выгоранию, которое проявляется в виде сильного физического, эмоционального и умственного истощения, а также неспособности концентрироваться во время учебы. Им требуется признание и принятие своих достоинств, недостатков, а также любых психологических и физических особенностей. Кроме того, они задумываются о выборе специальности после окончания колледжа. Первокурсники средних специальных учебных заведений также обращают внимание на развитие таких качеств, как дисциплинированность, организованность, настойчивость, целеустремленность, смелость, решительность, ответственность и уверенность в собственных силах.

Значимых различий в психологическом аспекте «отношения со сверстниками» между первокурсниками высших учебных заведений и средних специальных учебных заведений не выявлено.

Таким образом, представленный материал позволяет говорить об общих тенденциях и специфических особенностях в запросе обучающихся на психологическую помощь.

Общие тенденции проявляются в том, что для студентов университета и учащихся колледжа характерно стремление к самоопределению и формированию независимости в процессе обучения.

Специфические особенности проявляются в том, что студенты университета в большей мере ориентированы на построение доверительных отношений с родителями и преподавателями, а также на осознание своего места в мире. Это объясняется их более зрелым возрастом и необходимостью адаптации к самостоятельной жизни вдали от дома.

Учащиеся колледжа характеризуются стремлением к сепарации от родителей и финансовой независимости, что обусловлено возрастными особенностями. Они также чаще сталкиваются с эмоциональным выгоранием и нуждаются в признании своих достоинств и недостатков, а также обдумывают выбор дальнейшего профессионального пути.

Список литературы

1. Адаптация студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе в зависимости от их сезонных и суточных биоритмов / И.С. Кальбердин, Л.В. Ананьева, Т.А. Захарова, А.А. Решетин // Ученые записки университета Лесгафта. – 2022. – № 11 (213).

2. Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А. Запрос на психологическую помощь студентов педагогического вуза // Психология человека в образовании. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 208–217.

3. Бережковская Е.Л., Кравцов Л.Г. Социально-психологическая адаптация и уровень субъективного контроля у студентов, получающих среднее профессиональное и высшее образование // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Современный колледж». – 2022. – № 1.

4. Жданова С.Ю. Психологическое консультирование на разных этапах онтогенеза : моногр. / М-во науки и высш. образования РФ ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2020. – 144 с.

5. Желтова М.А., Тропникова Н.П. Адаптация как средство содействия формированию ценностно-смыслового отношения студентов-первокурсников педагогического колледжа к будущей профессиональной деятельности // Инновационное развитие профессионального образования. – 2024. – № 1 (41).

6. Ильина А.Д. Проблемы дезадаптации первокурсников СПО // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6.

7. Исследование по оценке адаптации первокурсников к студенческой жизни в выбранном университете (Аджман, ОАЭ) / Хадил Саад, Марьям Антар, Али Салем и др. // Южноазиатский исследовательский журнал сестринского дела и здравоохранения. – 2023. – Т. 5, № 5. – С. 65–71.

8. Латушкина Ю.А., Машкова И.Ю., Побокин П.А. Социально-психологическая адаптация студентов первого курса к условиям обучения в вузе // Гуманитарные науки. – 2022. – № 4 (60).

9. Петраш М.Д., Туренко Е.А., Гармонова А.Е. Межпоколенные отношения и трудности учебной деятельности студентов вузов и колледжей // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68-4.

10. Питкин В.А. Адаптация студентов-первокурсников в медицинском колледже // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 7. – С. 249–254.

11. Салпагаров М.Р. Эмпирические особенности психологической сепарации от родителей в период юности // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – Т. 4, № 74. – С. 308–310.

12. Толканюк З.А. Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников в колледже // Гуманитарные балканские исследования. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 79–81.

13. Трухан Н.С., Мамедова Л.В. Адаптация студентов первого курса // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – Т. 12, № 7. – С. 264–275.

14. Тюкаев А.С., Беганцова И.С. Причины и факторы, влияющие на профессиональное становление студентов в начальный период обучения в вузе // Colloquium-journal. – 2020. – № 12 (64).

15. Швацкий А.Ю. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации обучающихся к образовательной среде колледжа // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 391–395.

Электронное научное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
Психологические и педагогические науки

ВЫПУСК 1, 2024

Электронный научный журнал

Ответственный редактор выпуска:
Баландина Людмила Леонидовна

Дата размещения на сайте: 27.12.2024

Корректор *О.В. Вязова*
Компьютерная верстка *Д.Г. Григорьев*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 310
Тел. (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru